



## Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

## Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

## Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PG 3227

.S27

v.10

T 680 29  
No 748.



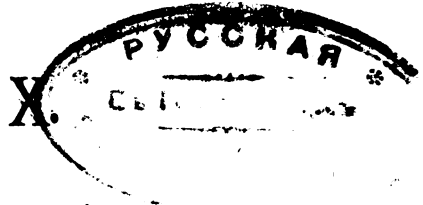
**INDIANA  
UNIVERSITY  
LIBRARY**



x 748. *Acacia*.



Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб. Невскій, 92).



# СБОРНИКЪ

*Сборникъ Товарищества Знаніе*  
ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1906 ГОДЪ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

v. 10

СОДЕРЖАНІЕ:

Л. Андреевъ. Къ звѣздамъ.  
Эмиль Верхарнъ. Возстаніе.  
А. Серафимовичъ. На Прѣснѣ.  
А. Лукьяновъ. Слѣпцы и безумцы.  
Лунджи Меркантини. Гимнъ гарибаль-  
дійцевъ.  
Скиталець. Огарки.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

PG 3227

. S 27

v. 10

**INDIANA UNIVERSITY LIBRARY**

**Тип. Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковского, 21.**



1-12-71

### СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр
Л. Андреевъ. Къ звѣздамъ . . . . .	1
Эмиль Верхарнъ. Возстаніе . . . . .	129
А. Серафимовичъ. На Прѣсиѣ . . . . .	135
А. Лукьяновъ. Слѣпцы и безумцы . . . . .	165
Луджи Меркантини. Гимнъ гарибальдійцевъ . . . . .	169
Скиталецъ. Огарки . . . . .	175



ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

КЪ ЗВѢЗДАМЪ.

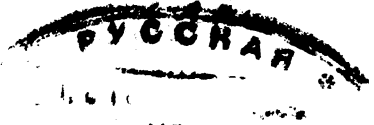
ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

## Леонидъ Андреевъ. Къ звѣздамъ.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во  
всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

*Гл. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ  
на переводъ и за справками къ представителю автора,  
Ив. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:*

*Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;  
„Bühnen-und-Buch Verlag russischer Autoren  
I. Ladyschnikow“.*



ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТЕРНОВСКІЙ, СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ. Русскій ученый, уѣхавшій за границу. Директоръ обсерваторіи. Знаменитъ; членъ многихъ академій и ученыхъ обществъ. Пятьдесятъ шесть лѣтъ, но на видъ кажется моложе. Движенія плавныя, спокойныя и очень точныя; такъ же сдержанъ и точенъ въ жестикуляціи, — ничего лишняго. Вѣжливъ, внимателенъ, но отъ всего этого отдаетъ холодомъ.

ТЕРНОВСКАЯ, ИННА АЛЕКСАНДРОВНА. Жена его, тѣхъ же почти лѣтъ.

НИКОЛАЙ. 27 лѣтъ.  
АННА. 25 лѣтъ. Красива и суха. Одѣта не къ лицу.

ДѢТИ ТЕРНОВСКИХЪ: ПЕТЯ. 18 лѣтъ. Блѣдный, изящный, хрупкій; черные, вьющіеся волосы, бѣлый отложной воротникъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ, ВАЛЕНТИНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ. Мужъ Анны. Лѣтъ 30. Рыжій. Самоувѣренъ, повелителенъ, насмѣшливъ. Иногда грубъ. Инженеръ.

МАРУСЯ. Невѣста Николая. 20 лѣтъ. Красивая.

ПОЛЛАКЪ. Сухой, высокій, съ большимъ лысымъ черепомъ, корректный. 32 года. Механиченъ. Куритъ сигары.

ЛУНЦЪ, ІОСИФЪ АБРАМОВИЧЪ. Еврей. 28 лѣтъ. Привычка обращаться съ точными инструментами придаетъ движеніямъ сдержанность и точность; но при волненіи Лунцъ не выдерживаетъ и жестикулируетъ со страстностью южанина-семита.

ЖИТОВЪ, ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ. Неопредѣленнаго возраста. Великъ, волосатъ, медвѣдеобразенъ. Всегда сидитъ. Своеобразно красивъ.

АССИСТЕНТЫ  
ТЕРНОВСКАГО:

ТРЕЙЧЪ. Рабочій. 30 лѣтъ. Черный, худощавый, очень красивый; сильно изогнутыя брови; дальнозорокъ. Простъ, серьезень, несловоохотливъ.

ШМИДЪ. Молодъ. Маленькаго роста; мелкія, но правильныя черты лица; одѣтъ тщательно; говоритъ тонкимъ голосомъ. Имѣетъ видъ незначительный.

СТАРУХА.

*Л. Андреев. Къ звездамъ.*

X 748

**ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.**

Обсерваторія въ горахъ. Поздній вечеръ. Сцена представляетъ двѣ комнаты: первая—нѣчто вродѣ столовой, большая, съ бѣлыми, толстыми стѣнами; у оконъ, за которыми мечется во тьмѣ что-то бѣлое, очень широкіе подоконники; огромный каминъ, въ которомъ горятъ полѣнья. Убранство простое, строгое, отсутствіе мягкой мебели и занавѣсокъ. Нѣсколько гравюръ: портреты астрономовъ, волхвы, приведенные звѣздою ко Христу. Лѣстница вверхъ, въ бібліотеку и кабинетъ Терновскаго. Задняя комната—обширный рабочій кабинетъ, въ общемъ похожій на первую комнату, но безъ камина. Нѣсколько столовъ. Фотографіи звѣздъ и лунной поверхности, нѣкоторые простѣйшіе инструменты. Сидитъ за работою ассистентъ Терновскаго, Поллакъ. Въ передней комнатѣ: Инна Александровна и Житовъ разговариваютъ; Петя читаетъ; Лунцъ ходитъ взадъ и впередъ. У очага кухарка, нѣмка, готовить кофе. За окнами свистъ и вой горной вьюги. Потрескиваютъ дрова въ каминѣ. Равномѣрно звонитъ колоколъ, съывая заблудившихся.



ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Звонить, звонить, а все безъ толку. За четыре дня хоть бы кто пришелъ. Сидишь, сидишь, да и подумашь: ужъ живы ли тамъ люди-то?

ПЕТЯ (отрываясь).

А кому прійти? Кто поидеть сюда?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, мало ли кто! Снизу можетъ кто прійти...

ПЕТЯ.

Не до того имъ, чтобы по горамъ лазить.

ЖИТОВЪ.

Да, положеніе затруднительное. Дороги нѣтъ—какъ въ осажденномъ городѣ, ни оттуда, ни отсюда.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Денька черезъ два и ѣсть нечего будетъ.

ЖИТОВЪ.

Такъ посидимъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вамъ-то хорошо говорить, Василий Васильевичъ,— вы, какъ медвѣдь, своимъ жиромъ недѣлю сыты будете,—а что мнѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ дѣлать?

ЖИТОВЪ.

А вы ему запасъ сдѣлайте, мы и такъ обойдемся. Лунцъ, а Лунцъ, вы бы сѣли!

(Лунцъ не отвѣчаетъ, ходитъ)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну и сторонка! Пойдите, словно постучалъ кто. Пойдите-ка!

(Прислушиваются)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, показалось. Какая метель, у васъ такой не бываетъ.

ЖИТОВЪ.

Бываетъ... въ степи.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Въ степи не жила... не знаю. Какъ бьетъ въ окна!

ПЕТЯ.

Ты напрасно ждешь, мама,—никто не придетъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А можетъ?.. (Пауза) Газеты старыя почитать, что-ли... да ужъ читаны, перечитаны. Иосифъ Абрамычъ, вы ничего новенькаго не слышали?

ЛУНЦЪ (останавливаясь).

Откуда же я могу услышать? Какъ вы странно спрашиваете. Вѣдь это же невозможно, ей-Богу. Откуда я могу услышать, сами посудите. Странно!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну-ну, я—такъ, не сердитесь. Душа кровью обливается, какъ подумаешь, что тамъ дѣлается, что тамъ дѣлается! Господи!

ЖИТОВЪ.

Дерутся.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Дерутся! Вамъ-то легко говорить, Василій Васильевичъ, у васъ тамъ никого своихъ нѣту, а у меня вѣдь дѣти! И ничего-то не знаешь, какъ въ лѣсу... да какое—въ лѣсу! Въ лѣсу хоть птица пролетитъ, заяцъ пробѣжить, а тутъ...

ЛУНЦЪ (на ходу).

Можетъ быть, тамъ уже полная побѣда. Можетъ быть, тамъ уже новый мѣръ—на развалинахъ стараго.

ЖИТОВЪ.

Не думаю. Не похоже было.

ПЕТЯ.

Почему это не думаете? Вы читали, что министерство подало въ отставку, что весь городъ въ баррикадахъ, что пролетаріатъ уже овладѣлъ ратушей? А за пять дней что могло произойти!

ЖИТОВЪ.

Ну, можетъ быть, не знаю. Лунцъ, вы бы съѣли. По моему разсчету, вы за эти дни верстъ двѣсти сдѣляли.

ЛУНЦЪ.

Отстаньте! Я вамъ не мѣшаю, и вы мнѣ не мѣшайте. Какъ это некультурно: врыватья въ чужую жизнь. Я же не говорю вамъ: Житовъ, не дремите по цѣлымъ часамъ, вы уже проспали вѣчность. Я не говорю!

(Петя подходитъ къ Лунцу и тихо разговариваетъ съ нимъ о чемъ-то. Ходятъ рядомъ, изрѣдка обмѣниваясь словами)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

(тихо, Житову).

Экій недотрога! Ну что же, Василій Васильевичъ, выпьемъ кофейку, что-ли, съ горя...

ЖИТОВЪ.

Я бы чаю выпилъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Сказалъ! Я бы и сама, батюшка, чайку-то бы выпила, да гдѣ его возьмешь. Съ малиновымъ вареньемъ бы—хорошо.

ЖИТОВЪ.

А я такъ—въ прикуску.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да что ужъ! Вы вотъ что скажите, Василій Васильевичъ,—ко всему я тутъ привыкла, ну ко всему, и къ горамъ этимъ, и къ безлюдью, а вотъ березку позабыть

не могу. Какъ подумаю, какъ вспомню—такъ часа два плачу, какъ угорѣлая. У насъ въ имѣніи усадьба на горкѣ стояла, а вокругъ березовая роща—какая роща! Послѣ дождя такой, бывало, подымется запахъ, что... что... (Утираетъ глаза)

ЖИТОВЪ.

А вы бы взяли, да и съѣздили въ Россію мѣсяца на два.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А съ кѣмъ же я его оставляю? Онъ тоже меня сколько разъ уговариваль, — да развѣ это можно! Ну вдругъ заболѣеть?—года у меня съ нимъ не маленькіе.

ЖИТОВЪ.

Я останусь.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите. Нѣту березки, и не надо,—вѣдь я къ слову сказала. Нѣтъ, нѣтъ. Тутъ тоже хорошо. Вотъ весна идетъ...

ЖИТОВЪ.

А если-бъ его въ Сибирь услали? Поѣхали-бъ?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А почему-жъ не поѣхать? И въ Сибири люди живутъ. Эка!

ЖИТОВЪ.

Вы славная, Инна Александровна.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (вѣжно).

А ты глупый,—развѣ старухамъ такія вещи говорятъ? А и вправду, Василій Васильевичъ, отчего бы вамъ не жениться? Жили бы тутъ да поживали, какъ мы вотъ съ Сергѣемъ Николаевичемъ.

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ, куда мнѣ... Человѣкъ я непосѣдливый.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (смѣется).

То-то, похоже.

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ, вѣрно. Нынче здѣсь, а завтра тамъ. Я и астрономію скоро брошу. Я вотъ въ Австраліи еще не былъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А туда зачѣмъ?

ЖИТОВЪ.

Да такъ. Посмотрѣть, какъ люди живутъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да вѣдь у васъ, Василій Васильевичъ, и денегъ-то нѣтъ. Это тому хорошо путешествовать, у кого есть деньги.

ЖИТОВЪ.

Да я не путешествовать, я такъ. Поступлю на желѣзную дорогу или на заводъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Изъ астрономовъ-то?

ЖИТОВЪ.

Что же, этому легко научиться. Я механику знаю  
Мнѣ немного надо, я человѣкъ неизбалованный.

(Пауза. Свистъ вьюги сильнѣе)

ПЕТЯ.

Мама, а папа гдѣ? работаетъ?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да... просилъ не мѣшать ему.

ПЕТЯ

(пожимая плечами).

Какъ онъ можетъ работать въ такое время! Не понимаю.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А такъ и можетъ. Что же, лучше, если онъ вотъ такъ метаться будетъ? Вонъ Поллакъ тоже работаетъ.

ПЕТЯ.

Ну, Поллакъ... Про него я уже не говорю. Поллакъ!  
(Тихо говорить съ Лунцемъ)

ЖИТОВЪ.

Поллакъ человѣкъ талантливый, онъ черезъ пять лѣтъ знаменитостью будетъ. Энергичный человѣкъ.  
(Инна Александровна смѣется) Чего вы смѣетесь, развѣ не правда?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да нѣтъ, я не тому. Очень онъ чудакъ,—иной разъ и нехорошо, а не удержишься... Онъ на какой-то

инструментъ похожъ,—какой у васъ есть инструментъ  
вродѣ него?

ЖИТОВЪ.

Не знаю.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Астролябія, кажется.

ЖИТОВЪ

Не знаю. А какъ вотъ можете вы смѣяться, удив-  
ляюсь я.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (вздыхаетъ).

Безъ смѣха нельзя, только смѣхомъ иногда и спа-  
саешься. Вотъ тоже расскажу я вамъ. Ъхали мы тогда  
изъ Россіи съ дѣтьми, со скарбомъ... дѣла были пло-  
хія, на билеты денегъ хватило, да и все тутъ. И какъ  
это случилось, до сихъ поръ понять не могу—потеряла  
я билеты. Никогда ничего не теряла, а тутъ...

ЖИТОВЪ.

Гдѣ же это, въ Россіи?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Если бы въ Россіи, а то за границей уже. Сидимъ  
мы на какой-то австрійской станціи... дѣти, чемоданы,  
подушки... взглянула я на эти подушки, да какъ за-  
хохочу! Ей-Богу! Сейчасъ смѣшно вспомнить.

ЖИТОВЪ.

А скажите, Инна Александровна, я до сихъ поръ  
толкомъ не разберусь: за что Сергѣй Николаевичъ вы-  
сланъ изъ Россіи?



ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да его не высылали, самъ уѣхалъ. Поссорился съ начальствомъ. Бумагу какую-то скверную заставляли его подписать, а онъ не сталъ, а потомъ министру дерзостей наговорилъ. Ну и уѣхали, а тутъ предложили ему эту обсерваторію—вотъ двѣнадцать лѣтъ на камняхъ и живемъ.

ЖИТОВЪ.

Значить, онъ можетъ вернуться, если захочетъ?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да зачѣмъ? Въ Россіи, вы знаете, такихъ обсерваторій нѣтъ.

ЖИТОВЪ.

А березка-то!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, вотъ, пустыки какіе! Пойдите, кто-то стучить.

(Вой метели)

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ. Показалось.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А все-таки... Минна, голубушка, сходите узнайте, будто пріѣхалъ кто. Этотъ колоколь всю душу вымочаетъ. Все кажется, словно идетъ кто или ѣдетъ. Слышите?

(Вой метели, звукъ колокола)

ЖИТОВЪ.

Эти мартовекія бури всегда самыя свирѣпыя. Внизу весна, а у насъ зима настоящая. Миндаль уже отцвѣлъ, пожалуй.

МИННА.

Никого нѣтъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что тамъ дѣлается! Что тамъ дѣлается! Главное, я за Коленьку боюсь. Вѣдь онъ такой, онъ ни на что не смотреть: ружья не ружья, пушки не пушки. Господи! Я и подумать объ этомъ не могу! Хоть бы вѣсточка какая, а то четыре дня—какъ въ могилѣ.

ЖИТОВЪ.

Ну, обойдется, скоро все узнаете. Барометръ поднимается.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А главное, будь бы за свое дѣло дрался. А то и люди чужіе, и страна чужая,—ну какое ему дѣло!

ПЕТЯ (горячо).

Николай—рыцарь. Онъ за всѣхъ угнетенныхъ, кто бы они ни были. Всѣ люди одинаковы, и чья бы страна ни была, все равно.

ЛУНЦЪ.

Чужіе! Страна, государство—не понимаю я этого. Что значитъ—чужіе, государство? Вотъ это раздѣленіе и создаетъ рабовъ, потому что когда въ одномъ домѣ грабятъ, то въ другомъ сидятъ спокойно, когда въ одномъ домѣ убиваютъ, то въ другомъ говорятъ: это насъ не касается. Свои! Чужіе! Я вотъ еврей, у меня своей страны нѣтъ—такъ, значитъ, я всѣмъ чужой? Нѣтъ, я всѣмъ свой, да... (Ходить) Да!

ПЕТЯ.

Конечно. Это уюсть—разбивать землю на какіе-то участки.

ЛУНЦЪ (ходить).

Да. Только и слышишь: свои, чужіе! Негры, жидаы!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, вы опять на свое повернули. Какъ не стыдно! Развѣ я что-нибудь говорю? Развѣ я говорю, что Коленька плохо дѣлаетъ? Сама-жъ я его послала: поѣзжай, голубчикъ, поскорѣе, а то здѣсь еще больше ты измучаешься. Господи, Коля-то да нехорошо,—я о томъ, что сердце у меня изболѣлось. Вѣдь я недѣлю въ такой мукѣ живу, въ такой мукѣ... Вы ночь-то спите, а я глазъ не смыкаю, все слушаю, слушаю: вьюга да колоколь, колоколь да вьюга. Плачетъ, хоронить кого-то... нѣтъ, не увижу я Колюшки!

(Вьюга, колоколь)

ПЕТЯ (ласково).

Ну, успокойся, мамочка, все обойдется. Онъ не одинъ тамъ,—почему непременно съ нимъ что-нибудь случится? Успокойся.

ЖИТОВЪ.

Не говоря уже о томъ, что съ нимъ Маруся и Анна Сергѣевна съ мужемъ. Все-таки поберегутъ. Да и такъ, вы знаете, какъ его любятъ всѣ,—у него теперь свита, какъ у генерала, даромъ пропасть не дадутъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Знаю, знаю, да что подѣлаешь! Но только про Ма-

русю вы мнѣ не говорите. Анна—женщина благоразумная, а Маруся—та сама впередъ полѣзеть. Знаю ее.

ПЕТЯ.

А ты чего, мама, хотѣла бы? Чтобъ Маруся пряталась?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Опять... да деритесь себѣ, сколько хотите, развѣ я что говорю? только не успокаивайте меня: сама знаю, что знаю, не маленькая. Какъ помоложе была, сама съ волками дралась. Вотъ что!

ЖИТОВЪ.

Съ волками? Вотъ вы какая, не ожидалъ. Какъ же это вы такъ?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да пустяки. Разъ ночью зимой ѣхала одна на лошади, на меня и напали. Отстрѣлялась. А меня они и дразнятъ до сихъ поръ.

ЖИТОВЪ.

А вы и стрѣлять умѣете?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Чему, Василій Васильевичъ, при такой жизни не научишься. Я съ Сергѣемъ Николаевичемъ въ Туркестанъ ѣзила на экспедицію, такъ полторы тысячи верстъ верхомъ сдѣлала, по-мужски. Мало-ли бывало! Тонула разъ, два раза горѣла... (Тихо) Только скажу вамъ, Василій Васильевичъ,—нѣтъ ничего страшнѣй въ мирѣ, какъ болѣзнь дѣтей. Разъ, тоже въ экспедици, у Колюшки жаба открылась, но показалось намъ сначала,

что это дифтеритъ. Что это было! Ни доктора, ни лѣкарствъ, до ближняго жилья версть 50, а то и больше. Выбѣжала я изъ палатки, да какъ брякнулась о землю... вспомнить страшно. Вѣдь у меня двое дѣтей умерло, вы знаете. Одинъ на седьмомъ году, Сереженька, другой еще груднымъ. Анюта разъ при смерти была, да что вспоминать... Тяжелая наша материнская доля, Василіи Васильевичъ... Благодареніе еще Богу, что дѣти хорошія вышли.

житовъ.

Да, Николай Сергѣевичъ у васъ удивительный человекъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Коля-то! Сколько я перевидала людей, а такой души еще не встрѣчала. Вотъ говорила я—чужое дѣло, сразу видно, что эгоистка... а Коля: если увидитъ онъ, что левъ разоряетъ муравьиную кучу, такъ онъ одинъ съ голыми руками на льва пойдетъ. Вотъ онъ какой! Что-то тамъ дѣлается! Что-то дѣлается!..

житовъ.

Если бы мнѣ не такъ хотѣлось въ Австралію...

ПОЛЛАКЪ (входитъ).

У васъ не найдется, уважаемая Инна Александровна, чашки чернаго кофе?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ же не найдется? найдется! Минна! (Идетъ)

житовъ.

Ну, какъ дѣла, коллега?

ПОЛЛАКЪ.

Хорошо. А вы что же ничего не дѣлаете?

ЖИТОВЪ.

Погода... Какая тутъ работа! Да и событія такія...

ПОЛЛАКЪ.

А не русская лѣнь?

ЖИТОВЪ.

Можетъ быть, и лѣнь. Кто знаетъ?

ПОЛЛАКЪ.

Нехорошо, дорогой товарищъ. Лунцъ, вы произвели вычисления, которыя поручилъ вамъ Сергѣй Николаевичъ?

ЛУНЦЪ (рѣзко).

Нѣтъ.

ПОЛЛАКЪ.

Напрасно.

ЛУНЦЪ.

Напрасно, не напрасно, это васъ не касается. Вы такой же ассистентъ, какъ и я, и не имѣете права дѣлать мнѣ замѣчанія. Да.

ПОЛЛАКЪ

(отворачивается, пожимая плечами).

Скажите, Житовъ, чтобы кофе мнѣ подали туда.

ЖИТОВЪ.

Ладно. А надъ чѣмъ сейчасъ работаетъ Сергѣй Николаевичъ? Я какъ-то отошелъ отъ дѣла за это время.

ПОЛЛАКЪ.

О, у него такая работа! Я самъ могу много работать, но я удивляюсь настойчивости Сергѣя Николаевича, силѣ его мозга. Это изумительный мозгъ. Трение, это возмутительное трение, отсутствуетъ въ немъ, какъ въ нашихъ инструментахъ. И работаетъ онъ съ правильностью часового механизма: я убѣжденъ, что въ его вычисленіяхъ за 30 лѣтъ нельзя найти ни одной ошибки.

ЛУНЦЪ (прислушиваясь).

Онъ не только работникъ, онъ—талантъ.

ПОЛЛАКЪ.

Совершенно вѣрно. У него числа и цифры—живыя и движутся, какъ солдаты.

ЛУНЦЪ.

Вы все сводите къ дисциплинѣ. Какая юнкерская поэзія!

ПОЛЛАКЪ.

Безъ дисциплины нѣтъ побѣды, дорогой Лунцъ.

ЖИТОВЪ.

Вѣрно!

ЛУНЦЪ.

Я о немъ думаю лучше, чѣмъ вы. Я думаю, что онъ видитъ вѣчность, видитъ, какъ мы вотъ эти стѣны. Да!

ПОЛЛАКЪ.

Я не возражаю. У васъ нѣтъ свѣдѣній, кончилась эта революція, или нѣтъ?

ЖИТОВЪ.

Какія тутъ свѣдѣнія! Слышите, что на дворѣ дѣлается?

ПОЛЛАКЪ.

Я упустилъ это обстоятельство изъ виду.

ПЕТЯ.

По послѣднимъ газетамъ...

ПОЛЛАКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ. Вы мнѣ скажете, когда все это кончится. Я не хочу входить въ подробности.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (входитъ).

Нѣтъ, никого. Выходила сама посмотрѣть—пустыня.

ПОЛЛАКЪ.

Такъ я попрошу васъ, уважаемая Инна Александровна, дать мнѣ кофе туда.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Хорошо, хорошо, работайте. Сейчасъ работа—это прямо счастье.

(Поллакъ уходитъ)

ПЕТЯ.

А я думаю, что бываютъ минуты, когда работать надъ чѣмъ-нибудь нечестно.



ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Петя, Петя!

ПЕТЯ.

Я не могу! Отчего вы не пускаете меня туда? Я тутъ съ ума схожу, въ этой дырѣ!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Петичка, голубчикъ, вѣдь тебѣ 18 лѣтъ еще нѣту.

ПЕТЯ.

Николай въ 19 лѣтъ въ тюрьмѣ уже сидѣлъ!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, что же тутъ хорошаго?

ПЕТЯ.

Онъ работалъ!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, Господи, ну, поговори съ отцомъ... какъ онъ скажетъ, такъ и будетъ.

ПЕТЯ.

Онъ говорить: ступай.

ЖИТОВЪ.

Зачѣмъ же дѣло стало?

ПЕТЯ.

Я не знаю, я не могу. Тамъ такая великая борьба, а я... Я не могу, я не могу! (Уходитъ)

ЛУНЦЪ.

Петя опять нервничаетъ. Вы, Инна Александровна, занялись бы имъ.

(Идетъ вслѣдъ за Петей)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну что же я подѣлаю? Боже мой, Боже мой!

ЖИТОВЪ.

Ничего, пройдетъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣжный онъ такой, совсѣмъ какъ дѣвочка... ну куда ему! И что съ нимъ въ эти дни сдѣлалось! А тутъ еще этотъ Лунцъ: нужно бы успокоить, а онъ...

ЖИТОВЪ.

Ну, у Лунца у самого, того и гляди, истерика сдѣлается.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вижу ужъ. Спасибо вы, Василий Васильевичъ, еще спокойны, а то хоть ложись въ гробъ, да умирай.

ЖИТОВЪ.

Ну, я-то что. Я всегда спокоенъ, у меня ужъ характеръ такой. Иной разъ и радъ бы поволноваться, да не выходить.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Хорошій характеръ.

ЖИТОВЪ.

Не знаю. Удобный, конечно, характеръ. Жаль вотъ

только, что газетъ нѣту: люблю почитать, какъ люди тамъ волнуются.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А вы знаете, что у Лунца четыре года назадъ, когда онъ тутъ, заграницей, еще студентомъ былъ, родителей убили? Во время еврейскаго погрома...

ЖИТОВЪ.

Знаю, слыхалъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Онъ самъ объ этомъ никогда не говоритъ, не выносить. Несчастный молодой человѣкъ... я иногда на него безъ слезъ смотрѣть не могу. Опять стучить?

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Въ третьемъ году въ такую погоду разносчикъ къ намъ попалъ. Чуть живой. А оттаялъ—сейчасъ же торговать началъ.

ЖИТОВЪ.

Вотъ и я разносчикомъ въ Австралію пойду.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да вѣдь вы англійскаго не знаете.

ЖИТОВЪ.

Немного знаю. Въ Калифорніи научился.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, а я все-таки газеты читаю. Ни о чемъ дру-

гомъ думать не могу. И вы бы почитали что-нибудь, Василий Васильевичъ.

житовъ.

Не хочется. Я у камина посижу.

(Инна Александровна надѣваетъ очки и разбираетъ газеты; Житовъ садится у камина. Поллакъ работаетъ. Вьюга, ко-  
локоль)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что-то мой Сергѣй Николаевичъ? Я ужъ его два дня не видала: и пьетъ, и ѣсть тамъ. И входить не велѣлъ.

житовъ.

М-да.

(Пауза)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (читаетъ).

Какіе ужасы! Что это такое пулеметы, Василий Васильевичъ?

житовъ.

Это такая пушка особенная.

(Пауза. Инна проноситъ Поллаку кофе)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Взяла бы я сама пулеметь, да ихъ бы...

житовъ.

М-да. Штука серьезная.

(Пауза)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ воеетъ! Читать нельзя. А мнѣ васъ жалко будетъ, Василий Васильевичъ, если вы въ Австралію уѣдете. Не ѣздите, а?

ЖИТОВЪ.

Невозможно. Непосѣдливый я человекъ. Мнѣ бы, Инна Александровна, хотѣлось всю землю кругомъ ощупать—какая она. Изъ Австраліи я въ Индію поѣду, я еще тигровъ на свободѣ не видалъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А зачѣмъ они вамъ понадобились?

ЖИТОВЪ.

Не знаю. Я, Инна Александровна, смотрѣть люблю. Какъ все это вообще. У насъ въ деревнѣ бугоръ былъ, такъ я, мальчишкой еще, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ, смотрѣлъ все. Я и астрономіей-то занялся, чтобъ смотрѣть, а вычислять не люблю: не все ли равно, 20 милліоновъ миль или 30. И разговаривать я тоже не люблю.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну-ну, не буду. Смотрите себѣ.

(Пауза. Вьюга. Колоколь)

ЖИТОВЪ (не оборачиваясь).

А вы и въ Канаду съ Сергѣемъ Николаевичемъ поѣдете? На затменіе?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А? Въ Канаду? Поѣду. Какъ же онъ безъ меня?

ЖИТОВЪ.

Тяжело будетъ. Далеко.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Пустяки. Только бы тутъ все обошлось. Господи, Господи, подумать страшно!

(Молчаніе. Вьюга, колоколь)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Василій Васильевич!

ЖИТОВЪ.

Что?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вы слышите?

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Опять что-то показалось.

(Пауза)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Василій Васильевичъ, вы слышите?

ЖИТОВЪ.

Ну?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Выстрѣлъ былъ.

ЖИТОВЪ.

Откуда тутъ выстрѣлъ? Просто—галлюцинація слуха.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А я такъ ясно слышала.

(Пауза. Далекій выстрѣлъ)

ЖИТОВЪ.

Эге! Стрѣляютъ!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (бѣжитъ).

Минна, Минна! Францы!

(Житовъ медленно поднимается. Второй выстрѣлъ, ближе. Быстро проходятъ Петья и Лунцъ)

ПЕТЯ.

Что это?

ЛУНЦЪ.

Не знаю. Идемъ!

(Житовъ слушаетъ у окна. Поллакъ поворачиваетъ голову, смотритъ на пустую комнату и снова работаетъ. Гдѣ-то хлопаетъ дверь; собачій лай)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (входитъ).

Послала людей съ Вулканомъ. Вѣроятно, кто-нибудь заблудился.

ЖИТОВЪ.

А колоколь?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вѣтеръ оттуда. Вы слышали, какъ ясны выстрѣлы?

ПОЛЛАКЪ (входитъ).

Я ничѣмъ не могу быть полезенъ?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Пока нѣтъ. Нужно приготовить горячаго.

(Хлопаетъ снова дверь. Слышенъ говоръ. Въ сопровожденіи всѣхъ входятъ закутанные и запыленные сабгомъ Анна и Трейчъ и вносятъ Верховцева)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (на порогѣ).

Что это? Анна?

АННА

(снимая платокъ).

Мама, поскорѣ чего-нибудь горячаго. Мы чуть живы. Я боюсь, что Валентинъ отморозилъ себѣ что-нибудь. Скорѣ! (Въ полуобморочномъ состояніи падаетъ на стулъ)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

(быстро подходитъ къ принесенному).

Валентинъ! Что такое?

ТРЕЙЧЪ.

Онъ раненъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ (слабо).

Не... безпокойтесь, теща, не важно... ноги...

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А это кто?

ТРЕЙЧЪ.

Другъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

(осматривается съ дикимъ ужасомъ вокругъ).

А Коля?

(Пауза. Петя со слезами бросается къ Иннѣ Александровнѣ)

ПЕТЯ.

Мамочка, мамочка! Это ничего, ты не пугайся, это ничего.



ИННА АЛЕКСАНДРОВНА  
(слегка отстраняя его, болѣе спокойно).

А Коля гдѣ?

АННА  
(приходя въ себя и начиная хлопотать около раненаго).  
Ахъ, мама! Да ничего особеннаго, онъ въ тюрьмѣ.

ЛУНЦЪ.  
Значить? Пойдите, погодите, я ничего не понимаю.  
Значить?..

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.  
Въ тюрьмѣ. Въ какой тюрьмѣ?

АННА.  
Ну, Господи, какъ этого не понять. Мы бѣжали,  
вотъ и все... и хотимъ укрыться здѣсь.

ПОЛЛАКЪ.  
Революція кончилась?

ЛУНЦЪ.  
Но я не понимаю. Неужели?..

ТРЕЙЧЪ.  
Да. Мы разбиты.

(Пауза)

АННА.  
Мама, да распорядись же относительно горячаго!  
Воды, коньяку... Вата у васъ есть?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.  
Сейчасъ все будетъ. Минна! (Идетъ) Въ тюрьмѣ!..

ЖИТОВЪ.

А нужно бы позвать Сергѣя Николаевича.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я пошлю за нимъ.

ПОЛЛАКЪ.

Разскажите, пожалуйста, какъ это случилось...  
господинъ...

ТРЕЙЧЪ.

Трейчъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ (слабо).

Безъ Трейча... я бы подохъ. Анна, да не суетись  
ты такъ, я чувствую себя... великолѣпно.

АННА.

Какъ мы дошли, я не понимаю! Это такой ужасъ.  
Мы сегодня съ восьми часовъ въ горахъ. Цѣлый день.  
Насъ чуть не схватили на границѣ.

ЛУНЦЪ.

Я не могу повѣрить...

ПЕЛЯ.

Валя, что у тебя? Тебѣ больно?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ноги ободраны... осколкомъ и... голова... немного.  
Вадоръ.

ЛУНЦЪ.

Въ васъ посылали бомбы?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Буржуа... защищался... недурно.

АННА.

Валентинъ, тебѣ нельзя говорить. Какой это былъ ужасъ, какой это былъ ужасъ! Бомбы рвали на клочки, убитыхъ тысячи—десятки тысячъ. У ратуши я видѣла гору труповъ!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (подходить).

А Коля? Расскажите мнѣ про Колю.

АННА.

Въ сущности, неизвѣстно, гдѣ онъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что? Ты же сказала...

ПЕТЯ.

И Маруси нѣтъ! Вы что-то скрываете. А вотъ вы говорили, Лунцъ...

ЛУНЦЪ.

Петя, Петя! Да развѣ я думалъ! Я не могу повѣрить...

АННА.

Очень нужно скрывать.

ТРЕЙЧЪ.

Успокойтесь, госпожа Терновская. Я убѣжденъ, что Николай живъ.

АННА.

Вонъ Трейчъ расскажетъ. Онъ былъ рядомъ съ Колей на баррикадѣ.

ТРЕЙЧЪ.

Въ послѣдній моментъ, когда баррикада была почти въ рукахъ войскъ, Николая ранили. Онъ стоялъ рядомъ со мной, и я видѣлъ, какъ онъ упалъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Господи! Опасно? Можетъ быть, убить? Да говорите же!

ТРЕЙЧЪ.

Не думаю, чтобы опасно.

ФРАНЦЪ.

Г. профессоръ приказали сказать, что сейчасъ придуть.

АННА.

Конечно, чего торопиться!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну-ну! Да говорите же!

ТРЕЙЧЪ.

Кажется, пулевая или картечная рана въ плечо. Вначалѣ онъ былъ въ сознаниі, но потомъ впалъ въ безпамятство. Я донесъ его до переулка, но здѣсь встрѣтился отрядъ драгунъ. Долго я бороться не могъ, тѣмъ болѣе, что я подвергалъ его опасности разстрѣла; и я оставилъ тѣло имъ, а самъ вернулся къ нашимъ. Теперь, вѣроятно, онъ въ тюрьмѣ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (плачетъ).

Колюшка, Колюшка! А мы-то сидимъ и ничего не знаемъ. Чуюло мое сердце, чуюло. Ну, не опасно онъ, скажите? А?

ТРЕЙЧЪ.

Не думаю.

ПЕТЯ.

А Маруся? Отчего вы ничего не скажете про Марусю?  
Она убита?

АННА.

Да нѣтъ! Валя, хочешь воды съ коньякомъ?

ТРЕЙЧЪ.

Мы видѣли ее не одну минуту. Она осталась, чтобы  
розыскать товарища Николая.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, Маруська! Молодецъ, ей-Богу. Такъ и надо,  
такъ и надо. Вотъ скажите, вотъ какая дѣвушка!  
Какъ васъ, Трейчъ... хотите коньяку? на васъ лица  
нѣтъ. Выпейте, голубчикъ. Я бы васъ поцѣловала, да  
знаю, что вашъ братъ этого не любитъ.

ТРЕЙЧЪ.

Сочту за особенную честь. (Цѣлуются)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ ты, Маруська, Маруська! И этотъ тоже... Минна!  
(Выходить)

ЛУНЦЪ

(почти въ безуміи).

Значить, напрасно?

ПОЛЛАКЪ.

Повидимому.

ЛУНЦЪ.

Значить, напрасно вся эта кровь, эти тысячи жертвъ, эта непримѣрная борьба, эта... эта... Проклятые! Зачѣмъ я былъ здѣсь? Зачѣмъ я не легъ тамъ, съ моими братьями?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Какъ же... вы хотите, чтобы... буржуа... сразу отдалъ... свое владычество надъ землей?.. Буржуа... не дуракъ. И лезъ еще успѣете.

ТРЕЙЧЪ.

Борьба не кончена.

ПОЛЛАКЪ.

Вы рабочій, г. Трейчъ?

ТРЕЙЧЪ.

Рабочій. Кстати: я не сказалъ г-жѣ Терновской такъ какъ не хотѣлъ тревожить ее напрасно, что Николай, быть можетъ, разстрѣлянъ.

ПЕТЯ.

Разстрѣлянъ!

ТРЕЙЧЪ.

Уже по дорогѣ сюда я слыхалъ, что они разстрѣливаютъ всѣхъ плѣнныхъ безъ суда... и раненыхъ также.

ПЕТЯ

(вадрагиваетъ и закрываетъ лицо руками).

Какой ужасъ!

ЛУНЦЪ.

Звѣри! Они всегда питались человѣческой кровью. Они сыты ею по горло.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да... они никогда не были... вегета... ріанцами.

ЛУНЦЪ.

Какъ можете вы шутить!

АННА.

Валя, вѣдь тебѣ же нельзя говорить.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Это ободранныя... ноги приводятъ меня въ такое... настроеніе. Я замолчу, Анна, я усталъ. Мнѣ только... интересно взглянуть... на фізіономію звѣздочета.

ТРЕЙЧЪ.

Тише. (Входятъ Инна Александровна) Они борются, и мы, конечно, не можемъ предписывать имъ правиль борьбы.

ЖИТОВЪ.

А вотъ и Сергѣй Николаевичъ.

(На верху тѣствицы показывается Сергѣй Николаевичъ и на ходу бросаетъ)

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Что это? Гдѣ Николай?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Не пугайся, отецъ. Онъ раненъ, въ тюрьмѣ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

(останавливаясь, сверху).

Развѣ тамъ еще убиваютъ? Развѣ тамъ еще есть тюрьмы?

ВЕРХОВЦЕВЪ (алобно).

Съ неба... свалился!





*Л. Андреевъ. Къ звездамъ.*

## ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Весеннее ясное утро въ горахъ; небо безоблачно; все залито солнцемъ. Справа, въ глубинѣ, уголь зданія обсерваторіи съ уходящей вверхъ башней; середина—дворъ, по которому проложены асфальтовые дорожки, какъ въ монастыряхъ; дворъ неровный, опускается внизъ, къ задней сторонѣ сены, гдѣ низкій каменный заборъ и ворота. За нимъ цѣпь горъ, но не выше той, на которой расположена обсерваторія. Слева и ближе къ авансену уголь дома съ каменной верандой надъ обрывомъ. Полное отсутствіе растительности. Со времени перваго дѣйствія прошло три недѣли. Верховцевъ въ креслѣ на колесахъ: его возитъ назадъ и впередъ Анна. Житовъ сидитъ у стѣны—грѣется на солнцѣ. Всѣ одѣты по-весеннему, кромѣ Житова, который въ одномъ пиджакѣ.

ЖИТОВЪ (сидить).

А то дали бы мнѣ, Анна Сергѣевна, я бы повозилъ.

АННА.

Нѣтъ, ужъ сидите, никого не люблю утруждать. Тебѣ хорошо, Валя?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Хорошо, только за какимъ чортомъ вертимся мы здѣсь, какъ крысы въ крысоловкѣ. Поставь меня рядомъ съ Житовымъ, я тоже хочу запасться энергіей отъ солнца. Такъ, хорошо. Пріятно!

АННА.

Отчего вы не работаете, Житовъ?

ЖИТОВЪ.

Погода такая. Я, какъ възграетъ весеннее солнце, такъ ужъ не могу въ комнатахъ сидѣть. Вотъ погрѣюсь, погрѣюсь, да и...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Житовъ, а вы не турокъ?

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

А къ вамъ бы шло: състь этакъ, да на пупокъ  
смотримъ или какъ тамъ...

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ, я не турокъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

А я васъ понимаю: пріятно на солнышкѣ. Жалко  
Николу: ему этого удовольствія не получить. Я знаю  
эту Штернбергскую тюрьму: въ нее не только солнце  
не заглядываетъ, въ ней и неба-то не видно. Я въ ней  
только мѣсяцъ просидѣлъ, такъ и то въ какой-то  
сплошной компрессъ превратился отъ сырости. Мер-  
зость!

АННА.

Хорошо, что хоть живъ. Я была убѣждена, что его  
разстрѣляли.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Погоди, за этимъ еще дѣло не станетъ. Нужно бы  
разбудить Маруську, узнать все поскорѣе.

ЖИТОВЪ.

Она поздно пріѣхала.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Слыхалъ. Весь домъ пѣнъемъ разбудила. Я даже  
удивился, кто можетъ пѣть въ этомъ мавзолеѣ. Поду-  
малъ, ужъ не Поллакъ ли новую звѣзду открылъ.

ЖИТОВЪ.

Разъ поетъ, значитъ, все хорошо.

АННА.

Я не понимаю этого: пѣтъ, когда всѣ спятъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

(показывается на верандѣ).

А Лунцъ не приходилъ?

АННА.

Нѣтъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Господи, что же это! Его Сергѣй Николаевичъ спрашиваетъ—ну что я скажу? Разбрелись всѣ, какъ овцы, одинъ Поллакъ работаетъ. А Марусечка-то вчера—запѣла! Какъ я услышала—духъ захватило... ну, думаю...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Разбудите-ка ее, теща.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ни-ни. И не думай. Пусть хоть до вечера спить.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ну, Шмидта этого.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

И Шмидта не стану будить. Человѣкъ съ дороги, такую радость привезъ, а я ему поспать не дамъ! Вотъ вы этого Лунца пришлите, когда вернется. (Идетъ и у двери останавливается) Солнышко-то грѣетъ,—Василій Васильевичъ! Какъ у насъ. Я нынче утромъ въ ящикъ земли насыпала, да редиску посѣяла. Пусть растетъ, кое-кому пригодится! (Уходитъ).

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Энергичная старушка. Редиска, х-мъ!

(Пауза)

АННА.

Вы думаете о чемъ-нибудь, Житовъ, когда вотъ такъ уставитесь?

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ. Зачѣмъ думать? Я такъ смотрю.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Врете вы. Какъ можно не думать—ну, если не думаетъ, такъ вспоминаете что-нибудь.

ЖИТОВЪ.

У меня воспоминаній не бываетъ. А впрочемъ... Хорошо въ Нью-Йоркѣ было: жилъ я въ гостиницѣ на самой шумной ихней улицѣ, и балконъ у меня былъ...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ну?

ЖИТОВЪ.

Такъ вотъ: хорошо очень было. Сидишь и смотришь: какъ это они тамъ ходять, ѣздять. Воздушная дорога. Интересно.

АННА.

У американцевъ высокая культура.

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ, я не объ этомъ. А такъ интересно очень. (Пауза) А, правда, гдѣ Лунцъ?

АННА.

Вчера еще съ вечера съ Трейчемъ ушелъ въ горы.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

На изслѣдованія?

ЖИТОВЪ.

Изслѣдованія?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Трейчъ всегда что-нибудь изслѣдуетъ. Онъ уже, навѣрное, изслѣдовалъ вашу храмъ Ураніи и рѣшилъ, что онъ можетъ быть превосходнымъ складомъ для оружія. Теперь онъ изслѣдуетъ горы: вѣроятно, ищетъ мѣста для оружейнаго завода.

АННА.

Трейчъ—фантазеръ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ну, не совсѣмъ. Въ его фантазіяхъ есть странная черта. При своемъ иногда явномъ безуміи онѣ какъ-то осуществляются. Вообще, любопытный малый. Говорить мало, а пропагандировать никто такъ не умѣетъ, какъ онъ. Выражаясь вашимъ астрономическимъ языкомъ—онъ луну заставитъ разгорѣться, какъ солнце. Откуда его Николай вытащилъ, не знаю.

ПЕТЯ (входитъ).

Добрый день.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Что это ты, Пѣтушокъ, такой хмурый?

ПЕТЯ.

Такъ.

АННА.

Ты знаешь, что Николай въ тюрьмѣ?

ПЕТЯ.

Знаю, мнѣ мама говорила.

АННА.

Я не понимаю, отчего ты киснешь. Точно уксусу  
напился—противно смотрѣть.

ПЕТЯ.

И не смотри.

ЖИТОВЪ.

Петя, поѣдьте со мной въ Австралію.

ПЕТЯ.

Зачѣмъ?

АННА.

Ты, какъ маленькія дѣти, все—зачѣмъ, зачѣмъ. Его  
вчера въ горы зовутъ, а онъ „зачѣмъ?“ А зачѣмъ  
ты ѣшь?

ПЕТЯ.

Не знаю. Отстань отъ меня, Анна.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Не могу сказать, чтобы ты былъ чрезмѣрно вѣж-  
ливъ, мой другъ. А вотъ и наши! (Показываются забрыз-  
ганные грязью Трейчъ и Лунцъ) Лунцъ, васъ звѣдочетъ  
спрашивалъ. Держитесь, влетитъ вамъ теперь.



ЛУНЦЪ.

А, ну его къ... Виновать, Анна Сергѣевна.

АННА.

Можете. Я не изъ нѣжныхъ дочерей и присоединяюсь къ вашему пожеланію.

ПЕТЯ.

Какъ это пошло!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ну, какъ погуляли, Трейчъ? Нашли что-нибудь?

ТРЕЙЧЪ.

Мѣстность хорошая.

АННА.

А вы знаете, что Маруся ночью пріѣхала?

ТРЕЙЧЪ

(дѣлая шагъ впередъ).

Ну?! Николай? Николай?..

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Разстрѣлянь. Повѣшенъ. Колесованъ.

АННА.

Да нѣтъ—живъ, живъ!

(За окномъ музыка и пѣвіе Маруси)

МАРУСЯ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой—вскормлен-  
ный на волѣ орелъ молодой...

ТРЕЙЧЪ.

Онъ въ тюрьмѣ? Спасень?

МАРУСЯ.

Мой грустный товарищъ, махая крыломъ, кровавую  
пищу клюеть подъ окномъ...

ВЕРХОВЦЕВЪ (поетъ).

Клюеть—и бросаетъ, и смотреть въ окно, какъ  
будто со мною задумалъ одно.—Зоветь меня взглядомъ  
и крикомъ своимъ—и вымолвить хочетъ: давай улетимъ.

МАРУСЯ

(выходить, страстно).

Мы вольныя птицы! Пора, братъ, пора. Туда, гдѣ  
за тучей бѣлѣетъ гора,—туда, гдѣ синѣютъ морскіе  
края,—туда, гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ да я!

ТРЕЙЧЪ.

Маруся!

АННА.

Какой неумѣстный концертъ!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

(идетъ сзади, утирая глаза).

Орлятки вы мои...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вы, теща, произносите это совершенно такъ же, какъ:  
цыплятки вы мои...

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да и цыплятки: вонъ ты какъ оципанъ, хоть сей-  
часъ въ супъ.

МАРУСЯ.

Анна, здравствуйте! (Трейчу) Вамъ—поцѣлуй!

ТРЕЙЧЪ

(быстро закрываетъ рукой глаза и тотчасъ отнимаетъ руку).

Я счастливъ.

МАРУСЯ.

И всѣмъ, и всѣмъ. Тебѣ, инвалидъ, тоже.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да ты видѣла его?

МАРУСЯ.

Давай улетимъ!

ЛУНЦЪ.

Это даже нехорошо. Всѣ такъ хотятъ знать...

МАРУСЯ.

И видѣла, и все. Да... вотъ этотъ господинъ... это Шмидтъ, позвольте представить. Это удивительный господинъ. Пока онъ такъ, служить въ банкѣ, но со временемъ окажетъ массу услугъ для революціи. Онъ страшно похожъ на шпіона и онъ такъ помогъ мнѣ... Кланяйтесь, Шмидтъ.

ШМИДТЪ.

Я очень радъ. Добрый день.

МАРУСЯ.

Петя, милый мальчикъ, отчего ты такой грустный?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Это, Маруся, выражаясь скромно—свинство.

МАРУСЯ.

Ну-ну, калѣва, не сердись. Развѣ можно сегодня сердиться? Ну, онъ въ Штерпбергской тюрьмѣ...

ГОЛОСА.

Знаемъ. Знаемъ.

МАРУСЯ.

Ну—и хотѣли его разстрѣлять.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Господи—Колю-то!?

МАРУСЯ.

Успокойтесь, мамочка, ничего этого не будетъ. А я—графиня Морицъ. Родовитая ужасно, но только родовая помѣстья мои тамъ. (Обеодить рукой по воздуху) А они злы, но страшно глупы.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да, есть-таки.

МАРУСЯ.

Труднѣе всего было узнать, гдѣ онъ. Они скрываютъ имена захваченныхъ, чтобы имѣть возможность тихонько—безъ суда—расправиться съ ними. Но тутъ помогъ мнѣ Шмидтъ. Шмидтъ, кланяйтесь.

(Входитъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ въ потертомъ пальто и маленькой мѣховой шапочкѣ; привѣтствуютъ его почтительно, но холодно)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Отецъ, ты послушай, что Маруся рассказываетъ. Они его разстрѣлять хотѣли!

МАРУСЯ.

Такъ вотъ. Долго рассказывать. Однимъ словомъ, я грозила, умоляла, ссылаясь на общественное мнѣнiе Европы, на ученый авторитетъ его отца,—и расправа отложена. И я была въ тюрьмѣ...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ну, какъ онъ?

МАРУСЯ (затуманиваясь).

Онъ... немного грустенъ, но это пройдетъ, конечно.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А рана?

МАРУСЯ.

Это пустяки. Уже зарубцевалась, онъ такой вѣдь крѣпкiй. Но что это за камера: это подвалъ, погребъ, болото—я не знаю, какъ назвать.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Знаю, сиживаль.

МАРУСЯ.

Но я подняла такой шумъ, что его обѣщали перевести въ лучшую. Вамъ, Сергѣй Николаевичъ, онъ крѣпко жметъ руку, желаетъ успѣха въ работѣ и, вообще, очень интересуется, какъ у васъ...

АННА.

Въ такомъ положенiи—и думать о пустякахъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Милый мальчикъ! Я очень благодаренъ ему.

АННА.

Какъ великодушно!

ЛУНЦЪ.

Но какъ же вы-то сами? Какъ васъ не схватили?

МАРУСЯ.

Меня и схватили солдаты—въ тотъ день. Но я такъ плакала, я такъ безумно рыдала о больной бабушкѣ, которая ждетъ меня изъ магазина—что меня отпустили. Одинъ, правда, слегка ударилъ прикладомъ...

ЛУНЦЪ.

Какая гнусность!

МАРУСЯ.

А у меня подъ юбкой знамя было. Наше знамя.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Оно цѣло?

МАРУСЯ.

Я приколола его англійскими булавками—но какое оно тяжелое! Я привезла его сюда. Въ этотъ разъ оно замѣняло Шмидту фуфайку. Вообще, если бы Шмидтъ не былъ такого маленькаго роста...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Онъ былъ бы большого. Отчего ты не принесла его сюда? Взглянулъ бы... Наше знамя! Чортъ возьми, а?

МАРУСЯ.

Нѣтъ, я разверну его, когда мы снова пойдемъ въ битву. Трейчъ, вы знаете, кто предалъ насъ?

ТРЕЙЧЪ.

Знаю.

ШМИДТЬ.

Измѣнниковъ и предателей нужно карать смертью.

(Маруся смѣется. Трейчъ слегка улыбается)

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Какой вы, однако, кровожадный, г. Шмидтъ.

ШМИДТЬ.

Можно убивать электричествомъ, тогда безъ крови.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, а Колюшка-то!

МАРУСЯ.

Николай? Ну слушайте. Здѣсь нѣтъ никого? При-  
слуга у васъ?.. Ну хорошо. Такъ вотъ—бѣжать.

ТРЕЙЧЪ.

Я поѣду съ вами.

МАРУСЯ.

Нѣтъ, Трейчъ, Коля велѣлъ вамъ оставаться здѣсь.  
Вы знаете, какъ васъ ищутъ.

ТРЕЙЧЪ.

Это не имѣетъ значенія.

МАРУСЯ.

Да и не нужно: я уже все устроила, все готово, а  
вы здѣсь, Трейчъ, на границѣ, займетесь кое-чѣмъ.  
Нужны только деньги—много денегъ; вмѣстѣ съ Колей

бѣгутъ одинъ солдатъ и смотритель. И, конечно, онъ прїѣдетъ сюда—это само собой. И я сегодня же ѣду,—нельзя терять ни минуты.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ловко, Маруся!

МАРУСЯ.

Голубчикъ, я такъ счастлива!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

(смотреть на Сергѣя Николаевича).

Деньги?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

(смотреть на Инну Александровну).

А у насъ есть деньги? Инна, ты завѣдуешь этимъ дѣломъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (смущенно).

Только тѣ три тысячи...

МАРУСЯ.

Нужно пять.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да и тѣ... (Смотритъ на Сергѣя Николаевича, тотъ молча киваетъ головой; радостно) Ну, вотъ три тысячи и есть. Слава Богу!

ЖИТОВЪ (конфузясь).

Можно собрать. Вотъ у меня есть 200 рублей.

ЛУНЦЪ.

Поллакъ—богатый человѣкъ, очень богатый.

АННА.

Непріятно къ нему обращаться. Онъ такой сухарь.



## ВЕРХОВЦЕВЪ.

Пустое. Вотъ такихъ и нужно обдирать! Петя, позови-ка сюда Поллака... скажи—важно, а то не пойдетъ.

## МАРУСЯ.

Ну вотъ, главное сдѣлано, деньги есть. (Поетъ) Зовешь меня взглядомъ и крикомъ своимъ—и вымолвить хочешь: давай улетимъ! Трейчъ, мнѣ надо съ вами поговорить. Какой вы грязный! Гдѣ вы были? (Уходятъ)

## ЛУНЦЪ.

Какая дѣвушка! Это—солнце! Это вихрь огненныхъ силъ! Это Юдифъ!

## АННА.

Да, слишкомъ много огня. Революція не нуждается въ вашихъ вихряхъ и взрывахъ,—это, если хотите знать, ремесло, въ которое нужно вносить терпѣніе, настойчивость и спокойствіе. А эти вихри...

## ЛУНЦЪ.

И для революціи нуженъ талантъ.

## АННА.

Не знаю. Люди ужъ очень злоупотребляютъ этимъ словомъ—талантъ. На канатъ хорошо ломается—талантъ. На звѣзды всю жизнь смотреть...

## ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да. А какъ у васъ, уважаемый звѣздочетъ, обстоятъ дѣла на небѣ?

## СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Хорошо. А у васъ на землѣ?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Довольно скверно, какъ видите. На землѣ всегда скверно, но, уважаемый звѣздочетъ: всегда кто-нибудь кого-нибудь душить; кто-то плачетъ, кто-то кого-то предаеть... Ноги вотъ болятъ. Намъ далеко до гармоній небесныхъ сферъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Тамъ не всегда гармонія. Тамъ также бываютъ катастрофы.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Очень жаль... значить, и на небо надежда потеряна. А вы о чемъ задумались, г... г... Шмидтъ?

ШМИДТЪ.

Я думаю, что всякій человѣкъ долженъ быть сильнымъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ого! А вы сильны?

ШМИДТЪ.

Къ сожалѣнію, нѣтъ. Природа при рожденіи лишила меня нѣкоторыхъ свойствъ, которыя составляютъ силу. Я очень боюсь крови и...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

И пауковъ? Кстати: вы платье готовое покупаете, или на заказъ?

ПОЛЛАКЪ (подходить).

Чѣмъ могу служить? Добрый день, господа!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вотъ что, г. Поллакъ: нужны двѣ тысячи... не скажу, чтобы взаимы, потому что едва ли вамъ ихъ кто отдасть...

ПОЛЛАКЪ.

А для какой надобности, смѣю спросить?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Надо устроить бѣгство Николая Сергѣевича. Можете дать?

ПОЛЛАКЪ.

Съ удовольствіемъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Онъ...

ПОЛЛАКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу безъ подробностей. Уважаемый Сергѣй Николаевичъ, могу я сегодня воспользоваться вашимъ рефракторомъ?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Пожалуйста. Сегодня у меня праздникъ.

(Поллакъ уходитъ, кланяясь)

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вотъ это ученый. Хорошъ, Сергѣй Николаевичъ?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Онъ очень способный.

АННА (вообще).

А для чего существуетъ астрономія?

## ВЕРХОВЦЕВЪ.

Для календарей, должно быть.

(Маруся и Трейчь подходят)

МАРУСЯ.

Такъ вы сдѣлаете это, Трейчь... На васъ нападаютъ, Сергѣй Николаевичъ? Анна такъ ненавидитъ астрономію, какъ будто это ея личный врагъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Я ужъ привыкъ къ этому, Маруся.

АННА.

У меня нѣтъ личныхъ враговъ, вы это хорошо знаете, А астрономію я не люблю потому, что не понимаю, какъ люди могутъ столько времени глазѣть на небо, когда на землѣ все устроено такъ плохо.

ЖИТОВЪ.

Астрономія—торжество разума.

АННА.

По-моему, разумъ больше бы торжествовалъ, если бы на землѣ не было голодныхъ.

МАРУСЯ.

Какія горы! Какое солнце! Какъ вы можете говорить, спорить, когда такъ свѣтитъ солнце!

ЛУНЦЪ.

Вы, слѣдовательно, противъ науки, Анна Сергѣевна?

АННА.

Не противъ науки, а противъ ученыхъ, которые

науку дѣлають предлогомъ, чтобы уклоняться отъ общественныхъ обязанностей.

ШМИДТЪ.

Человѣкъ долженъ говорить: „я хочу“, обязанность— это рабство.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Не люблю я этихъ разговоръ, и охота людямъ себѣ кровь портить. Василій Васильевичъ... да подымитесь же! Вотъ что: (отводитъ его къ верандѣ) вы денегъ-то своихъ не давайте. Хватить. Поллакъ—очень великодушный молодой человѣкъ и, въ случаѣ чего... (Смѣется) А все-таки: астролябія.

ЖИТОВЪ.

Какъ же теперь ваша экспедиція въ Канаду, Инна Александровна? Деньги-то?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, достану! Годъ еще впереди. Я ловка денегъ доставать. А вы вотъ что, Василій Васильевичъ, попрошу васъ, какъ друга: нападать они будутъ на моего старика,—рады, что онъ молчитъ,—такъ вы ужъ стойте за него, хорошо?

ЖИТОВЪ.

Хорошо.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А я пойду. Нужно Колюшкѣ бѣлье приготовить, и такъ хлопотъ много... (Уходитъ)

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ (продолжаетъ).

Я очень люблю хорошіе разговоры. Во всѣхъ рѣчахъ я вижу искорки свѣта, и это такъ красиво, какъ млеч-

ный путь. Очень жаль, что люди, большей частью, говорят о пустякахъ.

А Н Н А.

Красивыми словами люди часто отдѣлываются отъ работы.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вотъ вы очень спокойный человекъ, Сергѣй Николаевичъ, вы даже не способны, кажется, обижаться,—а случилось ли вамъ когда-нибудь плакать? Я, конечно, беру не тотъ счастливый возрастъ, когда вы путешествовали безъ штановъ, а вотъ теперь?..

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

О да! Я очень слезливъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вотъ какъ!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Когда я видѣлъ комету Беллу, предсказанную Галлеемъ, я заплакалъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Причина уважительная, хотя для меня и не совсѣмъ понятная. А вы ее понимаете, господа?

ЛУНЦЪ.

Да, конечно. Вѣдь Галлей могъ ошибаться.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Что же, тогда нужно было бы рвать волосы отъ отчаянія?

МАРУСЯ.

Вы преувеличиваете, Валентинъ.

АННА.

А когда сына чуть не разстрѣляли, онъ остался совершенно спокоенъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Въ мірѣ каждую секунду умираетъ по человѣку, а во всей вселенной, вѣроятно, каждую секунду разрушается цѣлый міръ. Какъ же я могу плакать и придти въ отчаяніе изъ-за смерти одного человѣка?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Такъ. Шмидтъ, не правда ли, это очень сильно, какъ разъ по-вашему? Такъ что, если Николаю не удастся бѣжать, и его...

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Конечно, это будетъ очень грустно, но...

МАРУСЯ.

Не шутите такъ, Сергѣй Николаевичъ. Мнѣ больно, когда я слышу такія шутки.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да я и не шучу, милая Маруся. Вообще, я никогда не умѣлъ шутить, хотя очень люблю, когда шутятъ другіе, напримѣръ, Валентинъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Благодарю васъ.

ЖИТОВЪ.

Это правда, Сергѣй Николаевичъ никогда не шутить.

МАРУСЯ (затуманиваясь).

Тѣмъ хуже.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Что значить—заткнуть уши астрономической ватой! Хорошо, спокойно. Пусть весь міръ вззоетъ, какъ собака...

ЛУНЦЪ.

Когда молодой Будда увидѣлъ голодную тигрицу, онъ отдалъ ей себя, да. Онъ не сказалъ: я Богъ, я занятъ важными дѣлами, а ты только голодный звѣрь—онъ отдалъ ей себя!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Вы видите надпись: (показывая на фронтоу обсерватори)  
Haec domus Uraniae est. Curae procul este profanae.  
Temnitur hic humilis tellus. Hinc ITUR AD ASTRA.  
Это значить: Это храмъ Ураніи. Прочь суетныя заботы!  
Попирается здѣсь низменная земля—отсюда идутъ къ звѣздамъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да. Но что вы разумѣете подъ суетными заботами, уважаемый звѣздочетъ? Вотъ у меня ноги содраны до кости осколкомъ... это тоже, по-вашему, суетная работа?

АННА.

Конечно.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да. Смерть, несправедливость, несчастья, всѣ черныя тѣни земли—вотъ суетныя заботы.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Значить, явись завтра новый Наполеонъ, новый



деспотъ, и зажими весь міръ въ желѣзномъ кулакѣ—  
это тоже будетъ суетная забота?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Д... Я такъ думаю.

ВЕРХОВЦЕВЪ

(обводитъ всѣхъ взглядомъ и грубо смѣется).

Такъ вотъ оно что!

АННА.

Это возмутительно! Это какіе-то Боги, которые предо-  
ставляютъ людямъ страдать, какъ имъ угодно, а сами...

МАРУСЯ.

Трейчъ, почему вы ничего не возрааите?

ТРЕЙЧЪ.

Я слушаю.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Такъ можетъ говорить только тотъ, кто живетъ на  
содержаніи у правительства и въ полной безопасности  
сидитъ на своей крышѣ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

(слегка краснѣя).

Не всегда въ безопасности, Валентинъ. Галилей  
умеръ въ темницѣ. Джіордано Бруно погибъ на кострѣ.  
Путь къ звѣздамъ всегда орошень кровью.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Мало ли что было... Христіанъ тоже преслѣдовали,  
а это не помѣшало имъ, въ свою очередь, поджаривать  
на угляхъ невинныхъ астрономовъ.

АННА.

У отца даже свои мощи есть, и онъ держитъ ихъ за желѣзными дверьми.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Анна! Это нехорошо.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Это еще что за чепуха?

АННА.

Кусокъ кирпича отъ какой-то развалины,—обсерваторія развалилась,—да клочки подлинной рукописи.

МАРУСЯ.

Анна! Какъ это неприятно! Коля не позволилъ бы себѣ такъ говорить...

АННА.

Николай слишкомъ деликатень. Это его недостатокъ.

(Подходитъ Петя и, незамѣченный, молча становится у стѣны)

ВЕРХОВЦЕВЪ (раздраженно).

Оттого-то насъ и бьютъ на каждомъ шагу...

МАРУСЯ.

Не надо! Не надо!.. Трейчъ, да что же вы!..

ТРЕЙЧЪ (сдержанно).

Надо идти впередъ. Здѣсь говорили о пораженіяхъ, но ихъ нѣтъ. Я знаю только побѣды. Земля—это

воскъ въ рукахъ человѣка. Надо мять, давить — творить новыя формы. Но надо идти впередъ. Если встрѣтится стѣна—ее надо разрушить. Если встрѣтится гора—ее надо срыть. Если встрѣтится пропасть—ее надо перелетѣть. Если нѣтъ крыльевъ—ихъ надо сдѣлать!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Хорошо, Трейчъ! Надо сдѣлать!

МАРУСЯ.

Я уже чувствую крылья!

ТРЕЙЧЪ (сдержанно).

Но надо идти впередъ. Если земля будетъ разступаться подъ ногами, нужно скрѣпить ее—желѣзомъ. Если она начнетъ распадаться на части, нужно слить ее—огнемъ. Если небо станетъ валиться на головы, надо протянуть руки и отбросить его—такъ! (Отбрасываетъ)

ВЕРХОВЦЕВЪ.

У-ахъ! Такъ!

(Нѣкоторые неволью повторяютъ позу Трейча—Атланта, поддерживающаго мѣръ)

ТРЕЙЧЪ.

Но надо идти впередъ, пока свѣтитъ солнце.

ЛУНЦЪ.

Оно погаснетъ, Трейчъ!

ТРЕЙЧЪ.

Тогда нужно зажечь новое.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да, да. Говорите!

ТРЕЙЧЪ.

И пока оно будетъ горѣть, всегда и вѣчно—надо идти впередъ. Товарищи, солнце вѣдь тоже пролетарій!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вотъ это—астрономія. Ахъ, чортъ!

ЛУИЦЪ.

Впередъ, всегда и вѣчно.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Впередъ! Ахъ, чортъ!

(Всѣ въ возбужденіи разбиваются на группы)

ЛУИЦЪ (волнуясь).

Г.г., я прошу... это нельзя такъ оставить. А убитые! Нѣтъ, г.г., не только тѣ, кто мужественно боролся и погибъ за свободу, а вотъ эти... жертвы. Вѣдь ихъ милліарды, вѣдь онѣ же не виноваты... А ихъ убили!

(Молчаніе)

МАРУСЯ

(звонко кричить).

Клянусь передъ вами, горы! Клянусь передъ тобою, солнце: я освобожу Николая!.. У этихъ горъ есть эхо?

ЛУИЦЪ.

Здѣсь нѣтъ. Но если бы было, оно отвѣтило бы, какъ въ сказкѣ: да!

АННА (Житову).

Какъ это сентиментально. Я не понимаю Валентина...

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ, ничего. Знаете, я погожу ѣхать въ Австралію: мнѣ тоже захотѣлось повидать Николая Сергѣевича.

МАРУСЯ

(глядя въ небо).

Какъ хочется летѣть!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вотъ это—астрономія! Ну, какъ, звѣздочетъ, нравятся вамъ такіе астрономы?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да. Нравятся. Его фамилія, кажется, Трейчъ?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Онъ такой же Трейчъ, какъ я—Бисмаркъ. Самъ чортъ не знаетъ, какъ его зовутъ по-настоящему.

ЛУНЦЪ

(перобѣгая отъ одной группы къ другой).

Я счастливъ, я такъ счастливъ. Вы знаете... мои родители—они убиты. И сестра. Я не хотѣлъ, я никогда не хотѣлъ говорить объ этомъ... Зачѣмъ говорить?—думалъ я... Пусть останется глубоко-глубоко въ душѣ, и пусть я одинъ только знаю. А теперь... Вы знаете, какъ они были убиты? Трейчъ, вы понимаете меня? Я никогда не хотѣлъ...

ПЕТЯ (Житову).

Зачѣмъ все это?

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ, пріятно.

ПЕТЯ.

Зачѣмъ, когда все это умреть, и вы, и я, и горы.  
Зачѣмъ?

(Всѣ разбились на группы. Сергѣй Николаевичъ стоитъ одинъ)

ВЕРХОВЦЕВЪ

(Маруся, въ восторгѣ).

Повѣситъ мало этого Трейча. Ну, и откопалъ Николай. Ну, Маруся, вѣдь убѣжить, а?

МАРУСЯ (затуманиваясь).

Я другого боюсь...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Чего еще?

МАРУСЯ.

Но—не стоитъ говорить. Пустое.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да въ чемъ дѣло? О чемъ ты задумалась?

МАРУСЯ

(не отвѣчаетъ; потомъ неожиданно смѣется и поетъ).

Давай улетимъ!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

(высовывается въ окно).

Орлятки! Обѣдать!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Цыпъ-цыпъ-цыпъ!

МАРУСЯ.

Будемъ пить шампанское! Мамочка, есть?

ГОЛОСА.

Да, да. Шампанское.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Шампанскаго нѣтъ, а киршвассеръ есть.

(Смѣхъ, восклицанія)

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

(отводить Марусю).

Ну, Маруся, я пойду къ себѣ. Я не хочу вамъ мѣшать.

МАРУСЯ.

Нѣтъ, отчего же. Сегодня такъ весело.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да. И я хотѣлъ устроить себѣ маленькій праздникъ ради вашего пріѣзда, но—не вышло.

МАРУСЯ.

Пообѣдайте съ нами.

ЛУНЦЪ (кричить).

Нужно притащить Поллака. Онъ порядочный чело-вѣкъ, онъ очень хорошій чело-вѣкъ. Я иду за нимъ.

ГОЛОСА.

Поллака! Поллака!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Нѣтъ, обѣдайте безъ меня.

МАРУСЯ.

Какъ жаль! Инна Александровна будетъ очень огорчена.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Скажите ей, что я работаю. Передъ отъѣздомъ вы зайдете ко мнѣ, Маруся? (Никѣмъ не замѣченный, уходитъ)

МАРУСЯ.

Шмидтъ, гдѣ вы? Вы будете моимъ кавалеромъ. Намъ еще съ вами столько дѣла. Г. г., не правда ли, какъ онъ похожъ на шпиона?

АННА.

Маруся становится неприлична.

МАРУСЯ.

Вы знаете: мнѣ нужно было переночевать у него, а онъ говоритъ: нельзя,—я живу въ тихомъ нѣмецкомъ семействѣ и далъ обѣщаніе не водить къ себѣ женщинъ и собакъ.

ШМИДТЪ.

И чтобъ никто не ночевалъ. И у меня стоитъ диванъ, обитый новымъ шелкомъ, и они каждый вечеръ смотрять, не лежитъ ли на немъ какой-нибудь чловѣкъ. Ужасные люди!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

А вы бы уѣхали, Шмидтъ, какого чорта!

ШМИДТЪ.

Нельзя. Они берутъ плату впередъ.



АННА.

А вы бы не давали!

ШМИДТЪ.

Нельзя. Они...

ЛУНЦЪ

(ведеть Поллака, кричить).

Вотъ онъ! насилу оторвалъ. Присосался къ рефрак-  
тору, какъ пиявка!

ПОЛЛАКЪ.

Г. г., это насиліе. У меня тамъ не кончено...

МАРУСЯ.

Поллакъ, милый Поллакъ! Сегодня такъ весело! И  
вы такой хорошій человѣкъ, такой милый, васъ такъ  
любятъ всѣ.

ПОЛЛАКЪ.

Это очень пріятно слышать, но я не знаю, отчего  
вамъ такъ весело? Революція кончилась не въ вашу  
пользу.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Мы придумали новый планъ. Мы...

ПОЛЛАКЪ

(отмахивается рукой).

Да. да. Я вѣрю, я вѣрю вамъ.

МАРУСЯ.

Мы выпьемъ за астрономію. Да здравствуетъ орбита!

ПОЛЛАКЪ.

Я не могу, къ сожалѣнію, принимать алкоголя: онъ  
причиняетъ мнѣ головную боль и тошноту.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Лучшій напитокъ для Поллака—машинное масло.  
Поллакъ, вы будете пить масло?

МАРУСЯ.

Нѣтъ. Мы киршвассеру выпьемъ. Самого чистаго  
киршвассеру!

ЛУНЦЪ.

Идемъ, товарищъ. Вы хорошій, честный человекъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (высовываясь).

Да идите же! Что же это, не дозовешься.

МАРУСЯ.

Сейчасъ, мамочка, сейчасъ. Вотъ Поллакъ упирается  
Что же, г.г., неужели мы такъ и пойдемъ? Житовъ,  
вы умѣете пѣть?

ЖИТОВЪ.

Подтягивать могу.

ЛУНЦЪ.

Марсельезу!

МАРУСЯ.

Нѣтъ, нѣтъ. Марсельезу, какъ и знамя, нужно бе-  
речь для боя.

ТРЕЙЧЪ.

Я согласенъ. Есть пѣсни, которыя можно пѣть  
только въ храмѣ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Повеселѣй что-нибудь! Эхъ, какъ грѣеть солнце!

А Н Н А.

Валя, не раскрывай ногъ.

МА Р У С Я (запѣваетъ).

Небо такъ ясно,—солнце прекрасно,—солнце зоветъ...  
(Всѣ кромѣ Пети подхватываютъ) Въ веселой работѣ —  
чужды заботѣ—братья, впередъ.

Слава веселому солнцу!—Солнце—рабочій земли!  
Слава веселому солнцу!—Солнце—рабочій земли!

В Е Р Х О В Ц Е В Ъ.

Да поживѣй, Аня! Ты везешь меня, какъ покойника.

В С Ъ

(поютъ. Поллакъ серьезно и сдержанно дирижируетъ).

Грозы и бури—ясной лазури—не побѣдятъ.  
Подъ бури покровомъ, въ мракѣ грозовомъ—молнии  
горятъ!

Слава могучему солнцу!—Солнце—властитель земли!..

(Послѣднія слова пѣсни повто-  
ряются за угломъ дома. Петя  
остается одинъ и угрюмо смот-  
реть вслѣдъ ушедшимъ)

В С Ъ (за сценой).

Слава могучему солнцу!—Солнце—властитель земли!..



*Л. Андреевъ. Къ звездамъ.*

## **ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.**

Большая темная комната, нѣчто въ родѣ гостиной. Мебели мало, ничего мягкаго, два книжныхъ шкафа, пианино, Задняя стѣна: дверь и два большія итальянскія окна выходятъ на веранду. Окна и дверь открыты, и видно темное, почти черное небо, усѣянное необыкновенно яркими мигающими звѣздами. Въ углу у стѣны, ближе къ авансценѣ, столъ, на немъ подъ темнымъ абажуромъ лампа. За столомъ Инна Александровна читаетъ газеты. Анна что-то шьетъ. Лунцъ ходитъ взадъ и впередъ. У одного изъ шкафовъ Верховцевъ на костыляхъ достаетъ книгу. Глубокая тишина, такая бываетъ только въ горахъ. Молчаніе продолжается нѣкоторое время послѣ открытія занавѣса.

ВЕРХОВЦЕВЪ (бормочеть).

А, чортъ!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Валя, ты читаль, что президентъ отказаль Кассовскому въ помилованіи?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Читаль.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что же это такое, а?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Разстрѣляютъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Докуда же это будетъ, Господи? Неужели и такъ мало жертвъ?

ВЕРХОВЦЕВЪ

(несеть книгу подь мышкой, роняеть).

А, чтобъ тебя чортъ... Анна, подними.

АННА

(медленно встаетъ).

Сейчасъ.

(Луницъ молча поднимаетъ книгу, кладетъ на столъ и продолжаетъ ходить)

ВЕРХОВЦЕВЪ

(неловко садится, перелистываетъ книгу; А н и ъ).

Неужели тебѣ не надоѣстъ ковырять?

АННА.

Нужно же что-нибудь дѣлать.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Читала бы.

(Анна не отвѣчаетъ. Молчаніе)

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Нѣтъ, не могу. Какая дьявольская тишина, какъ въ гробу! Еще недѣля такая, и я брошусь въ прощальную запыль—побью Поллака.

ЛУНЦЪ (нервно).

Ужасная тишина! Точно осуществился сонъ Байрона: солнце погасло, все уже умерло на землѣ, и мы— послѣдніе люди. Ужасная тишина!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Житовъ, что вы тамъ дѣлаете?

ЖИТОВЪ (съ веранды).

Смотрю.

ВЕРХОВЦЕВЪ (презрительно).

Смотрю! (Молчаніе) Не могу я безъ работы!

АННА.

Что же подѣлаешь, надо терпѣть.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Терпи ты, если хочешь, а я... Чортъ! (Читаетъ)



ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

(сидитъ задумавшись).

Сереженькѣ теперь было бы 21 годъ ужъ... Красивый онъ былъ мальчикъ, на Колю похожъ былъ... Анюта, ты его помнишь?

АННА.

Нѣтъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А я такъ помню... Ты, Анюта, била его, ты злая была маленькая. И какъ скрутило быстро: въ три дня. Воспаленіе слѣпой кишки — у такого-то крошки! Какъ стали рѣзать ему животикъ, такъ, повѣрите ли, Іосифъ Абрамовичъ...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да ну васъ, ей-Богу! Весь вечеръ сегодня все о покойникахъ да о покойникахъ. Ну умеръ, и умеръ, и хорошо сдѣлалъ, что умеръ. Житовъ, идите сюда разговаривать!

ЖИТОВЪ.

Сейчасъ.

ЛУНЦЪ.

Какая тоска!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

А что Маруся-то пишетъ, Инна Александровна?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА (со вздохомъ).

Пишетъ много, да толку не добьешься. Обѣщаетъ черезъ недѣлю, а тамъ опять что-нибудь задержало, а тамъ опять черезъ недѣлю. Вотъ и во вчерашнемъ письмѣ то же...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Знаю, знаю, я думалъ, нѣтъ ли чего новаго.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ужъ не заболѣлъ ли Колюшка?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Такъ и заболѣлъ ужъ! Скажите еще: умеръ.

ЛУНЦЪ.

Она тогда мертваго его украдетъ и привезетъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да что вы? Что вы говорите-то, подумайте!

ЖИТОВЪ (входитъ).

Ну, о чемъ говорить?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Садитесь. Вы что тамъ дѣлаете?

ЖИТОВЪ.

На звѣзды смотрѣлъ. Какія онѣ сегодня красивыя и безпокойныя.

(Входитъ Петя. Вообще, въ теченіе дѣйствія онъ нѣсколько разъ проходитъ сцену)

ЛУНЦЪ.

А я сегодня не могу смотрѣть на звѣзды. Я не знаю, куда бы отъ нихъ ушелъ, я спрятался бы въ подвалъ, но и тамъ я буду ихъ чувствовать. Понимаете: какъ будто нѣтъ разстояній. Какъ будто все эти громады, живыя и мертвыя, столпились надъ землей и приближаются къ ней, и что-то такое въ нихъ есть... Я не знаю. (Ходитъ, продолжая жестикулировать)

ЖИТОВЪ.

Атмосфера тутъ очень чистая. Вотъ въ Калифорніи...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

А вы были въ Калифорніи?

ЖИТОВЪ.

Былъ. Вотъ въ Калифорніи, на обсерваторіи Лика, такъ правда иногда жутко смотрѣть.

ПЕТЯ.

Мама, откуда у васъ въ кухнѣ эта старуха?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какая? А, эта-то? Пришла, я и велѣла ее пріютить. Снизу она, изъ долины. Нищенка — что ли, глухая, у нея не поймешь.

ПЕТЯ.

Какъ же она взошла на гору? Какъ она могла?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вамъ бы тутъ, теща, богадѣльню устроить.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А что ты думаешь? Можетъ быть, и устрою, если Сергѣй Николаевичъ согласится. Ты почиталь бы...

ПЕТЯ (настоячиво).

Мама, какъ она взошла?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да не знаю, голубчикъ. Ты почиталь бы, что Марусечка о голодныхъ дѣткахъ пипеть: Мамочка, хлѣбца

хочу,—ну и пошла мать за хлѣбомъ, и ужь какъ она его тамъ достала—и говорить не стоить... Пришла, а дѣвочка-то уже мертвая.

А Н Н А.

Благотворительностью ничего не сдѣлаешь.

И Н Н А А Л Е К С А Н Д Р О В Н А.

Что же, такъ пусть и умирають?

П Е Т Я.

Пусть и умирають. Юсифъ, вы что-то грустны сегодня?

Л У Н Ц Ъ.

Да, Петя, у меня очень тяжелыя мысли. Это такая ночь, я не знаю, какая это ночь. Это ночь призраковъ. Вы смотрѣли сегодня на звѣзды?

П Е Т Я.

А мнѣ вотъ весело! (Бренчать что-то дикое на рояли)

В Е Р Х О В Ц Е В Ъ.

Оставь!

П Е Т Я (играетъ и поетъ).

Какъ мнѣ весело!

И Н Н А А Л Е К С А Н Д Р О В Н А.

Да ну, Петечка, оставь же!

(Петя громко захлопываетъ крышку рояля и выходитъ на веранду. Молчаніе)

Л У Н Ц Ъ.

А Трейчъ скоро вернется?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Не вышло.. значить, сегодня или завтра. Житовъ, что вы все молчите?

ЖИТОВЪ.

Такъ. Не хочется говорить что-то.

ЛУНЦЪ.

У меня такія тяжелыя мысли! Такія тяжелыя мысли! Такъ можно убить себя.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Пустое. Среди астрономовъ нѣтъ самоубійцъ!

ЛУНЦЪ.

Я плохой астрономъ. Очень, очень плохой.

АННА.

Тѣмъ лучше. Вотъ и займетесь чѣмъ-нибудь дѣльнымъ.

ЛУНЦЪ.

Я сегодня боюсь звѣздъ. Я думаю: какія онѣ огромныя, какія онѣ равнодушныя, и какъ имъ нѣтъ никакого дѣла до меня, и я становлюсь такой маленькій, такой жалкій—какъ знаете, цыпленокъ, который во время еврейскаго погрома спрятался куда-нибудь, сидитъ и ничего не понимаетъ.

(Петя входитъ)

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Звѣзды--и еврейскій погромъ. Странная комбинація.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА

(предостерегающе киваетъ головой Верховцеву).

Это оттого, Юсифъ Абрамовичъ, что у всѣхъ васъ нервы развиптились. Вѣдь подумать только: уже

полтора мѣсяца, какъ уѣхала Маруся, а ничего нѣтъ. Я сама, на-что ко всему привычный человѣкъ, а и то вздрагивать начала.

ЛУНЦЪ.

Летаетъ пухъ, звенятъ стекла, а онъ сидить—и что онъ думаетъ?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ничего не думаетъ. Думаетъ, что снѣгъ идетъ.

ЛУНЦЪ.

Меня пугаетъ безконечность. Какая безконечность? Зачѣмъ безконечность? Вотъ я смотрю на звѣзды: одна, десять, миллионъ—и все нѣтъ конца. Боже мой, кому же я жаловаться буду?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

А зачѣмъ жаловаться?

ЛУНЦЪ.

Вотъ я, маленькій еврей... (Ходить, продолжая жестикулировать)

ПОЛЛАКЪ (входить).

Добрый вечеръ. Я могу, господа, посидѣть съ вами? Я не помѣшаю?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Конечно, нѣтъ. Пожалуйста.

ПОЛЛАКЪ.

Магнитная стрѣлка очень колеблется, Лунцъ. Завтра нужно наблюдать солнце. (Лунцъ что-то бормочетъ) Вамъ я уже не говорю, Житовъ; вы, повидимому, окончательно бросили занятія. Вы уѣзжаете?

ЖИТОВЪ.

Да. Послѣзавтра.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что это? Вѣдь вы же, Василій Васильевичъ, хотѣли подождать Колюшку? Какъ же это вы такъ? сразу?

ЖИТОВЪ.

Да нѣтъ уже. Надо ѣхать. Засидѣлся!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вотъ будетъ тощица, какъ вы уѣдете. Пошлите вы къ чорту эту Зеландію.

ЖИТОВЪ.

Нѣтъ, надо.

АННА.

А вы что же не работаете, г. Поллакъ?

ПОЛЛАКЪ.

Сегодня я мечтаю, уважаемая Анна Сергѣевна. Сегодня мнѣ исполнилось 32 года и именно въ эту минуту. Я родился вечеромъ, въ 10 ч. и 37 минутъ. Вычитая разницу во времени, получается (смотреть на часы) какъ разъ 10 часовъ 16 минутъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Поздравляю.

ПОЛЛАКЪ.

Благодарю васъ. И я сегодня немного мечтаю. Въ мои 32 года я уже сдѣлалъ довольно много для науки, и мое имя... Впрочемъ, я не буду входить въ подробности. И я уже имѣю право устраивать личную жизнь.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да неужели вы женитесь. Вотъ такъ штука!

ПОЛЛАКЪ.

Да, вы угадали. Я женюсь.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

И хорошо дѣлаете, голубчикъ. Только бы жена попалась хорошая.

ПОЛЛАКЪ.

Моя невѣста въ этомъ году оканчиваетъ курсъ въ университетѣ, и скоро, уважаемая Инна Александровна, ваше уютное жилище перестанетъ считать меня своимъ членомъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вотъ какой тихоня! И какъ-то вы ни разу не проговорились.

ПЕТЯ (рѣзко).

Я тоже женюсь. У меня тоже есть невѣста. Красавица!

ПОЛЛАКЪ.

Да? Вы шутите?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Петя!

(Петя хохочетъ и уходитъ на веранду)

ИННА.

Что это съ нимъ? Какъ распустился!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

И не знаю. Съ того дня, какъ вы пріѣхали, прямо



узнать нельзя. Иосифъ Абрамовичъ, вы ближе съ Петей, не знаете, что съ нимъ такое? Безпокоюсь я.

ЛУНЦЪ.

Съ Петей? Онъ хорошій мальчикъ, честный мальчикъ. И у него тоже тяжелыя мысли.

ПОЛЛАКЪ.

Итакъ, продолжайте, г.г... Я сегодня немного нервно настроенъ и съ удовольствіемъ послушаю вашу бесѣду.

ЛУНЦЪ (бормочеть).

Звѣзды, звѣзды.

ПОЛЛАКЪ.

Что вы хотите рассказать намъ о звѣздахъ, дорогой Лунцъ?

ЛУНЦЪ.

Вотъ и тогда онѣ свѣтили гдѣ-то надъ тучами, когда мы сидѣли, и ждали, и думали, что тамъ уже полная побѣда, и теперь онѣ свѣтять... Можно съ ума сойти...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Работать, работать надо, а тутъ сидишь, какъ на цѣпи, въ этомъ чортовомъ гробу. Эхъ! (Ковыляетъ по комнатамъ къ окну, смотритъ нѣкоторое время и возвращается обратно) Кажется, Трейчъ вернулся.

ПОЛЛАКЪ.

Мнѣ очень нравится г. Трейчъ. Это очень серьезный человѣкъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Значить, опять ничего?

ВЕРХОВЦЕВЪ (грубо).

А вы чего ждали? Вѣдь вамъ уже писали, что ничего.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Господи, Господи! Колюшка мой, Колюшка. Не дождусь я тебя, голубчика, чувствуетъ мое сердце. (Тихо плачетъ)

ТРЕЙЧЪ

(входитъ, здоровается со всѣми и усаживается).

Добрый вечер!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Устали, голубчикъ. Поѣсть не хотите?

ТРЕЙЧЪ.

Благодарю васъ, я кушалъ дорогой.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Что новаго?

ТРЕЙЧЪ.

Много арестовъ. О томъ, что Занько повѣшенъ, вы, конечно, знаете?

ГОЛОСА.

Развѣ? Занько? Нѣтъ. Когда же это?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Бѣдный малый! Ну, какъ онъ?..

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Такой молодой!.. Вѣдь это онъ былъ здѣсь съ Колюшкой въ прошломъ году? Такой черненькій, съ усиками.

АННА.

Да, онъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Руку мнѣ поцѣловаль... Такой молодой... Мать у него есть?

АННА.

Ахъ, мама!.. Не знаете, Трейчъ, не проговорился онъ?

ТРЕЙЧЪ.

Онъ храбро встрѣтилъ смерть, хотя съ нимъ поступили подло. Онъ просилъ, чтобы при казни присутствовалъ его защитникъ: у него нѣтъ родныхъ, и онъ имѣлъ на это право. Ему обѣщали и обманули его, и въ послѣднюю минуту онъ видѣлъ только лица палачей и звѣзды. Его казнили вечеромъ.

ЛУНЦЪ.

Звѣзды, звѣзды!

(Молчаніе)

ТРЕЙЧЪ.

Въ Тернахѣ солдаты убили около двухсотъ рабочихъ. Много женщинъ и дѣтей. Въ Штернбергскомъ округѣ—голодъ. Утверждаютъ, что были случаи поѣданія труповъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Вы черный вѣстникъ, Трейчъ.

ТРЕЙЧЪ.

Въ Польшѣ начались еврейскіе погромы.

ЛУНЦЪ.

Что? Опять?

ПОЛЛАКЪ.

Какое варварство! Какіе глупые люди!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, можетъ быть, еще только слухи. Много говорятъ...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ну, а наши? А наши?

ТРЕЙЧЪ

(пожимаетъ плечами).

Завтра я иду туда.

АННА.

Ну, и васъ повѣсятъ. Больше ничего. Нужно выждать.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

И я съ вами! Къ чорту!

АННА.

Куда же ты съ такими ногами пойдешь? Одумайся, Валентинъ, ты не ребенокъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

А!..

ТРЕЙЧЪ.

А какъ ваши ноги, Валентинъ?

(Верховцевъ машетъ рукой)

АННА.

Плохо.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

А про Колюшку—ничего?

## ТРЕЙЧЪ.

Въ назначенный часъ на мѣстѣ никого не было, и я понялъ, что дѣло отложено. Я самъ теряюсь въ догадкахъ. Завтра я иду туда.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Богъ вамъ въ помощь, голубчикъ. Благословляю васъ, какъ сына.

(Трейчъ цѣлуетъ у нея руку)

ПОЛЛАКЪ (Житову).

Скажите, пожалуйста, рабочій, а какъ воспитанъ. Я удивленъ.

ЖИТОВЪ.

М-да.

ПОЛЛАКЪ.

И мнѣ очень нравится, что онъ рассказываетъ такъ ясно и коротко.

ЛУНЦЪ (кричить).

Вы слышали?

АННА.

Что съ вами? Какъ вы кричите! Испугали..

ЛУНЦЪ.

Опять! Опять убиваютъ отцовъ и матерей, опять рвутъ дѣтей на части. О, я почувствовалъ это, я понялъ это сегодня, когда взглянулъ на эти проклятыя звѣзды!

ПОЛЛАКЪ.

Дорогой Лунцъ, успокойтесь.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Зачѣмъ вы сказали это, Трейчъ!

ТРЕЙЧЪ.

Это ничего.

ЛУНЦЪ.

Нѣтъ, я не успокоюсь, я не хочу успокаиваться! Я довольно былъ спокоенъ. Я былъ спокоенъ, когда убили мать, и отца, и сестру. Я былъ спокоенъ, когда тамъ, на баррикадахъ, убивали моихъ братьевъ. О, я долго былъ спокоенъ. Я и теперь спокоенъ. Развѣ я не спокоенъ? Трейчъ!.. Значить все... напрасно?

ТРЕЙЧЪ.

Нѣтъ. Мы побѣдимъ.

ЛУНЦЪ.

Трейчъ, я любилъ науку. Поллакъ, я любилъ науку. Когда я еще былъ маленькій, такой маленькій, что меня били всѣ мальчики на улицѣ, я уже тогда любилъ науку. Меня били, а я думалъ: вотъ я вырасту и стану знаменитымъ ученымъ, и буду честью моей семьи—моего дорогого отца, который отдавалъ мнѣ послѣдніе гроши, моей дорогой мамы, которая плакала надо мной... О, какъ я любилъ науку!

ПОЛЛАКЪ.

Мнѣ очень жаль васъ, Лунцъ. Я уважаю васъ.

ЛУНЦЪ.

Когда я не ѣлъ, когда я не пилъ, когда я, какъ собака, бродилъ по улицамъ, ища корки хлѣба,—я думалъ о наукѣ. И тогда, когда убили моего отца, и мать, и сестру, я плакалъ, рвалъ волосы и думалъ о

наукѣ. Вотъ какъ я любилъ науку! А теперь... (Тихо) я ненавижу науку. (Кричить) Не надо науки, долой науку!

ПОЛЛАКЪ.

Лунцъ, Лунцъ, какъ мнѣ жаль...

АННА.

Лунцъ, возьмите себя въ руки. Нельзя же такъ, вѣдь это истерія.

ЛУНЦЪ.

Ага, истерія! Пусть истерія, и я спокоенъ, и вы напрасно думаете, что я неспокоенъ. Я не хочу науки. Я уйду отсюда. Я уйду отсюда. Вы слышите?

ТРЕЙЧЪ.

Пойдемте со мной.

ЛУНЦЪ.

Да, я пойду съ вами. Я не хочу науки. Проклятыя звѣзды. Опять, опять! Вѣдь я слышу, какъ онѣ тамъ кричатъ! Вы не слышите, а я слышу! И я вижу— всѣхъ, всѣхъ, кого жгли, убивали, рвали на части. Били за то, что среди насъ родился Христось, что среди насъ были пророки и Марксъ. Я вижу ихъ. Они смотрять на меня въ окно, холодные, истерзанные трупы, они стоятъ надъ моей головой, когда я сплю, они спрашиваютъ меня: и ты будешь заниматься наукой, Лунцъ? Нѣтъ. Нѣтъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Голубчикъ ты мой, помоги тебѣ Богъ.

ЛУНЦЪ.

Да, Богъ. Я еврей, и я зову еврейскаго Бога: Боже отмщеній, Господи Боже отмщеній! Яви себя! Возстань. Судія земли, воздай возмездіе гордымъ! Боже отмщеній! Господи Боже отмщеній! Яви себя!

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Местъ палачамъ!

(Лунцъ молча грозитъ кулакомъ и выходитъ)

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Трейчъ, каковъ?

ПОЛЛАКЪ.

Какой несчастный юноша! Это такъ тяжело, если человѣкъ любитъ науку, и ему нельзя ей служить. Мнѣ было такъ весело, а когда онъ говорилъ, я заплакалъ, уважаемая Инна Александровна.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

И не говорите. Сердце у меня разрывается. Когда этому конецъ будетъ, Господи! Проживешь, а свѣтлыхъ дней такъ и не увидишь. Жизнь!

ЖИТОВЪ.

Да, тяжело.

(Трейчъ отводитъ Верховцева въ сторону и, предостерегающе показавъ на Инну Александровну, шепчетъ ему что-то. При первыхъ словахъ Верховцевъ отдергиваетъ голову и громко говорить)

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Не можетъ быть! Нико...



ТРЕЙ ЧЪ.

Т-сь! (Шепчутся)

ПОЛЛАКЪ.

Нужно уповать на Бога, уважаемая Инна Александровна, но не Бога отмщенія, о которомъ говорилъ этотъ несчастный юноша, а Бога милосердія и любви.

ЖИТОВЪ.

Да. Боги бываютъ разные, какой кому нуженъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ, дѣти, дѣти! Горе съ вами великое!

(Входитъ Сергѣй Николаевичъ, здоровается)

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

И вы здѣсь, Поллакъ?

ПОЛЛАКЪ.

Сегодня день моего рожденія, уважаемый Сергѣй Николаевичъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Поздравляю васъ. (Жметъ руку)

ПОЛЛАКЪ.

И сегодня я имѣлъ честь объявить собравшимся господамъ о моей помолвкѣ съ дѣвицей Фанни Эрстремъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Такъ вотъ вы какой счастливецъ!

ПОЛЛАКЪ.

Да. Теперь у меня будетъ спутникъ, уважаемый Сергѣй Николаевичъ. (Хочетъ)

СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Еще разъ поздравляю. А скажите, относительно Николая нѣтъ ничего новаго?

ТРЕЙЧЪ.

Повидимому, бѣгство отложено.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

А что на землѣ дѣлается, почтенный звѣздочеть, если бѣ вы слышали!

СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

А что? Опять какія-нибудь несчастья?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да—суетныя заботы... (Склонивъ голову на бокъ) Вотъ смотрю я этакъ на васъ и думаю: есть у васъ хоть какіе-нибудь друзья, или вы такъ—одинъ и одинъ?

СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

(показываетъ на Инну Александровну).

Вотъ мой другъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Не конфузъ меня, Сергѣй Николаевичъ. Развѣ тебѣ такой другъ нуженъ?

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Ну положимъ. А еще?

СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Есть и еще. Но представьте, я ихъ никогда не видалъ. Одинъ живетъ въ Южной Африкѣ, у него обсерваторія, другой—въ Бразиліи, а третій—не знаю гдѣ.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Пропалъ?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Онъ умеръ лѣтъ полтора ста назадъ. А. еще одинъ есть, того я совсѣмъ не знаю, хотя очень люблю—такъ этотъ еще не родился. Онъ долженъ родиться приблизительно черезъ 750 лѣтъ, и я уже поручилъ ему провѣрить кое-какія мои наблюденія.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

И увѣрены, что онъ сдѣлаетъ?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Странная коллекція. Вамъ бы ее въ какой-нибудь музей пожертвовать! Не правда ли, Трейчъ?

ТРЕЙЧЪ.

Мнѣ нравятся друзья г. Терновскаго.

(Быстро входитъ Петя и оглядывается)

ПЕТЯ.

А Лунцъ гдѣ? Всѣ тутъ? Хорошо. А Лунцъ?

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Онъ у себя, Петя, пойди къ нему, поговори, онъ такъ взволнованъ сегодня.

ПЕТЯ.

Пожалуйста, г. г., посидите здѣсь. Я хочу устроить маленькое празднество, сегодня такой день.

ПОЛЛАКЪ.

Ужъ не фейерверкъ ли? О, хитрый Петя. Но это ужъ слишкомъ, хотя, конечно, день такой...

ПЕТЯ.

Я сейчасъ. (Уходитъ)

СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ  
(прохаживается медленно).

Вы не знаете, Поллакъ, каковъ барометръ сегодня?

ПОЛЛАКЪ.

Довольно низко, уважаемый Сергѣй Николаевичъ.

СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Это чувствуется.

ПОЛЛАКЪ.

Въ связи съ колебаніемъ стрѣлки, надо думать, что въ южныхъ широтахъ—циклонъ.

СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да. Безпокойно.

АННА (Иннѣ Александровнѣ).

Навѣрное, Петя задумалъ какую-нибудь гадость. Напрасно вы поощряете его, мама.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что же я съ нимъ подѣлаю? Ты сама видишь, что съ нимъ...

ВЕРХОВЦЕВЪ

(идеть съ Трейчемъ къ столу).

Какая тутъ у васъ дьявольская тишина: точно въ могилѣ.

СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Развѣ? А мнѣ здѣсь внизу кажется нѣсколько шумно.

ТРЕЙЧЪ (Верховцеву).

Да, вотъ еще: если я не вернусь, вы скажете ей, что...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Понимаю! Фу, духота какая!

АННА.

А по мнѣ, скорѣе холодно.

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Духота, холодно—все одинъ чортъ. Если я тутъ живу еще недѣлю...

ПОЛЛАКЪ.

А не устроить ли намъ, г. г., болѣе или менѣе правильную бесѣду, въ которой всѣ могли бы принимать участіе? Предсѣдателемъ мы изберемъ...

ЛУНЦЪ (входитъ).

Меня звали? Вы звали меня, Сергѣй Николаевичъ?

СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Нѣтъ.

ЛУНЦЪ.

Что же Петя сказать мнѣ? (Хочетъ уйти)

ПОЛЛАКЪ.

Посидите съ нами, дорогой Лунцъ. Теперь, когда вы нѣсколько успокоились, я хочу сказать вамъ, что я не согласенъ съ вами относительно науки.

ЛУНЦЪ.

Ахъ, оставьте! Сергѣй Николаевичъ, я долженъ вамъ сказать: я оставляю обсерваторію.

(Голосъ Пети за дверью: „Пажн Шире дорогу герцогинь!“)

ПОЛЛАКЪ (смѣется).

Ахъ, это Петя! Какой забавный мальчикъ! Слушайте, слушайте!

(Распахиваются двери. Входятъ Петя и старуха. Она перегнулась пополамъ, подъ прямымъ почти угломъ и еле идетъ—ужасный образъ нищеты, старости и горя. Петя, взявъ ее за руку, выступаетъ торжественно, какъ въ оперѣ. У дверей улыбающіяся физиономіи Минны Франца и еще кого-то изъ прислуги)

ПЕТЯ.

Позвольте представить, г. г.: вотъ моя невѣста—пре-  
лестная Эллень.

ВЕРХОВЦЕВЪ

(грубо смѣется).

Вотъ дуракъ!

АННА.

Я говорила!

ПОЛЛАКЪ (встаетъ).

Это насмѣшка! Я не позволю насмѣхаться надъ моей невѣстой!

ПЕТЯ (громко).

Прелестная Элленъ, поклонитесь собранію!

(Старуха кланяется)

ПОЛЛАКЪ.

Я протестую. Это оскорбленіе!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Онъ шутить. Петичка, нехорошо, не нужно шутить надъ старымъ человѣкомъ.

ЛУНЦЪ.

Нѣтъ, это не шутка! Я понимаю. О я понимаю!

ПЕТЯ.

Такъ. Теперь поговоримъ, прелестная Элленъ. Вамъ сколько лѣтъ?

(Старуха молчитъ и трясеть головой)

ПЕТЯ.

Вы сказали 17? Вамъ 17 лѣтъ, очаровательная дѣвица. Герцогъ, вашъ отецъ, и герцогиня, ваша мать, согласны на нашъ бракъ?

(Старуха молчитъ и трясеть головой)

ПОЛЛАКЪ.

Глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ! Меня оскорбляютъ въ вашемъ домѣ...

ЛУНЦЪ (бѣшено).

Да что вы лѣзете? Кому вы нужны съ вашей идиотской невѣстой.

ПОЛЛАКЪ.

Г. Лунцъ, вы отвѣтите!

ЛУНЦЪ.

Звѣзды, проклятыя звѣзды!

ПЕТЯ.

Какъ я счастливъ, прелестная Эллень! Вы слышите запахъ розъ? Вы слышите, какъ заливается въ саду соловей?—Это о нашей любви поетъ онъ, прелестная Эллень.

ЛУНЦЪ.

Проклятыя звѣзды!

ПЕТЯ.

Вашъ благоухающій ротикъ, прелестная Эллень...

ЛУНЦЪ.

Да, да...

ПЕТЯ.

...ваши жемчужные зубки...

ЛУНЦЪ.

Да, да!

ПЕТЯ.

...ваши нѣжныя щечки—я влюбленъ въ васъ безумно, прелестная Эллень! Зачѣмъ такъ скромно потупили вы очаровательныя глазки ваши?..

ЛУНЦЪ.

Позоръ! И вамъ не стыдно, Поллакъ? Наука! А это вы видите? Это моя мать, это моя мать...



ПОЛЛАКЪ.

Я не понимаю...

ПЕТЯ.

Выпрямите вашъ стройный станъ и гордо объявите себя моей женой, очаровательная Эллень! Въ вашихъ объятяхъ найдете вѣчный покой мое безпокойное сердце!

(Старуха трясетъ головой)

АННА.

Ихъ всѣхъ надо въ сумасшедшій домъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ (съ испугомъ).

Анна, молчи!

ПОЛЛАКЪ.

Это такое...

ЛУНЦЪ.

Молчи, буржуй, а не то... Это моя мать. (Къ старухѣ) Старая женщина! (Отталкиваетъ Петю) Послушайте меня, старая женщина, вотъ стою я передъ вами на колѣнахъ, маленькій еврей. Вы—моя мать, и дайте же, дайте, я поцѣлую вашу руку...

ПЕТЯ (кричить).

Это моя невѣста!

ЛУНЦЪ.

Это моя мать, оставьте ее.

АННА.

Дайте воды!

ЛУНЦЪ.

Старая женщина! Простите меня: я любилъ науку, глупый еврей... жидь!..

ВЕРХОВЦЕВЪ (Трейчу).

Нужно что-нибудь сдѣлать!

ТРЕЙЧЪ.

Ничего.

ЛУНЦЪ.

Я люблю только васъ, милая, старая женщина. Возьмите мою голову и сердце мое возьмите. Проклятыя звѣзды! Проклятыя звѣзды!

ТРЕЙЧЪ.

Вы идете со мной, Лунцъ.

ПЕТЯ (кричить).

Это моя невѣста!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Господи! Петюшка! Съ нимъ дурно.

АННА.

Воды!

ЛУНЦЪ.

Я иду съ вами. И клянусь Богомъ...

ВЕРХОВЦЕВЪ.

Да замолчите, вы!

(Петя бьется въ припадкѣ. Всѣ, кромѣ Трейча, бросаются къ нему; Сергѣй Николаевичъ дѣлаетъ шагъ, но останавливается и глядитъ на Лунца)

## ЛУНЦЪ

(стоя на колѣнахъ).

Старая женщина! Вы видите, я плачу, старая женщина, я—маленькій еврей, который любилъ науку. Вы моя мать, вы мать моя, и, клянусь передъ Богомъ, всю жизнь мою я отдамъ вамъ, моя милая, моя старая женщина. Я плачу... Проклятыя звѣзды!



*Л. Андреевъ. Къ звездамъ:*

## **ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.**

Въ правомъ углу сцены куполь обсерваторіи въ разрѣзѣ, одной третью своей уходящій за кулисы. Вокругъ купола галлейка съ чугунной прозрачной рѣшеткой. Низъ сцены—часть какой-то крыши, примыкающей къ главному зданію обсерваторіи, и еле намѣченные контуры горъ. Все же остальное—одно огромное пространство ночного неба. Созвѣздія. Внутри купола очень темно; налѣво смутно уходятъ очертанія огромнаго рефрактора; два стола, на нихъ лампы съ темными, непрозрачными колпаками. Створы купола раскрыты, и въ нихъ проглядываетъ звѣздное небо. Лѣстница внизъ также въ разрѣзѣ. Тишина, тихій стукъ метронома. Сергѣй Николаевичъ, Петя и Поллакъ.

ПОЛЛАКЪ.

Итакъ, уважаемый Сергѣй Николаевичъ, вы будете любезны наблюдать за камерой. Я ухажу, необходимо окончить таблицы.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Работайте, работайте. До свиданья!

ПОЛЛАКЪ  
(обращаясь къ Петѣ).

Ну, какъ мы себя чувствуемъ сегодня, юный жрецъ богини Ураніи?

ПЕТЯ.

Хорошо. Благодарю васъ.

ПОЛЛАКЪ.

И мы уже больше не будемъ насмѣхаться надъ бѣднымъ Поллакомъ, которому такъ хочется жениться?

ПЕТЯ.

Честное слово, я не хотѣлъ...

ПОЛЛАКЪ.

Я знаю, знаю...

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Онъ уже тогда былъ нездоровъ.

ПОЛЛАКЪ.

Я шучу, уважаемый Сергѣй Николаевичъ. Вообще, я долженъ съ удивленіемъ отмѣтить, что открылъ въ себѣ огромные запасы юмора. Когда сегодня Францъ разлилъ молоко, я сказалъ ему: Францъ, вы оставляете за собой млечный путь, и онъ очень смѣядся. (Хохочеть) Но я не буду входить въ подробности. До свиданія.  
(Уходитъ)

ПЕТЯ.

Какой смѣшной этотъ Поллакъ! Папа, я тебѣ не помѣшаю, если останусь здѣсь?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Нѣтъ, дружокъ.

ПЕТЯ.

Мнѣ не хочется внизъ. Теперь тамъ такъ скучно. Ты знаешь, Житовъ вчера прислалъ телеграмму изъ Каира: „Сижу и смотрю на пирамиды“. А ты видалъ пирамиды?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Видалъ. Я боюсь, дружокъ, что мамѣ одной будетъ тяжело.

ПЕТЯ.

Сейчасъ она уже спитъ. А днемъ я съ ней много бываю. Она все толкуетъ, папа, о Колѣ.



СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да вѣдь ничего неизвѣстно. Отъ Анны нѣтъ извѣстій?

ПЕТЯ.

Нѣтъ. Она не любитъ писать письма. Конечно, ничего еще неизвѣстно, я все время твержу это мамѣ, но ты знаешь, какъ трудно говорить съ женщинами... Ну, я не буду мѣшать тебѣ. Ты тоже будешь вычислять?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да. Немного. Я что-то усталъ.

ПЕТЯ.

А я почитаю... Да, папа, вчера я въ журналъ прочелъ, что ты совершилъ какое-то громадное открытіе относительно туманностей, и что это ставитъ тебя на ряду...

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Это открытіе, дружокъ, я совершилъ уже десять лѣтъ тому назадъ. Астрономическая слава приходитъ поздно—нами интересуются мало.

ПЕТЯ.

И я не зналъ!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Мы попрежнему остаемся обособленными, какъ египетскіе жрецы, хотя и противъ воли.

ПЕТЯ.

Какъ это глупо! Папочка,—а почему ты, когда я былъ боленъ, велѣлъ положить меня сюда? Вѣдь, я, навѣрное, мѣшалъ тебѣ.

## СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Нѣтъ. Но когда что-нибудь становится мнѣ очень мило, мнѣ хочется поднять его сюда. У меня, Петя, смѣшное убѣжденіе, что здѣсь не можетъ быть страданій, болѣзни. Тутъ—звѣзды.

## ПЕТЯ.

Разъ ночью я проснулся и увидѣлъ тебя: ты смотрѣлъ на звѣзды. Было тихо, и ты смотрѣлъ на звѣзды. И вотъ тогда я что-то понималъ... Нѣтъ, почувствовалъ. Не знаю—что, я не умѣю объяснить. Какъ будто въ мірѣ мы одни, ты, звѣзды и я... или какъ будто мы уже умерли. И отъ этого не было страшно, а спокойно, какъ-то хорошо—чисто. Мнѣ теперь такъ хочется жить—отчего это? Вѣдь я попрежнему не понимаю, зачѣмъ жизнь, зачѣмъ старость и смерть?—а мнѣ все равно. Ну, работай, работай, я не буду входить въ подробности, какъ говорить Поллакъ.

## СЕРГЪЙ НИКОЛАЕВИЧЪ (задумчиво).

Да. Человѣкъ думаетъ только о своей жизни и о своей смерти—и отъ этого ему такъ страшно жить и такъ скучно, какъ блохѣ, заблудившейся въ склепѣ... Чтобы заполнить страшную пустоту, онъ много выдумываетъ, красиво и сильно, но и въ вымыслахъ—онъ говоритъ только о своей смерти, только о своей жизни, и страхъ его растеть. И становится онъ похожъ на содержателя музея изъ восковыхъ фигуръ—да, на содержателя музея изъ восковыхъ фигуръ. Днемъ онъ болтаетъ съ посѣтителеми и беретъ съ нихъ деньги, а ночью—одинокій, онъ бродитъ съ ужасомъ среди смертей, неживого, бездушнаго. Если бы онъ зналъ, что всюду жизнь!

П Е Т Я.

Ты знаешь, папа, чего я первый разъ испугался? Я увидѣлъ стулъ въ пустой комнатѣ, самый простой стулъ—и вдругъ мнѣ стало такъ страшно, что я закричалъ.

С Е Р Г Ъ Й Н И К О Л А Е В И Ч Ъ.

Его мысль рождена птицей—могучей и свободной царицею пространствъ, а онъ связалъ ей крылья и посадилъ ее въ птичникъ—съ проволочными, безстыдно лгущими стѣнами. И небо сквозь сѣтку только дразнить ее, и она ссорится съ другими птицами, тупѣетъ, становится глупой—вмѣсто того, чтобъ летать.

П Е Т Я.

Бѣдная царица!

С Е Р Г Ъ Й Н И К О Л А Е В И Ч Ъ.

Да, все живеть. И когда пойметъ это человѣкъ, ему станетъ радостно жить, какъ греку, какъ язычнику. Явятся снова дриады и нимфы, и эльфы запляшутъ въ лунномъ свѣтѣ. Человѣкъ будетъ ходить по лѣсу и разговаривать съ деревьями и цвѣтами. Онъ никогда не будетъ одинъ, ибо все живеть: и металлъ, и камень, и дерево.

П Е Т Я (смѣется).

Ты очень смѣшной, папа.

С Е Р Г Ъ Й Н И К О Л А Е В И Ч Ъ.

Да? Развѣ?

П Е Т Я.

Ты вѣжливъ со стульями. Нѣтъ, это правда, и ты вѣжливъ съ предметами. Когда ты берешь что-нибудь

въ руки, ты дѣлаешь это какъ-то вѣжливо. Я не умѣю объяснить. Ты очень разсѣянный, а ходишь такъ ловко, что никогда ничего не зацѣпишь, не толкнешь, не уронишь. Когда стулья, шкафы, стаканы собираются ночью, какъ у Андерсена, и начинаютъ разговаривать, они, вѣроятно, очень хвалятъ тебя.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да? Это мнѣ нравится, что стулья разговариваютъ.

ПЕТЯ.

А что тутъ дѣлается, когда ты уходишь? Вѣроятно, все поетъ?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Оно и при мнѣ поетъ.

ПЕТЯ.

Труба басомъ, да?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

А ты слышишь, мой мальчикъ, что поютъ звѣзды?

ПЕТЯ.

Нѣтъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Онѣ поютъ, и пѣснь ихъ таинственна, какъ вѣчность. Кто хоть разъ услышитъ ихъ голосъ, идущій изъ глубины безконечныхъ пространствъ, тотъ становится сыномъ вѣчности! Сынъ вѣчности!—да, Петя, такъ когда-нибудь назовется человѣкъ.

ПЕТЯ (смѣется).

Папочка, не сердись: неужели и Поллакъ—сынъ вѣчности?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Можеть быть.

ПЕТЯ.

Но онъ такой нелѣпый, такой узкій... Ну, ну, я не буду. Сажусь. Какой у тебя здѣсь воздухъ,—въ комнатахъ такого никогда не бываетъ. Ты все думаешь?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да.

ПЕТЯ.

Ну, думай. Кончено, читаю.

(Молчаніе)

ПЕТЯ.

Сегодня ровно три недѣли, какъ уѣхалъ Лунцъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Да?

(Молчаніе. Петя читаетъ. Сергѣй Николаевичъ выходитъ изъ задумчивости и медленно придвигаетъ къ себѣ работу. Работаетъ)

ПЕТЯ.

Первыя ночи, когда у меня былъ жаръ, я очень боялся рефрактора. Онъ двигался по кругу за звѣздой, и когда я снова открывалъ глаза, онъ уже успѣвалъ немного передвинуться. И мнѣ казалось—не знаю—какъ будто это одинъ огромный черный глазъ... въ сюртукѣ и съ фалдочками.

(Молчаніе. Сергѣй Николаевичъ откладываетъ работу и думаетъ, опершись подбородкомъ на руку)

## СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Петя, ты знаешь, какіе стихи написалъ астрономъ Тихо Браге по поводу одного инструмента. Это былъ параллактическій инструмента, которымъ пользовался Коперникъ во всѣхъ своихъ работахъ и который сдѣлалъ онъ самъ изъ трехъ деревянныхъ жердочекъ, ужасно плохой инструмента: у арабовъ были лучше. Такъ вотъ послушай:

Тотъ, солнцу кто сказалъ: „Сойди съ небесъ и стой“,  
 Кто землю на небо, луну на землю вскинулъ,  
 И, весь перевернувъ порядокъ міровой,  
 Скрѣпя міра не расторгъ нигдѣ и не раздвинулъ,  
 А проще не въ примѣръ представилъ и стройнѣй  
 Вамъ твердь, знакомую по опыту очей,—  
 Тотъ мужъ, Коперникъ самъ, кого я разумѣю,  
 Вотъ эти палочки въ простой сложивъ приборъ  
 И имъ осуществивъ столь дерзкую затѣю,  
 Законы наложилъ на весь небесъ просторъ,  
 Свѣтила горнія во славу изъ теченья  
 Кусочкамъ дерева ничтожнымъ подчинилъ,  
 Къ самимъ проникъ богамъ, куда со дня творенья  
 Рокъ смертнымъ всѣмъ почти дорогу возбранилъ.  
 Какихъ преодолѣть преградъ не можетъ разумъ!  
 Нагроможденные когда-то Пеліонъ  
 И Осса съ Этною, Олимпъ съ другими разомъ  
 Горами многими вотще со всѣхъ сторонъ—  
 Свидѣтели тому, что силой тѣла дикой  
 Гиганты мощные, но слабые умомъ  
 Не достигли звѣздъ. Онъ, онъ одинъ великій,  
 Искавшій помощи лишь въ разумъ своемъ,  
 Не мышцы крѣпкія, а тоненькія жерди  
 Орудіемъ избравъ,—возвысился до тверди.  
 Какихъ могучихъ здѣсь произведенъ думъ!  
 Хотя по существу въ немъ стоимости мало,  
 Но золото само, когда бъ имѣло умъ,  
 Такому дереву завидовать бы стало!..

(Молчаніе. Внизу музыка—нѣсколько нерѣшительныхъ и грустныхъ аккордовъ: „Сижу за рѣшеткой.. въ темницѣ сырой...“)

П Е Т Я (вскакиваетъ).

Что это, музыка? Кто же это — тамъ только мама!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ (обернувшись)

Да. Не Маруся ли?

П Е Т Я (кричить).

Марусяка пріѣхала! Я сейчасъ, сейчасъ!.. (Бѣжитъ внизъ)

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ (повторяетъ).

...Но золото само, когда бѣ имѣло умъ—такому деву завидывать бы стало!..

(Длительное молчаніе. На лѣстницѣ показываются Маруся и Петя)

МАРУСЯ.

Не плачь. Что плакать? Пойди къ мамѣ.

(Петя плачетъ, сдерживая рыданія)

МАРУСЯ.

Пойди, пойди, она одна. Поддержи ее—ты мужчина.

П Е Т Я.

А ты?

МАРУСЯ.

Я ничего. Ступай. (Цѣлуетъ его въ голову, расходятся)

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Маруся, милая! Какъ я радъ, что вы пріѣхали. Вы не вѣрите въ то, что я могу чувствовать что-нибудь, а я сегодня весь день чувствовалъ вашъ пріѣздъ.

МАРУСЯ.

Здравствуйте, Сергѣй Николаевичъ. Вы работаете?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

А что Николай? Онъ бѣжалъ?

МАРУСЯ.

Да. Онъ ушелъ изъ тюрьмы.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Онъ здѣсь?

МАРУСЯ.

Нѣтъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Но онъ въ безопасности, Маруся?

МАРУСЯ.

Да.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Бѣдная Маруся! Какъ вы устали, вѣроятно. Сегодня весь день я думаю о васъ и о немъ,—о васъ и о немъ. О васъ я говорю не смѣю, но вы—какъ музыка, Маруся! Я такъ радъ! Позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку—вашу пѣжную ручку, которая такъ много поработала надъ желѣзными замками и рѣшетками. (Черемонно цѣлуетъ руку) Садитесь, рассказывайте.

МАРУСЯ

(показывая на галерею).

Пойдемте туда.



СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Я такъ радъ. Я возьму для васъ стулъ — вы такъ устали, Маруся. (Выходятъ) Ну, садитесь. Здѣсь, правда, хорошо?

МАРУСЯ.

Да. Очень хорошо.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

А я сидѣлъ здѣсь съ Петей. Онъ такой милый мальчикъ! Онъ въ послѣднее время напоминаетъ мнѣ Николая...

МАРУСЯ.

Да.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Но въ Петѣ много женственнаго, слабого, иногда я беспокоюсь за него. А Николай — онъ такой энергичный, такой смѣлый. Какъ въ немъ все гармонично и стройно, какъ нѣжно и сильно! Это прекрасный образецъ человѣка мужественнаго, рѣдкая, красивая форма, которую природа разбиваетъ, чтобы не было повтореній.

МАРУСЯ.

Да. Разбиваетъ. Я хотѣла сказать...

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Онъ плѣнительнъ, какъ юный Богъ, въ немъ какія-то чары, противъ которыхъ нельзя устоять. Вѣдь его, Маруся, такъ любятъ всѣ, даже Анна, — даже Анна. И онъ такъ красивъ! Вамъ, Маруся, покажется это нелѣпо: онъ напоминаетъ мнѣ звѣздное небо передъ зарею.

МАРУСЯ.

Да. Звѣздное небо передъ зарею.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Онъ не могъ не бѣжать, я былъ увѣренъ въ этомъ. Тюрьма! Что такое тюрьма—эти ржавые замки и трухлявыя глупыя рѣшетки. Я удивляюсь, какъ они могли такъ долго держать его: они должны были улыбнуться и дать ему дорогу, какъ молодому счастливому принцу!

МАРУСЯ

(падая на колѣна, съ тоской).

Отецъ, отецъ, какой это ужасъ!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Что, что съ вами, Маруся?

МАРУСЯ.

Разбита прекрасная форма! Отецъ, разбита, разбита прекрасная форма!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Онъ умеръ! Да говори же!

МАРУСЯ.

Онъ... Его покинулъ разумъ.

(Молчаніе)

МАРУСЯ

(вскакиваетъ).

Что же это! Проклятая жизнь! Гдѣ же Богъ этой жизни, куда онъ смотритъ? Проклятая жизнь. Изойти слезами, умереть, уйти! Зачѣмъ жить, когда лучшіе погибаютъ, когда—разбита прекрасная форма! Ты понимаешь это, отецъ? Нѣтъ оправданія жизни—нѣтъ ей оправданія.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Разскажи мнѣ все.

МАРУСЯ.

Зачѣмъ? Развѣ можно *это* рассказать. Чтобы рассказать, нужно понять—а развѣ это можно понять?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Расскажи.

МАРУСЯ.

Онъ былъ моимъ знаменемъ. Когда варвары бросили его въ тюрьму, я думала: но вѣдь это варвары, а онъ—солнце. Я думала: вотъ сейчасъ поднимутся всѣ, кто любитъ его, и разрушать тюрьму,—и снова засяетъ мое солнце. Мое солнце!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Какъ это случилось?

МАРУСЯ.

Какъ гаснетъ звѣзда? Какъ умираетъ птица въ неволѣ? Пересталъ пѣть, сталъ блѣденъ и грустенъ—но успокаивалъ меня. Разъ только сказалъ: я не могу понять желѣзной рѣшетки. Что такое желѣзная рѣшетка—она между мною и небомъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Между мною и небомъ?

МАРУСЯ.

А тутъ ихъ избили. Да, да. Они подняли бунтъ въ тюрьмѣ. Въ ихъ камеры ворвались тюремщики и били ихъ—по одному. Били руками—ногами ихъ топтали, уродовали лица. Долго, ужасно ихъ били—тупые, холодные звѣри. Не пощадили они и твоего сына: когда я увидѣла его, его лицо было ужасно. Милое, прекрасное лицо, которое улыбалось всему міру! Разорвали

ему ротъ, уста, которыя никогда не произносили слова лжи; чуть не вырвали глаза—глаза, который видѣлъ только прекрасное. Ты понимаешь это, отецъ? Ты можешь это оправдать?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Говори.

МАРУСЯ.

И уже тутъ въ немъ проснулась эта страшная, смертельная тоска. Онъ никого не упрекалъ, онъ защищалъ передо мною тюремщиковъ—своихъ убійцъ,—но въ его глазахъ росла эта черная тоска: душа его умирала. И все еще успокаивалъ меня, все еще утѣшалъ. И разъ только сказалъ: всю тоску міра ношу я въ душѣ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Дальше.

МАРУСЯ.

Сталъ забываться. Потомъ умолкъ. Молча выходилъ ко мнѣ—молчалъ, пока я говорила, и молча уходилъ. Глаза у него стали огромные, черные, какъ будто изъ изъ нихъ смотрѣла тоска всего міра—и такой красоты я не видала, отецъ! А когда сегодня я пришла на свиданіе, онъ былъ уже въ больницѣ. Когда вчера его вели на прогулку, онъ хотѣлъ броситься съ лѣстницы, въ пролетъ, но его удержали. Потомъ — безуміе, горячая рубашка—и все.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Ты видѣла его?

МАРУСЯ.

Я видѣла его. Но объ этомъ я не стану говорить. Я не могу. Разбита прекрасная форма!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Они всегда избивали своихъ пророковъ.

МАРУСЯ.

Отецъ! Какъ же можно жить среди тѣхъ, кто избиваетъ своихъ пророковъ? Куда мнѣ уйти, я не могу больше. Я не могу смотрѣть на лицо человѣка—мнѣ страшно! Лицо человѣка—это такъ ужасно: лицо человѣка. Я выплакала мои слезы—та же тоска впереди—смертельная, послѣдняя тоска. Ты видишь: я спокойна. Какъ много звѣзд!

(Пауза)

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

А Инна знаетъ?

МАРУСЯ.

Да.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Что говорятъ врачи?

МАРУСЯ.

Они говорятъ: идиотъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Николай—идиотъ?

МАРУСЯ.

Да. Онъ будетъ долго жить. Онъ станетъ равнодушенъ, онъ будетъ много пить, ѣсть, потолстѣеть, онъ проживетъ долго. Онъ будетъ счастливъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Николай — идиотъ! Какъ трудно это представить. Этотъ прекрасный человѣкъ, этотъ гармоничный, свѣт-

лый духъ—погруженъ во тьму, въ скучный, бѣдный, еле колышашійся хаосъ. Онъ некрасивъ теперь, Маруся?

МАРУСЯ (съ горечью).

Да, онъ некрасивъ. А тебя это беспокоить?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Я радъ, что ты такъ спокойна; я не думалъ, что ты такъ сильна.

МАРУСЯ.

Ужъ мѣсяцъ я переживаю изо дня въ день эту муку Я• привыкла. Что, отецъ, привычка: это должно быть тоже что-то въ родѣ сумасшествія?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Что же ты хочешь дѣлать теперь?

МАРУСЯ.

Не знаю, я еще не думала объ этомъ. Какъ-то стыдно, отецъ, надъ свѣжей могилой думать о своей— о новой жизни. Даже собакѣ нужно время, чтобы привыкнуть къ потерѣ щенка.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Николая я устрою, ему теперь немного надо. А ты, Маруся, больше не ходи къ нему. Совсѣмъ не ходи.

МАРУСЯ.

Нѣтъ, я буду ходить!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Это кощунство.—Это такое же кощунство, какъ оставить въ своей комнатѣ трупъ. Трупы надо сжигать на огнѣ.

МАРУСЯ.

Я и трупъ оставила бы у себя въ комнатѣ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Зачѣмъ?

МАРУСЯ.

Ты знаешь прелестную Эллень? Я беру ее съ собой.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Противъ кого это?

МАРУСЯ.

Не знаю. Противъ тебя.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Противъ меня?

МАРУСЯ.

Да. Я нашла, я знаю теперь, что я буду дѣлать. Я построю городъ и поселю въ немъ всѣхъ старыхъ, какъ прелестная Эллень, всѣхъ убогихъ, калѣкъ, сумасшедшихъ, слѣпыхъ. Тамъ будутъ глухонѣмые отъ рожденія и идіоты, тамъ будутъ извѣденные язвами, разбитые параличемъ. Тамъ будутъ убійцы...

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Мнѣ жаль тебя, Маруся.

МАРУСЯ.

Тамъ будутъ предатели и лжецы и существа, подобныя людямъ, но болѣе ужасныя, чѣмъ звѣри. И дома будутъ такіе же, какъ жители: кривые, горбатые, слѣпые, извѣзвленные; дома — убійцы, предатели. Они будутъ падать на головы тѣхъ, кто въ нихъ поселится,

они будутъ лгать и душить мягко. И у насъ будутъ постоянныя убійства, голодь и плачь; и царемъ города я поставлю Іуду и назову городъ: „Къ звѣздамъ!“

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Бѣдная Маруся, мнѣ жаль тебя!

МАРУСЯ.

Оставь! ты не жалѣешь сына.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

У меня нѣтъ дѣтей. Для меня одинаковы всѣ люди.

МАРУСЯ.

Какъ это бездушно! Нѣтъ, я не пойму тебя.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Это оттого, что я думаю обо всемъ. Я думаю о прошломъ, и о будущемъ, и о землѣ, и о тѣхъ звѣздахъ—обо всемъ. И въ туманѣ прошлаго я вижу мириады погибшихъ; и въ туманѣ будущаго я вижу мириады тѣхъ, кто погибнетъ; и я вижу космосъ, и я вижу вездѣ торжествующую безбрежную жизнь—и я не могу плакать объ одномъ!

(На лѣстницѣ показывается Петя и Инна Александровна. Она идетъ съ трудомъ, и Петя ее поддерживаетъ. Медленно проходятъ черезъ куполь)

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА

(бросается къ мужу).

Колюшка нашъ, Колюшка!..

ПЕТЯ.

Мамочка! мамочка! Не плачь.



ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Колюшка!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

(усаживаетъ ее, выпрямляется, кричить).

Отняли сына! Безумцы! Слѣпцы, на себя поднимающіе руку!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ничего... отецъ, проживемъ. Колюшка, мой Колюшка...

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Если бы солнце висѣло ниже, они погасили бы солнце,—чтобы издохнуть во мракѣ. Отняли сына! Отняли сына! Свѣтъ отняли! (Топаешь ногой)

(Петя и Маруся плача становятся на колѣни и ласкаютъ Инну Александровну. СергѢй Николаевичъ отходитъ на нѣсколько шаговъ и возвращается)

МАРУСЯ.

Прости меня, отецъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Не надо плакать, не надо. У насъ есть мысль. У насъ есть мысль. Да помоги же ты!.. Да. Должно быть, я старъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Колюшка!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Это ничего. Жизнь, жизнь вездѣ. Сейчасъ, въ эту минуту—да въ эту минуту!—родится кто-то—такой же, какъ Николай, лучше, чѣмъ онъ—у природы нѣтъ повтореній.

## МАРУСЯ.

Родится для безумія, для гибели! Родится для того, чтобы такъ же плакала надъ нимъ мать! Ты это хочешь сказать?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Мать? Да. Да. Онъ погибнетъ. Онъ погибнетъ, Маруся. Какъ садовникъ, жизнь срѣзываетъ лучшіе цвѣты—но ихъ благоуханіемъ полна земля... Взгляни туда, въ этотъ безпредѣльный просторъ, въ этотъ неизсякаемый океанъ творческихъ силъ. Взгляни туда! Тамъ тихо—но если бы ты могла слышать сквозь пространство и видѣть сквозь вѣчность, ты, можетъ быть, умерла бы отъ ужаса, а быть можетъ—сгорѣла бы отъ восторга. Съ холоднымъ бѣшенствомъ, покорные желѣзной силѣ тяготѣнія, несутся въ пространствѣ по своимъ путямъ безконечные міры—и надъ всѣми ими господствуетъ одинъ великій, одинъ безсмертный духъ.

МАРУСЯ (вставая).

Не говори мнѣ о Богѣ!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Я говорю о существѣ, подобномъ намъ, о томъ, кто такъ же страдаетъ, и такъ же мыслить, и такъ же ищетъ, какъ и мы. Я его не знаю—но я люблю его, какъ друга, какъ товарища. Въ тотъ мигъ, при случайной встрѣчѣ двухъ невѣдомыхъ силъ, загорѣлась первая жизнь—маленькая, крохотная жизнь амебы, протоплазмы—уже въ этотъ мигъ всѣ эти сверкающія громады нашли своего господина. Это мы—тѣ, кто здѣсь, и тѣ, кто тамъ. Великій просторъ небесъ! Древняя тайна! Ты надъ головою моею, ты въ душѣ моей—и ты уже у моихъ ногъ, у ногъ твоего господина.

МАРУСЯ.

Оно молчить, отецъ! Оно смѣется надъ вами!

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Но я хочу—и оно говоритъ! Туда, въ эту синюю глубину посылаю я мой взоръ, и онъ скользитъ въ пространствахъ, и настагаетъ то, чего никогда, никогда еще не видѣлъ человѣкъ. Я зову, и оттуда, изъ мрака преисподней, выползаетъ на мой зовъ трепещущая тайна. Она корчится отъ злобы и страха и грозитъ раздвоеннымъ языкомъ, и моргаетъ ослѣпшими глазами—безсильное, жалкое чудовище. И тогда я радуюсь, и тогда я говорю въ вѣка и пространства: привѣтъ тебѣ, сынъ вѣчности! Привѣтъ тебѣ, мой неизвѣстный и далекий другъ!

МАРУСЯ.

Но смерть, но безуміе, но дикое торжество рабовъ? Отецъ, я не могу уйти отъ земли, я не хочу уходить отъ нея: она такъ несчастна. Она дышетъ ужасомъ и тоской—но я рождена ею, и въ крови моей я ношу страданія земли. Мнѣ чужды звѣзды, я не знаю тѣхъ, кто обитаетъ тамъ.—Какъ подстрѣленная птица, душа моя вновь и вновь падаетъ на землю.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Смерти нѣтъ.

МАРУСЯ.

А Николай? А сынъ твой?

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Онъ въ тебѣ, онъ въ Петѣ, онъ во мнѣ—онъ во всѣхъ, кто свято хранитъ благоуханіе его души. Развѣ умеръ Джіордано Бруно?

МАРУСЯ.

Онъ былъ великъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Умирають только звѣри, у которыхъ нѣтъ лица. Умирають только тѣ, кто убиваетъ, а тѣ, кто убитъ, кто растерзанъ, кто сожженъ—тѣ живутъ вѣчно. Нѣтъ смерти для человѣка, нѣтъ смерти для сына вѣчности!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Въ храмахъ древнихъ поддерживался вѣчный огонь. Испепелялось дерево, выгорало масло, но огонь поддерживался вѣчно. Развѣ ты не чувствуешь его—тутъ, вездѣ? Развѣ въ себѣ не опускаешь его чистаго пламени? Кто далъ тебѣ эту нѣжную душу, чья мысль, улетѣвшая изъ брэннаго тѣла, живетъ въ тебѣ—ты можешь ли сказать, что это мысль твоя? Твоя душа—лишь алтарь, на которомъ свершается служеніе сынъ вѣчности! (Протягиваетъ руку къ звѣздамъ) Привѣтъ тебѣ, мой неизвѣстный, мой далекій другъ!

МАРУСЯ.

Я пойду въ жизнь.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Иди! Отдай ей то, что ты взяла у нея же. Отдай солнцу его тепло! Ты погибнешь, какъ погибъ Николай, какъ гибнуть тѣ, кому душой своей, безмѣрно счастливой, суждено поддерживать вѣчный огонь. Но въ гибели твоей ты обрѣтешь безсмертіе. Къ звѣздамъ!

ПЕТЯ.

Ты плачешь, отецъ. Дай поцѣловать мнѣ руку, дай!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ужъ ты... не плачь, отецъ. Какъ нибудь... проживемъ.

МАРУСЯ.

Я пойду. Какъ святыню, сохраняю я то, что осталось отъ Николая—его мысль, его чуткую любовь, его нѣжность. Пусть снова и снова убиваютъ его во мнѣ — высоко надъ землею понесу я его чистую непорочную душу.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

(протягивая руки къ звѣздамъ).

Привѣтъ тебѣ, мой далекій, мой неизвѣстный другъ!

МАРУСЯ

(протягивая руки къ землѣ).

Привѣтъ тебѣ, мой милый, мой страдающій братъ!

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Колюшка... Колюшка!..

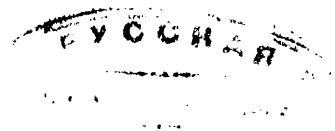
3-го ноября 1905 года.

21

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ.

# ВОЗСТАНИЕ.

Переводъ А. Лукьянова.







Улица съ шумомъ тревожныхъ шаговъ,  
Съ шорохомъ тѣлъ, и откуда-то дико  
Тянутся руки къ безумію сновъ...  
Полная грезъ, озлобленья и крика,  
Улица ужасъ таитъ  
И, какъ на крыльяхъ, летитъ...  
Улица въ золотѣ дня,  
Вечеромъ въ блескѣ багряномъ заката...  
Смерть поднимается съ громомъ набата,  
Въ пламени яркомъ огня,  
Смерть, будто въ грезахъ, съ мечами  
И головами  
На острияхъ,  
Точно кто срѣзалъ цвѣты на поляхъ...  
Грохотомъ пушекъ тяжелыхъ, большихъ,  
Лязгомъ орудій глухихъ  
Здѣсь исчисляется время стenanій,  
Мукъ и рыданій...  
Въ башняхъ часы, какъ глаза изъ орбитъ,  
Выбиты злобно камнями;  
Время обычной чредой не летитъ  
Надъ непреклонными въ гнѣвѣ сердцами.  
Гнѣвъ изъ земли изошелъ  
Къ сѣрымъ камнямъ на могилахъ,  
Гнѣвъ безпредѣленъ и золь,  
Съ кровью кипучею въ жилахъ,  
Блѣдный и съ воплемъ глухимъ

Смѣлымъ мгновеньемъ однимъ  
 Гнетъ разрушаетъ столѣтій!  
 Все, что сіяло въ мечтахъ  
 Въ будущемъ гдѣ-то—далекомъ,  
 Все, что горѣло въ глазахъ,  
 Въ сердцѣ таилось глубококомъ,  
 И что хранила въ себѣ  
 Вся человѣчества сила —  
 Въ этой кровавой борьбѣ  
 Гнѣвомъ толпа возродила!  
 Праздникъ кровавый сквозь ужасъ встаетъ,  
 Люди въ крови, опьяненные, съ крикомъ  
 Бродятъ по трупамъ въ безуміи дикомъ,  
 Радости знамя ведетъ ихъ впередъ.  
 Каски мелькаютъ, какъ свѣтлыя волны,  
 Вяло атака идетъ на народъ,  
 Но, ослѣпленный и гордостью полный,  
 Страстно онъ ждетъ, чтобъ надъ нимъ, наконецъ,  
 Вспыхнулъ кровавый, побѣдный вѣнецъ!  
 Чтобъ обновиться,—убить!  
 Точно природа, въ стремленіи  
 Самозабвеніемъ жить...  
 Въ пылкомъ, безумномъ мгновеньи:  
 Жертвою пасть иль убить,—  
 Жизни нить вѣчную вить!  
 Вотъ загорѣлись мосты и дома,  
 Съ кровью на стѣнахъ сливается тьма;  
 Въ мутныхъ каналахъ нашло отраженіе  
 Роскоши властной послѣднее тлѣнье,  
 И золоченыя башни строеній  
 Городъ вдали окружаютъ, какъ тѣни...  
 Огненно-черныя руки мелькаютъ,  
 Въ мракъ головы золотыя бросаютъ,  
 Крыши горящія къ небу летятъ,  
 Залпами тамъ непрерывно палятъ...  
 Смерть подъ сухой, несмолкаемый звукъ

Молча костлявыми пальцами рукъ  
 Валить тѣла, и они вдоль стѣны  
 Въ бѣгѣ застывшемъ видны...  
 Трупы, изорваны пулями, всюду  
 Падаютъ въ груды,—  
 Отблескъ на нихъ фантастично горитъ,  
 Крикъ этихъ масокъ послѣдній, ужасный  
 Въ злую улыбку кривить...  
 Колоколь властный  
 Бьется, какъ сердце въ борьбѣ, и гудитъ;  
 Вдругъ замолкаетъ,  
 Какъ задохнувшійся голосъ, со стономъ глухимъ:  
 Башня подъ нимъ  
 Ярко пылаетъ...  
 Въ замкахъ старинныхъ, съ которыхъ глядѣли  
 Въ городъ орлы золотые безъ словъ  
 И отражали набѣгъ смѣльчаковъ,  
 Двери раскрылись, замки отлетѣли...  
 Входитъ толпа, разбиваетъ шкапы,  
 Гдѣ сохранялись для этой толпы  
 Злые законы тайкомъ,  
 Пламя ихъ лижетъ своимъ языкомъ,  
 Гибнетъ ихъ прошлое, черное, злое...  
 Льется въ подвалахъ вино дорогое,  
 Съ темныхъ балконовъ бросаютъ тѣла,  
 Воздухъ они разрѣзаютъ безсильно...  
 Роскошь, сокровища, — все, что обильно  
 Жадность преступная въ жизни взяла,  
 Блещетъ на голой землѣ...

. . . . .  
 Городъ во мглѣ  
 Вспыхнулъ страной золотою, пурпурной,  
 Смотритъ онъ къ дали рокошущей, бурной,  
 Ярко пылаетъ корона на немъ...  
 Гнѣвъ и безумье горящимъ кольцомъ  
 Жизнь охватили и тѣсно сжимаютъ,

Кажется — мигъ и земля задрожить!  
Мрачно пространство горить,  
Ужась и дымъ къ небесамъ подплывають...  
Чтобъ создавать, обновиться,—убить!  
Или убить, чтобы пасть, все равно!  
Двери раскрыть или руки разбить...  
Будеть зеленой весна или красной,  
Развѣ не все въ ней величья полно,  
Силы клокочущей, вѣчно прекрасной!

А. СЕРАФИМОВИЧЪ.

НА ПРЪСНЪ.



## I.

Буммъ!...

Онъ донесся издалека, этотъ глухо-тупой ударъ, отъ котораго слабо дрогнули стекла, донесся изъ центральныхъ улицъ.

„Началось!“...

И что бы ни дѣлалъ, куда бы ни ходилъ, съ кѣмъ бы ни разговаривалъ, ко всему примѣшивалось: „но вѣдь началось“... Вырвется дѣтскій смѣхъ изъ комнаты, стукнетъ дверь, громко кто-нибудь кашляетъ, и въ памяти угрюмо встаетъ звукъ смолкшаго орудіянаго удара... „Началось!“... И сердце сжалось, сцѣпивъ грудь тоскливымъ предчувствіемъ огромнаго несчастья или огромнаго счастья, и уже не отпускало до конца.

— Матушки-и мои!...—просунувъ голову въ дверь, присѣдая и хлопая себя по бедрамъ, говорила кухарка, мостодонтовидная рязанская баба,—народу-ти навалили-и!... конца-краю нѣту!... вся Тверская черна, одинъ на одномъ лежать, какъ тараканы.. со Штрашнаго монастыря содютъ изъ пушекъ...

Я вышла. Орудійные выстрѣлы доносились съ томительными перерывами. Народъ обычно шелъ по панели вверхъ и внизъ по улицѣ. Хрустѣлъ снѣгъ.

На морозномъ небѣ вырисовывалась вдали каланча. Хотѣлось побольше полной грудью забрать этого слав-

паго, бодрого, покусывавшего за уши, за щеки, воздуха, не думая ни о чемъ, но глухіе удары, доносившіеся *оттуда*, и каланча на морозномъ небѣ говорили: „началось“... Все было обычно, только, когда проходили мимо кучки, слышалось:

— А *она* вдарилась возлѣ, такъ и обсыпала...

Да лавки хмуρο глядѣли наглухо заколоченными ставнями и щитами. Но по мѣрѣ того, какъ я шелъ, народу больше попадалось навстрѣчу, и слышался беспорядочный торопливый говоръ. Останавливались, моментально образовывалась кучка, и говорили, говорили нервно, торопливо, какъ будто эти люди, никогда не видавшіе другъ друга, были знакомы много лѣтъ.

Какая-то пожилая дама, должно быть нѣмка, придерживая трясущіяся руки на груди, говорила придыхая, и перья прыгали у нея на шляпѣ:

— Я кофору, пойдѣмъ, я боюсь... а она кофорить, не бойся... смотримъ: бахххъ!... а у него колофы нѣтъ, а изъ шеи крофъ... а изъ шеи крофъ, какъ фонтанъ...

И она съ перекошеннымъ лицомъ теревитъ ближайшаго слушателя за пуговицу пальто... Угрюмо слушаютъ, не умѣя еще разобраться, не рѣшаясь довѣриться рассказчицѣ, но орудійные удары категорически подтверждаютъ истинность рассказа.

Вотъ и баррикады. Торопливо снимаютъ ворота, выворачиваютъ рѣшетки, валятъ столбы. На протянутыхъ черезъ улицу веревкахъ трепещутъ красные флаги. Оставлены узкіе проходы по тротуарамъ. Всѣ пролѣзаютъ, покорно сгибаясь подъ протянутыя проволоки.

Орудійные выстрѣлы все яснѣй, и при каждомъ ударѣ тяжело вздрагиваетъ земля. Теперь уже не идутъ, а бѣгутъ *оттуда* съ растерянными, блѣдными, какъ будто помятыми, лицами.

— Куда идешь?—со злобой, прибавляя непечатную брань, кричитъ мнѣ въ самое лицо какой-то малень-



кій старичишка,—чорту въ зубы?... изъ пулеметовъ бьютъ...

— А-а... пусть... пусть натѣшатся...—съ такой же злобой кричить молодой парень, грозя по *тому* направлению кулаками,—пусть натѣшатся... пусть...—и онъ торопливо обгоняетъ меня.

Какъ роковая полоса, пустынно тянется черезъ перекрестокъ Тверская. Никого нѣтъ, но на углахъ кучки любопытныхъ—дѣти, женщины, мужики, торговцы. Вытягиваютъ шеи, выглядываютъ за уголъ и опять назадъ.

Я замедляю шагъ. Впереди, у самого угла, раздается оглушительный взрывъ. Съ дымомъ и огнемъ вѣрообразно взлетаютъ вверхъ куски чего-то чернаго. Навстрѣчу, что есть силы, бѣгутъ люди. Впереди молча несется, стиснувъ зубы, сжавъ кулаки, огромный рыжебородый мужчина, и алая полоска со лба по носу, по щекѣ теряется въ густой рыжей бородѣ. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати кричитъ нечеловѣческимъ голосомъ:

— Ай, рѣдныя мои... ай, рѣдныя!...

И долго, теряясь гдѣ-то въ концѣ улицы, доносится:

— Рѣдныя... рѣ-одныя мои!...

Бѣжить старушка съ огромными навывкатъ бѣлками:

— Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣ, исполни небо и земля!...

Изъ кучки любопытныхъ шрапнель вырвала шестнадцать человѣкъ. Часть раненыхъ разбѣжалась, часть растаскиваютъ по дворамъ, а на снѣгу неподвижно чернѣютъ четверо. Пятый стоитъ въ изумленной позѣ, потомъ постепенно валится, и, не сгибаясь, падаетъ лицомъ въ снѣгъ и такъ же лежитъ неподвижно, какъ и остальные. Возлѣ—воронкообразная яма. Кругомъ кровяныя пятна и какіе-то черныя обрывки не то одежды, не то человѣческаго тѣла.

Никого нѣтъ. Хочется заглянуть за уголъ. И страшно, и мучительно тянетъ, какъ тянетъ заглянуть въ черную бездну. Съ замираніемъ сердца дѣлаю шагъ.

— Погодите...

Я оборачиваюсь. Парень, кричавшій: „пустъ натѣшатся“, отдѣляется отъ сосѣдней калитки.

— Обождите трошки, заразы вторая вдарить.

Въ ту же секунду раздается такой же оглушительный взрывъ у противоположнаго угла. Дымъ и огонь расходящимися струями несутся кверху, съ сосѣднихъ домовъ густо сыплется штукатурка, и со звономъ летятъ изъ всѣхъ оконъ стекла.

— Теперича можно.

Чувствуя, какъ холодѣетъ затылокъ, я заглядываю. Тверская мертвенно-пустынно тянется въ обѣ стороны. Только гдѣ-то далеко въ морозной дали маленькіе, игрушечные люди маячатъ около маленькихъ игрушечныхъ пушекъ.

— Отходите.

Я отошелъ дома за два.

— Въ кого же они стрѣляютъ?

— А такъ, глупость одна.

Я гляжу на кобуру отъ револьвера, которая топорщится изъ-подъ растегнутаго пальто.

— Вы дружинникъ?

— Да.

— Какъ же такъ... мало?

— Мало, а видишь, сколько пушекъ навезли.

— Въ мирныхъ и бьютъ?

— Потому публика необразованная, зря суется... умѣй выйти, умѣй схорониться, а она лѣзетъ. За сегоднешній день эва набили ихъ, а въ нашемъ отрядѣ не раненъ еще никто.

Я пошелъ назадъ. Орудійные удары, то вздваиваясь, то порознь, стояли въ воздухѣ.

Наплывали сумерки. На площади красновато броса-

лось изъ стороны въ сторону пламя костровъ: жгли ворота домовладѣльцевъ, которые ихъ запирали. На стѣнахъ смутно бѣлѣли объявленія генераль-губернатора о штрафѣ въ три тысячи рублей, если ворота не будутъ заперты.

Уже царила ночь, темная, глухая. Ни одного фонаря, ни одного огня. Орудійные выстрѣлы смолкли. Зато тамъ, то здѣсь раздавались одиночные или цѣлыми букетами ружейные выстрѣлы. Гдѣ стрѣляютъ, кто стрѣляетъ—нельзя было сказать. И среди глухой темноты эти щелкающіе короткіе звуки впивались болѣзненно и угрожающе. Винтовочныя пули безъ прицѣла летятъ на нѣсколько верстъ и поражаютъ совершенно случайныхъ людей. Скрипѣлъ снѣгъ. На улицахъ ни души.

## II.

Съ утра обыкновенно бывало тихо, но къ часу разыгрывалась орудійная стрѣльба. Улицы какъ замерли. Зато у каждаго воротъ, у каждой калитки, на каждомъ перекресткѣ кучки народу. Передаютъ случаи расправы войскъ и полиціи, подвиговъ дружинниковъ и горячо обсуждаютъ шансы побѣды той или другой стороны въ развертывающейся кровавой драмѣ.

— И у насъ баррикады строятъ,—и испуганно и радостно говоритъ прислуга.

— Гдѣ?

— У заставы.

Съ представленіемъ революціи, возстанія, вяжется что-то необычайное, поражающее. Но когда я подходилъ къ заставѣ, все было необыкновенно просто. Съ пѣвнѣмъ, со смѣхомъ, съ шутками валили столбы, тащили ворота, доски, бревна, сани со снѣгомъ, и баррикада вырастала въ нѣсколько минутъ, вся опутанная телеграфной и телефонной проволокой. У воротъ и по тротуару толпился народъ.

— Ну, братцы, и бабы пошли на баррикады... дѣло Дубасова—дрянь... хо-хо-хо...

Всѣ весело подхватываютъ и смѣются.

Баррикады одна за одной вырастаютъ внизъ по улицѣ по направленію къ Прѣсенскому мосту. Вдругъ публика исчезла. Улица пустынно, мертво и грозно бѣлѣла снѣгомъ. Бревна, доски, столбы, перевернутыя сани, неподвижныя и беспорядочно наваленныя поперекъ улицы, придають этимъ домамъ, окнамъ, наглухо закрытымъ лавкамъ, зіяющимъ воротамъ видъ молчаливаго и напряженнаго ожиданія.

Я тоже захожу за уголъ въ переулокъ.

— Что такое?

— Казаки.

И это короткое слово разомъ освѣщаетъ и пустынную улицу и наваленныя бревна ровнымъ, немигающимъ сѣрымъ свѣтомъ, въ которомъ чувствуется: „для кого-то въ послѣдній разъ?“... Любопытные жались къ воротамъ. Молодой парень, поднявъ руку, крикнулъ:

— Первый номеръ!...

Нѣсколько человекъ съ револьверами въ рукахъ сгруппировались у ближайшей къ углу калитки.

— А вы отойдите... отойдите, пожалуйста... а то подойдутъ, вы побѣжите, паники надѣлаете,—говорилъ парень, обращаясь къ публикѣ.

— Это—дружинникъ,—передавали, отходя, шопотомъ другъ другу, и въ этомъ шопотѣ и во взглядахъ, которыми его провожали, таилось уваженіе, смѣшанное со страхомъ, и надежда на что-то большое, что сдѣлаютъ эти люди.

Я выглянулъ. Сѣрымъ развернутымъ строемъ поперекъ всей улицы шли вдаль спѣшенные казаки. Когда взошли на мостъ, ихъ сѣрый рядъ разомъ блеснулъ огнемъ, и раздалось: рррр... рррр... рррр... точно рвали громадный кусокъ сухого накрахмаленнаго ситца. По

баррикадамъ, по водосточнымъ трубамъ, по вывѣскамъ и окнамъ, а особенно по калиткамъ дворовъ, щелкая, посыпались орѣхи... Рррр... рррр... рррры-ы!... Я вбѣжалъ въ калитку переулка. Тутъ толпилось человѣкъ двадцать прохожихъ и любопытныхъ. Металась какая-то женщина.

— Ой, батюшки, да куда же я...

А ситець продолжали рвать. Въ промежуткахъ нѣжно защелкали браунинги. На противоположномъ перекресткѣ дружинникъ спокойно опустился на колѣно, прицѣлился изъ винтовки, блеснулъ огонь, и вдругъ среди стрѣлявшихъ раздались крики и радостный смѣхъ:

— Bravo... bravo... bravo!...

Ситець перестали рвать. Публика опять высыпала на улицу. Я тоже вышелъ. Вездѣ стояли кучки. Подобравъ четырехъ раненыхъ, свернувшись повзводно, сѣрѣли вдали, уходя, казаки.

Снова закипѣла работа. Баррикады росли одна за одной. Внизу улицы, возлѣ моста, выросла послѣдняя. Красный флагъ побѣдно волновался надъ нею. А вдали угрюмо и молча глядѣла на нее прѣсенская каланча.

### III.

Ночью городъ вымиралъ. Мутно бѣлѣлъ снѣгъ. Черными неясными громадами въ глухой, неподвижной тьмѣ тонули дома. Ни одного огонька. Ни одного звука. Только собаки лаяли, перекликаясь, и въ промежуткахъ стояло молчаніе. Казалось, среди ночи раскинулась большая деревня, и покоемъ и мирнымъ сномъ вѣяло надъ нею.

Половина одиннадцатаго ночи.

...Рррр...рррр...рррр...

Залпы раздраютъ ночное молчаніе и гонятъ иллюзіи...

...Рррр...

Это уже у насъ внизу, во дворѣ. Я осторожно отво-

ряю форточку. Стрѣляютъ въ воротахъ. Пули, какъ изъ рѣшета, сыплются въ заборъ, въ парадныя двери. Весь домъ какъ мертвый. Дружинниковъ тутъ нѣтъ, потому что имъ неудобно скрываться и оперировать,—дворъ, какъ мѣшокъ, съ однимъ выходомъ, и ихъ легко всѣхъ захватить. Тѣмъ не менѣе солдаты стрѣляютъ во дворъ, въ окна обывателей, чтобъ нагнать страху, чтобъ никто не показывался, и главное потому, что въ дружинниковъ стрѣлять не приходится: они неуловимы.

Выстрѣлы стихаютъ. Съ улицы доносятся говоръ и голоса. Небо понемногу багровѣетъ. Несутся искры, коробится и трещить дерево,—жгутъ баррикады.

Кто-то громко высморкался, и этотъ мирный звукъ звонко и какъ-то умиротворяюще разнесся въ морозномъ ночномъ воздухѣ, и представился солдатикъ, отирающій о полы шинели пальцы, обвѣтренное добродушно-туповатое лицо мужичка, оторваннаго отъ земли, около которой онъ и теперь бы съ наслажденіемъ ковырялся.

Зарево разгоралось. Дома угрюмо выступали, кроваво озаренные, съ мертвыми, незрячими окнами. Потомъ понемногу потухло, все стихло, солдаты ушли, и снова угрюмо царилъ мертвый, молчаливый мракъ, и лаяли собаки.

Конецъ!

Грудь давило, какъ наваленной могильной плитой. Впереди чудился кошмаръ кровавой расправы. Каково же было удивленіе утромъ, когда увидѣлъ, что это еще не конецъ: вновь возведенныя баррикады гордо красовались, и непреклонно вѣялъ красный флагъ. Въ городѣ все было подавлено, только Прѣсня, пустынная и вся связанная баррикадами, угрюмо и гордо давала послѣдній бой.

Мнѣ пришлось ворочаться изъ города, и я попалъ на Прѣсню со стороны Горбатаго моста. Надо было перейти черезъ Большую Прѣсню. Меня остановили.

— Не ходите.

— А что?

— Съ каланчи охотятся... безпрѣмѣнно подстрѣ-  
лять...

Я глянулъ. На каланчѣ дѣйствительно вырисовы-  
вались фигурки, и иногда доносился оттуда звукъ вы-  
стрѣла. Городовые и солдаты, обозленные безсиліемъ  
взять Прѣсню, охотились на обывателей. Достаточно  
было кому-нибудь показаться, какъ его клали. Пули  
обстрѣливали вдоль всю большую улицу, летали по  
дворамя, пронизывали окна.

Большая Прѣсня безлюдно тянулась въ обѣ стороны,  
но во всѣхъ переулкахъ, укрытыхъ отъ каланчи, чер-  
нѣлъ народъ. Въ эти дни невозможно было усидѣть въ  
комнатахъ. Я прислушался.

Ночью у Горбатаго моста студента арестовали, обы-  
скали,—револьверъ, потомъ дѣвушку, потомъ рабочаго.  
Офицеръ ничего не спросилъ, не узналъ, кто они, какъ  
и что, мотнулъ головой, ну и...

— Что?

— Разстрѣляли.

Стояло угрюмое и суровое молчаніе.

— Какъ же мнѣ теперь перебраться?

— А я васъ переведу.

Мальчуганъ лѣтъ десяти, шустрый и проворный, гля-  
дѣлъ на меня ясными глазенками.

— Какъ же ты?—удивился я.

— Пожалуйте.

Онъ подвелъ къ углу, отъ котораго поперекъ улицы  
тянулась баррикада.

— Ложитесь на пузо.

— Что такое?

— Безпрѣмѣнно на пузо, а то все одно подстрѣ-  
лять.

Дѣлать нечего. Мы поползли по холодному свѣгу,  
укрываясь отъ каланчи за баррикадой. На той сторонѣ,  
уже за угломъ переулка, поднялись, отряхнулись. Я

заплатилъ, и мальчуганъ весело, какъ ящерица, завиллялъ назадъ, ожидая случая еще кого-нибудь переправить, пока не уложитъ пуля караулящихъ на каланчѣ городскихыхъ.

„На Москву-рѣвку!“ ...

„На Москву-рѣвку!“ ...

Это, какъ кошмаръ, стояло въ мозгу, ни на минуту не отпуская ни днемъ, ни ночью, ни за работой, ни во снѣ. Они шли, шли трое, быть можетъ, не зная другъ друга, шли молча. И съ трехъ сторонъ шли мужички рязанской, калужской и какихъ тамъ еще губерній, положивъ ружья на плечи. И тоже шли молча.

И не надо было просить, плакать, сопротивляться, ибо было бесполезно. И была морозная мгла. По бокамъ отходили назадъ дома, черные, мертвые, нѣмые. Тамъ, внутри, можетъ быть, спали или ходили, разговаривали, ужинали, раздѣвались, раздавался дѣтскій плачь, а эти шли мимо черныхъ и мертвыхъ сваружи домовъ.

Потомъ потянулись заборы и пустыри. Потомъ была одна морозная мгла, да низко бѣлѣлъ снѣгъ. Остановились. Поставили, чтобъ было удобно. На секунду водворилось великое молчаніе. И эти трое, и мужички изъ рязанской и другихъ губерній думали. О чемъ?...

Потомъ...

Когда мужички ушли, по мутно бѣлѣвшему снѣгу чернѣли три пятна.

#### IV.

Меня разбудили тяжелые потрясающіе удары. Было темно. Я приподнялся. Дѣти спали. Няня возилась въ сосѣдней комнатѣ. Орудійная канонада разрасталась; домъ трясся. Въ промежуткахъ слышно, какъ трещали пулеметы и рассыпались ружейные залпы. Странные, скрежещущіе звуки, точно много желѣза тащили по желѣзу, тянулись въ стоящей за окномъ мглѣ, и это наводило неподвижную тоску.



Вдругъ: чѣкъ! Съ короткимъ звукомъ пуля, продыравивъ два оконныхъ стекла, впиалась въ стѣну. Штукатурка шурша посыпалась на полъ.

— Ой-ой-ой... убили, убили!... родимые!...—заголосила нянька, мечась по комнатѣ.

По голосу, какимъ она голосила, я угадалъ, что она не ранена.

— Няня, сядьте... сядьте!... не подымайтесь выше подоконника... сядьте на полъ...—старался перекричать я гуль канонады.

Я сползъ на полъ, одѣлся на полу и, увы!—по-Руссо, на четверенькахъ пробрался къ дѣтямъ. Оба мальчика тихо спали, ничего не подозрѣвая. Я стащилъ ихъ и по полу потащилъ во вторую половину квартиры, которая выходила окнами не къ стрѣляющимъ.

Маленькій сталъ отчаянно ревѣть, а старшій тревожно говорить:

— Папа, пусти меня, я самъ пойду..

— Нѣтъ, ничего,—говорилъ я, проползая въ двери,—только не подымай головы.

— Развѣ опасно?

— Нѣтъ, нѣтъ... только не подымай головы!...

Въ дальней комнатѣ собралась прислуга, хозяйева съ дѣтьми. Мы лежали, прижимаясь, на диванахъ, на стульяхъ. Здѣсь, оказывается, тоже нельзя было стать во весь ростъ: трехлинейныя пули, пробивъ двѣ дырочки въ окнѣ, пронизывали внутреннія стѣнки квартиры и впиались въ кирпичъ противоположной наружной стѣны вершка на полтора. То и дѣло слышалось: чекъ, чекъ. Осыпалась и падала штукатурка, подергивая полъ бѣлымъ налетомъ.

Стало свѣтать. Время ползло томительно-медленно. Орудія гремѣли. Женщины, уткнувшись лицомъ, плакали. Дѣтишки расширенными глазами молча глядѣли на непривычную обстановку.

— Пойдемте, посмотримъ, — проговорилъ хозяинъ, блѣдный, съ подергивающимися губами.

Нагибаясь, мы прошли въ мою комнату и, прижавшись въ уголъ, стали глядѣть наискось въ окна. Разсвѣло. Съ нашего пятого этажа улица и Прѣсенскій мостъ, съ котораго стрѣляли, видны, какъ на ладони.

— Да они разстрѣливаютъ дома!...—вскрикнулъ хозяинъ, бѣлый, какъ полотно.

Дѣйствительно, каждый разъ, какъ изъ жерла орудія, вырывалась длинная огненная полесса, въ одномъ изъ домовъ таялъ клубочекъ дыма, брызгами разлетались осколки, валились кирпичи, чернѣя зіяли бреши и мертво глядѣли провалы вмѣсто оконъ.

Подъ нашимъ поломъ раздался гулъ. Густое облако зеленоватаго дыма проплыло, относимое вѣтромъ, заслонивъ на секунду все, мимо окна. Подъ нами въ квартирѣ четвертаго этажа попала граната.

Какъ сумасшедшій, я кинулся, уже не соблюдая никакихъ предосторожностей, схватилъ мальчиковъ и бѣгомъ бросился по коридору. За мной бѣжали хозяева съ дѣтьми, прислуга. Пули то и дѣло чѣкали, и сыпалась штукатурка. Надо было сбѣжать по громадной, проходящей всѣ пять этажей, лѣстницѣ. Сквозныя окна, освѣщавшія ее, были пестры отъ пулевыхъ дырокъ. Громадные огни орудійныхъ выстрѣловъ, вспыхивавшіе на мосту, мелькали въ глазахъ. Изъ всѣхъ дверей квартиръ выскакивали полуодѣтые, трясущиеся люди и бѣжали внизъ. Дѣти, старики, женщины, мужчины— все смѣшалось въ живомъ потокѣ.

Мальчики крѣпко обвивали мою шею, и я каждую секунду ждалъ, что эти ручонки разомъ обмякнутъ, и тѣльце безжизненно обвиснетъ у меня на рукахъ. Не разбирая ступеней, бѣшено мчался внизъ, мелькая мимо безмолвно и страшно глядѣвшихъ оконъ. Последняя площадка гдѣ-то далеко терялась внизу. Ноги подкашивались, стучало въ вискахъ.

Наконецъ, выскочилъ во дворъ и облегченно вздохнулъ: дворъ былъ закрытъ зданіями и заборами. Но пришлось и отсюда бѣжать — пули шуршали, дымясь свѣжкомъ, по землѣ, по грудѣ угля, наваленнаго у забора. На обывателя охотились съ каланчи. Я вбѣжалъ, съ мальчиками на рукахъ, въ подвальное помѣщеніе.

Было темновато и сыро и пахло мышами. Смутно виднѣлись силуэты сидѣвшихъ, стоявшихъ, прохаживавшихъ людей. Звуки выстрѣловъ глухо доносились сюда. Страшная, никогда неиспытанная усталость овладѣла, руки и ноги отваливались. Я сѣлъ на какой-то ящикъ. Надо было собраться съ мыслями.

— Ня-ня!... — капризно протянулъ маленькій.

— Тсс... тсс... — испуганно прошептала какая-то женщина, бросаясь къ ребенку и зажимая ему ротъ.

Всѣ говорили шопотомъ, ходили на цыпочкахъ, какъ будто въ домѣ былъ покойникъ, и какъ будто это отъ чего-то могло спасти.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же старуха? Она или убита, или забѣжала въ подвалъ другого корпуса.

Среди шопота слышалось:

— О-о, Господи, за что наказуешь...

Такимъ же придушеннымъ шопотомъ кто-то молился въ углу, и доносилось урывками:

— Боже правый... Боже всемогущій... въ твоихъ рукахъ... избави и помилуй... отъ глада, труса и нашествія иноплемениковъ...

— Если разрушать верхніе этажи, обвалятся, и насъ тутъ раздавятъ...

Кто-то поднялся и сталъ щупать руками своды.

— Крѣпко.

— Да еще балки желѣзныя, пять домовъ выдержать.

— Да-а, выдержать!... если бъ люди строили, а то подрядчики...

— Не знали, что вы тутъ будете сидѣть, а то бы прочно выстроили.

Въ другомъ отдѣленіи чернѣла громадная печь центрального отопленія. Изъ-подъ колосниковъ дрожа ложились на земляной полъ красныя полосы. Приходили и, протягивая, грѣли руки.

На кучкѣ угля, сливаясь съ темнотой, сидѣлъ кочегаръ, угрюмый и черный. Онъ былъ изъ Тульской губерніи, ходилъ безъ мѣста, и его изъ милости пріютиль управляющій. Онъ помогаль около печки, и за это ему давали ночлегъ и кормили.

— Что, Иванъ, страшно?

— Все одно,—угрюмо слышалось изъ темноты.

— А какъ убьютъ?

— И убьютъ, не откажешься.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Насъ давно убиваютъ, не въ диковину.

— Какъ?

— А такъ. У меня въ семействѣ, oprичъ меня съ женой, было восьмеро дѣтей, а теперь—двое.

— Куда же тѣ?

— Померли... съ голоду... голодная губернія.

Опять въ темнотѣ постояло молчаніе. Дрожали красныя полосы, и выскакивали, прыгая, раскаленные добѣла угольки. Всѣ незамѣтно ушли въ другое отдѣленіе. И мнѣ вспомнилось, какъ бѣжалъ я по лѣстницѣ, прижимая ребятъ. И этотъ человекъ также прижималъ своихъ дѣтей, и у одного за другимъ разжимались у нихъ руки, и обвисало исхудалое изможденное тѣльце.

Я выпелъ, перебѣжалъ подъ пулями дворъ и сталъ подыматься по лѣстницѣ къ себѣ на квартиру: надо было достать мальчикамъ потеплѣе одежду,—въ подвалѣ было сыро.

Хрустя штукатуркой по полу въ пустыхъ комнатахъ, я прижался къ стѣнѣ и глянулъ въ окно внизъ.

Тамъ, гдѣ еще часъ тому назадъ стояли громадные

дома, полные дѣтей, женщинъ, полные труда заботъ и жизни, бушевало море огня.

Въ раскаленныхъ окнахъ, среди ослѣпительно-струящагося свѣта, безумно прыгало, металось, кроваво кивало острыми головами, хитро высовывалось и пряталось что-то неуловимо-призрачное, и дрожь мелькали, появляясь и исчезая, свѣтлыя одежды. И столько было въ этомъ необузданнаго, мелькающаго, змѣино-хитраго, что я иногда съ ужасомъ видѣлъ живыя существа. Торопливо, безумно - весело играли въ таинственно-непонятную игру, и продолжалась необузданно-дикая пляска.

Временами въ раскаленной атмосферѣ разверзались черные провалы, и оттуда глядѣли обуглившіяся балки, и змѣились перебѣгавшія искорки добѣла накаленнаго желѣза.

Это веселье и движеніе было мертво.

Огонь бушевалъ, пожирая цѣлый рядъ домовъ. На другой сторонѣ тоже горѣло. За Средней Прѣсней подымался колоссальный столбъ дыма. Дома загорались разомъ во многихъ мѣстахъ. Изъ всѣхъ оконъ, дверей необыкновенно дружно выбивался дымъ, клубясь и застилая. Десятки языковъ со всѣхъ сторонъ лизали стѣны, крышу. Слышался трескъ, шорохъ, несло дымъ и искры. За Прѣсенскимъ мостомъ море пожара. Крыши обрушивались, и уцѣлѣвшія, почернѣлыя трубы, какъ призраки разрушенія, высились среди дыма и пламени.

Было что-то громадное, что-то непередаваемое, противоестественное. Было разрушеніе города.

Я оцѣпенѣло глядѣлъ на совершающееся, какъ сухой мгновенный звукъ цоканья заставилъ вздрогнуть: пуля, пробивъ стекло, расщепляя дерево, пронизала двѣ двери, и пропала въ стѣнѣ другой квартиры. Надо было уходить. Я взглянулъ въ послѣдній разъ

внизъ и не могъ оторваться. У бушующихъ пожаромъ зданій бѣгали торопливыя фигуры.

Они прибѣгали откуда-то, молитвенно поднявъ руки вверхъ, подбѣгали къ загорающемуся дому, бросались впередъ головой, и въ клубахъ густо-валившаго изъ окна дыма воровато мелькали ноги.

Нѣсколько секундъ тянулись мучительно-медленно. Въ окнахъ молча крутился черный дымъ. Потомъ разомъ появлялась опаленная голова и вся закопченная фигура. Отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, задымленный человѣкъ, ловко вышибая ударомъ въ дно ладонью пробку изъ сотки или полубутылки и далеко запрокинувъ голову, торопливо лить дрожащей рукой въ ротъ весело колеблющуюся, кроваво искрящуюся на огнѣ водку. Горѣла казенная винная лавка.

А кругомъ рѣяли пули, гудѣлъ пожаръ, лопались стѣны, проваливались крыши.

## V.

Въ подвалѣ попрежнему стоялъ гнетущій шопоть. Пробравшаяся сюда няня рассказывала дѣтямъ сказки.

— Вотъ сѣрый волкъ и говоритъ Ивану-царевичу: Иванъ-царевичъ, садись ты на меня, понесу я тебя черезъ луга и лѣса, черезъ горы и дубравы, черезъ моря и рѣки...

Дѣтскіе глазенки широко глядятъ на морщинистое лицо.

— Няня, ты чего плачешь?

— Боже мой, неужели мы не выберемся отсюда, — шопотомъ, полнымъ слезъ и отчаянія, говоритъ больная, неподвижно лежа на кровати.

— Не волнуйся, дорогая... тебѣ такъ вредно волноваться, — говоритъ, наклоняясь у изголовья, братъ.

— Вредно волноваться, — горько усмѣхается она.

Глухо доносятся теперь гдѣ-то дальше выстрѣлы передвинутыхъ орудій.

— А сѣрый волкъ откинулъ полѣно и пустился скокомъ...

— Что такое полѣно?—звенить тоненькій голосокъ.

— Тише. Это волчій хвостъ.

Никто ничего не вѣлъ. Дѣтей поять холоднымъ чаемъ.

— Нѣтъ, это невозможно. Надо же отсюда выбраться.

— Да вотъ подите и узнайте.

— Куда же я пойду, стрѣляютъ... подите вы.

— Я бы пошелъ, да вѣдь... дѣти. Что они будутъ дѣлать вдругъ... понимаете...

— Я бы тоже пошелъ, мать у меня... въ Тулѣ... единственный кормилецъ...

— Надо дворника. Яковъ!

— Чего изволите?

— Сходи, узнай, можно намъ отсюда выбраться.

Всѣ дружно накидываются на дворника:

— Вѣдь это же невозможно...

— Не сидѣть же намъ тутъ, пока разстрѣляютъ или сожгутъ...

— Чортъ знаетъ, что такое... надо же мѣры принимать... чего же ты ждешь?...

Дворникъ уходитъ.

— А я вотъ что скажу,—слышится глухой ровный голосъ,—я вотъ что скажу, пожаръ подбирается и къ намъ...

— Ахъ, оставьте, оставьте, пожалуйста... терпѣть не могу, когда начинаютъ...

— Какой тамъ пожаръ?... куда подбирается?... за десять верстъ отъ насъ...

— Слава тебѣ, Господи, нашъ домъ громадный, кирпичный и стоитъ отдѣльно...

— Вы—вѣчно!...

Его ненавидятъ. А онъ, помолчавъ, такъ же ровно и глухо говоритъ:

— Отдѣльно!... а вѣдь заборы-то тянутся къ нашему.

А возлѣ забора у насъ, сами знаете, какая громада угля... загорится, косяки, двери, полы начнутъ горѣть... а то кирпичный!.. ну, а тогда не выскочишь, ходъ-то одинъ, мимо угля, а полѣземъ въ окна въ переулокъ, въ первую голову разстрѣляютъ, сами понимаете...

Всѣ понимаютъ, онъ говоритъ правду, но его продолжаютъ ненавидѣть, отворачиваются, перестаютъ говорить.

Входитъ человекъ въ картузѣ и фартукѣ.

— Вы кто такой?

— Приказчикъ изъ мелочной лавки.

— А-а, это которая говорить... Отъ гранаты загорѣлась?

— Отъ гранаты!—злбно говоритъ приказчикъ,— отъ гранаты бы не загорѣлась. Ни одинъ домъ отъ гранаты не загорѣлся. Послѣ стрѣльбы, когда весь кварталъ очистили отъ дружинниковъ, пришли солдаты. Ну, мы обрадовались, значить, успокоилось все. Входитъ офицеръ и говоритъ: „уходите всѣ изъ дому“. Мы ротъ раскрыли.—„Уходите сейчасъ, жечь будемъ“. Стали просить. „Некогда намъ дожидаться, сейчасъ же уходите“. Насилу хозяинъ на колѣняхъ умолилъ, четыре ящика товару позволили взять. Солдаты сейчасъ же облили керосиномъ и зажгли въ пяти мѣстахъ. А сколько квартирентовъ, биткомъ, и у всѣхъ имущество.

Что-то слѣпое, холодное и липкое заползало, постепенно наполняя подвалъ... Точно чудовище съ громаднымъ, мокрымъ, тяжелымъ брюхомъ улеглось и бессмысленно глядѣло на насъ невидящими очами, глядѣло безуміемъ жестокости.

— А сейчасъ подожгли домъ съ угла возлѣ васъ, видятъ вѣтеръ въ ту сторону, ну и подожгли, чтобъ весь порядокъ...

— А-а!!...

У всѣхъ разомъ охрипли голоса.



— Господа... сію минуту... надо завѣсить... вѣдь генераль-губернаторъ... и тише... Ради Бога, тише...

И окна завѣсили, и всѣ ходили на цыпочкахъ, и опять говорили шопотомъ. Стало совѣтъ темно, только на потолокъ, пробиваясь сквозь щель окна, ложилось отраженіе зарева. И эта кровавая полоса то разгоралась, то блѣднѣла, и всѣ съ замираніемъ слѣдили за ней.

— Да гдѣ же дворникъ?... Боже мой, гдѣ же дворникъ?...—разносился истерическій шопоть.

— Яковъ, что же ты пропаль? что жъ ты не узнаешь, когда намъ можно отсюда выбратъся?

— Да, узнаешь, подите да узнайте. Я вонъ вынулъся, а солдатъ мнѣ отмахнулъ. Я говорю: дозвольте объяснить, а онъ, какъ ахнетъ, такъ уголь у воротъ и скололъ.

Тихій, покладистый и услужливый Яковъ сейчасъ говорить, держитъ себя свободно и независимо: онъ уже не дворникъ, онъ теперь ровня всѣмъ, кто тутъ есть, ибо подвергается одинаковой опасности сгорѣть заживо или быть разстрѣляну.

Ночь или день—трудно различить; должно быть, ночь, и полоса на потолокъ становится кровавѣе.

— Да мнѣ одно ведро!...—звонко и дерзко нарушая, какъ искра, темноту, напряжение и оцѣпенѣлость, раздается среди подавленности, тишины и мертваго шопота мальчишескій голосъ.

— Тссс!... тише!...—шипятъ всѣ, выскакивая и машутъ руками,—тише... ради Создателя, тише!...

Мальчуганъ лѣтъ одиннадцати, краснощекій, съ круглымъ лицомъ, скаля веселые бѣлые зубы, ловко подставляетъ подъ край ведро, и струя, пѣнясь, наполняетъ шумомъ угрюмое помѣщеніе.

Его обступаютъ.

— Да ты откуда?

— А вѣ, наискосокъ, изъ бѣлаго дома...

— Значить, по улицѣ ходить можно?

— Съ превеликимъ удовольствіемъ... куда угодно.

Разомъ распадается давившая тяжесть, чудовище исчезаетъ. Всѣ шумно, на перебой говорятъ, торопливо и радостно.

— Ну, вотъ я же вамъ говорилъ: не звѣри же они. Съ какой стати они будутъ жечь и разстрѣливать больныхъ, дѣтей, женщинъ... людей совершенно ни къ чему не причастныхъ.

— Слава тебѣ, Господи... слава тебѣ, Царю и Создателю... — безумно-радостно крестится, приподнявшись на локтѣ, больная, поднявъ глаза къ потолку.

Слышатся счастливыя всхлипыванія.

— Дѣти, одѣвайтесь!

— Иванъ Ивановичъ, куда вы мои калоши дѣли?

— Значить, не стрѣляютъ?

— Стрѣляютъ!—весело бросаетъ мальчишка, заворачиваетъ кранъ, и мгновенно наступаетъ мучительная давящая тишина,—двоихъ заразъ подстрѣлили... лупятъ и по переулку, и по улицѣ, и изъ зоологическаго.

— Какъ же... какъ же ты?

— Да хозяинъ кричитъ: чайку хочца, сбѣгай, кричитъ, Ванька, принеси ведро... у насъ водопроводу-ти нѣту, водовозы боятся, не ѣздютъ... а хозяинъ-ти съ хозяйкой въ погребу сидятъ, со страху рябиновку тянутъ, какъ пуговочки... — мальчишка заразительно хохочетъ, подхватываетъ ведро и исчезаетъ.

Снова давящая тишина, снова шопотъ, снова покойникъ въ домѣ. Ребята бѣгаютъ между наваленнымъ хламомъ, ссорятся, плачутъ, смѣются, визжатъ, и взрослые, останавливая, поминутно шипятъ на нихъ.

## VI.

— А пожаръ-то больше,—слышится спокойный, ровный, глухой голосъ.

— Да вы откуда знаете?!—злбно и съ ненавистью накидываются на него.

— А вонъ!

И всѣ поднимаютъ глаза къ кровавой полоскѣ на потолокъ. Она яркая. Потомъ понемногу тускнѣть, тускнѣть. И всѣ жадно тянутся къ ней воспаленнымъ, горячечнымъ взоромъ.

— Ну, вотъ видите, тухнетъ.

— Боже мой, неужели же!

— Дѣточки... дорогіе мои... родные мои... вы спасены...

Всѣ поднимаются, и всѣ, даже дѣти, глядятъ въ одно мѣсто на потолокъ.

— Да это дымомъ заволкло,—угрюмо слышится все тотъ же спокойный, глухой голосъ.

— А-а оставьте!... каркаетъ ворона на свою голову...

Но на потолокъ становится опять свѣтлѣе, и кровавая полоса, мигая и шевелясь, равнодушно смотритъ, какъ приговоръ.

Всѣ опускаютъ головы. Что-то чудовищное по своей нелѣпости охватываетъ душу. Иногда кажется, все—сонъ, и хочется проснуться. Я гляжу въ полъ и прячу преступную мысль: всѣ сгорятъ, а я останусь съ дѣтьми цѣль. И я торопливо и безпокойно бѣгаю воображеніемъ по двору, заглядываю въ сарай, за заборы; ищу маленькой дырки, въ которую бы можно пролѣзть. Взять дѣтей и проползти на животъ черезъ зоологическій садъ, но тамъ особенно усердно разстрѣливаютъ и разстрѣляли сегодня служителя, который шелъ кормить звѣрей. Съ другой стороны колышется пожаръ. По переулку свистятъ пули, выхода нѣтъ.

Я съ усиліемъ дышу стѣсненной грудью. Подымаю голову, встрѣчаюсь съ злбно сверкающими глазами и въ нихъ ловлю ту же прячущуюся мысль: всѣ сгорятъ, а онъ одинъ останется.

— Гм!.. дымкомъ отдаетъ...

И хотя его ненавидятъ, ненавидятъ его глухой голосъ, но не возражаютъ, и въ горлѣ у всѣхъ щеко-четь горечью, а глаза ѣсть. Дыма на самомъ дѣлѣ нѣтъ, такъ какъ вѣтеръ пока клонить его въ другую сторону, но всѣ чувствуютъ его.

Кровавая полоса разгорается. Глухо отдается выстрѣлъ: кого-то еще?.. А тѣ, кого прикалываютъ штыками?... ткнуть въ сердце, другого, третьяго по-порядку, — спокойно и безъ хлопотъ.

Ночь безконечна.

— Который часъ?

— Должно быть, около трехъ.

— Боже мой, еще четыре часа муки!...

Я достаю часы, гляжу, протираю глаза, опять гляжу.

— *Восемь часовъ!*

— Не можетъ быть... не можетъ быть!..—шелестомъ ужаса проносится,—ваши стоять...

И изъ всѣхъ кармановъ лѣзутъ часы.

— Восемь...

— Безъ пяти восемь...

— Десять девятого... — подавленно слышится со всѣхъ сторонъ, и всѣ прикладываютъ часы къ уху.

И тогда всѣ замолкаютъ и сидятъ неподвижно, какъ каменные. Дѣти въ разнообразныхъ положеніяхъ и въ разныхъ мѣстахъ спать.

Всѣ молчатъ, но подвалъ полонъ странныхъ, шепчущихъ звуковъ, шороха, безпокойнаго и трепетнаго, тревожнаго потрескиванія. Разгорающійся пожаръ ведетъ свой собственный разговоръ, и шипѣніе, трескъ дерева, звуки осыпающихся кирпичей воровски вползаютъ, приглушенные, придавленные тяжелыми сводами, толстыми стѣнами, наполняя глухую темноту тревожнымъ ропотомъ отчаянія и тоски.

Слышатся чьи-то всхлипыванія, подавляемые рыданія. Больше, больше. Вырываются неудержимо, за-

полняютъ подвалъ, подавляя стоящій въ немъ порохъ и шопотъ. Молодая женщина упала на колѣни, спрятала лицо въ ладони, рыдаетъ.

— Зачѣмъ!.. зачѣмъ обманъ?!.. любовь, счастье... но если это для того, чтобъ на твоихъ глазахъ погибли дѣти, не надо, не хочу... не надо счастья... не надо обмана... не хочу!..

Рыданія неудержимо бьютъ ее. Всѣ молчатъ. Ни у кого не находится слова утѣшенія. Каждому мучительно жалко самого себя. Грозно рдѣетъ кровавый потолокъ.

А время остановилось, остановилась ночь, остановилась мысль, только тѣсный кругъ однихъ и тѣхъ же ощущеній устало давить душу.

## VII.

— Они пришли!.. они пришли!!...—изступленно несетя истерическій крикъ.

Всѣ вскакиваютъ съ изуродованными страхомъ лицами, готовые на самое худшее.

— Кто?!... солдаты?.. артиллерія?.. разстрѣль?..

— Они пришли... они пришли...

— Да кто?.. кто?..

Ее злобно трясутъ за плечи, а она бьется въ судорожной истерикѣ...

— Кто же? кто? говорите!...

— Они... пожарные...

— Тушатъ пожаръ?!..

— Нѣтъ... разбираютъ заборы, которые тянутся къ намъ... насъ не хотятъ жечь...

Всеобщая истерика заполняетъ подвалъ. Женщины на колѣняхъ ползутъ въ уголь, гдѣ, по предположеніямъ, икона, крестятся, хохочутъ, обнимаютъ другъ друга, цѣлуютъ дѣтей. Проснувшіяся, перепуганныя дѣти отчаянно ревутъ. Я выскакиваю въ кочегарку.

Печь почти потухла. Иванъ полудремлетъ, присол-

нившись къ углю—для него все равно. Публика понемногу успокаивается. Всѣ ходять съ радостными, улыбающимися лицами, пожимають руки, говорятъ громко. Всѣмъ жалко другъ друга, всѣ любятъ другъ друга. Ночь быстро проходитъ. Уже десять... Половина одиннадцатаго...

Хочется спать, и чувствуешь, какъ сладко, какъ крѣпко заснулъ бы, но негдѣ прилечь: все занято. Дѣтишки понемногу утомонились. Красная полоса рдѣетъ на потолокъ, но на нее никто не обращаетъ вниманія.

— А знаете ли, — слышится глухой голосъ, — я бы убрался по-добру, по-здорову, по крайней мѣрѣ воспользовался бы мирнымъ настроеніемъ и вывелъ бы женщинъ и дѣтей... Вѣрнѣе было бы...

Но ему прощаютъ, даже и его теперъ любятъ.

— Зачѣмъ же, — говорятъ ему мягко и въ этой мягкости слышится: „что съ васъ возьмешь? законъ вамъ не писанъ“, — разъ приняли мѣры противъ угрожавшаго намъ пожара, значитъ, находятъ, что въ домѣ сидитъ ни въ чемъ неповинный народъ.

Неодолимая усталость охватываетъ. Я ставлю локти на колѣни, кладу голову на руки и отдаюсь полудремотѣ. Иногда мнѣ хочется расхохотаться: до того нелѣпо и бессмысленно наше положеніе.

Потомъ мнѣ начинаетъ сниться, безсвязно и запутанно, и я борюсь со сномъ и сновидѣніями, съ усиліями подымая брови, открываю вѣки, и они опять отяжелѣвшія, незамѣтно падаютъ. И все кажется краснымъ, и въ этой густой, приторной краснотѣ отражаются мохнатыя человѣческія лица, слышится кровавый шопотъ разгорающагося пожара, и солдаты трудятся, стараясь всадить въ меня штыки, и штыки заворачиваются о мое тѣло, солдаты торопливо ихъ распрямляютъ и опять всаживаютъ, и я кричу имъ: „скорѣй... скорѣй!“...

И кто-то кричитъ надъ моимъ ухомъ: „скорѣй... скорѣй!“... — и трясетъ меня за плечи. Я открываю глаза: красный потолокъ, въ красноватой полумглѣ головы, руки, ноги, какъ будто оторванныя и лежащія въ безпорядкѣ, и опять закрываю. Но опять трясутъ, я поднимаюсь.

Стоить дворникъ. Лицо тревожное.

— Солдаты... страсть, ихъ сколько... въ окна въ сторожку заглядываютъ... сказываютъ, заразъ разстрѣливать домъ будутъ...

Разбросанныя въ безпорядкѣ руки, ноги, головы шевелятся, отовсюду поднимаются люди съ заспанно-испуганными лицами.

— Что?...

— Кто говорить?..

— Откуда?..

— Уже два часа... а все думаю—я сплю...

— Боже мой, какая долгая, какая мучительная ночь!..

— Да не можетъ быть, за что будутъ разстрѣливать?... заборъ же разобрали...

— За что?.. а за что разстрѣливали цѣлый день?

— Надо кого-нибудь послать...

Всѣ глаза обращаются на обладателя спокойнаго глухого голоса. Онъ подымается и уходитъ. Потомъ приходитъ черезъ минуту.

— Тамъ не солдаты, а звѣри, я думалъ меня посадятъ на штыки...

— Требуйте, чтобы отвели къ офицеру.

Опять уходитъ. Ждемъ. Проходитъ двадцать минутъ, полчаса... Томительное ожиданіе разрастается въ беспокойство. Поминутно лазаютъ за часами.

— Нѣтъ его!..

Прислушиваются къ малѣйшему скрипу, но звука шаговъ нѣтъ. Одна и та же страшная мысль проползаетъ въ мозгу: „убить“...

— Его убили...—слышу я шелестъ надъ своимъ ухомъ,—не говорите только вслухъ...

— Не говорите только вслухъ,—шепчуть всё другъ другу.

И каждый ревниво слѣдитъ въ кровавой полумглѣ, чтобы не прочитали въ его глазахъ страшной мысли. Больше всего боятся ужаса паники, когда роковое слово будетъ произнесено.

Вотъ шаги. Всѣ съ секунду напряженно вслушиваются. Можетъ быть, солдаты? *Онъ.*

Бросаются.

— Что?...

— Сказаль?...

— Будуть?...

Онъ ровно говоритъ такимъ же спокойнымъ, глухимъ голосомъ:

— Вывели со двора. Все время штыки на меня. По переулку все освѣщено пожаромъ, ни души... Куда же вы ведете? „Иди“... Мнѣ стало казаться, приколять гдѣ-нибудь у забора. Однимъ больше, однимъ меньше... Сколько такихъ труповъ валяется по Москвѣ. Вывели на улицу. Свѣтло, какъ днемъ. Стоитъ офицеръ. Лица я у него не видалъ, нѣту лица, одни усы, холеные, громадные, смотрять къ бровямъ. Излагаю ему: дѣти, женщины, больные... Онъ стоитъ ко мнѣ спиной. Потомъ небрежно цѣдитъ сквозь зубы: „если завѣсятъ окна, если никто не будетъ подходить къ нимъ, никто не выйдетъ изъ дому, и если... *со стороны дома и двора не раздастся ни одного выстрѣла, мы... не будемъ разстрѣливать*“.

Въ домѣ снова покойникъ. Всѣ расходятся по мѣстамъ. У всѣхъ окостенѣвшія отъ напряженія лица. Отблескъ пожара играетъ, шевелясь и трепетно озаряя, но въ широко и напряженно открытыхъ глазахъ стоитъ глухая тьма. Шорохъ и ропотъ пожара попрежнему придавленно, суетливо и тревожно шепчутся, но въ



ушахъ этихъ страшно прислушивающихся людей—могильная тишина,—одного ждуть, одно жадно ловить: глухой и слабый звукъ рокового выстрѣла, который съ секунды на секунду раздастся тамъ, за стѣной.

Я съ тоской гляжу на ребятъ и ищу глазами мѣсто, куда бы ихъ положить, если начнутъ стрѣлать въ окна. Но тутъ нѣтъ безопаснаго уголка: мостовая въ уровень съ окнами, и пули усядутъ все пространство. Теперь выгоднѣе было бы подняться въ верхній этажъ но показаться въ дверяхъ—быть разстрѣляннымъ. Мнѣ опять хочется расхохотаться. Я не гляжу на часы прислоняюсь и засыпаю крѣпкимъ, безъ сновидѣній чернымъ сномъ.

— ... сидить, сидить за угломъ, гдѣ заборъ сходится съ нашимъ домомъ... тамъ удобно *ему*, не видно...

Этотъ зловѣщій шопотъ входитъ въ мои уши и раскаленными каплями просачивается въ мозгъ. И на меня смотрятъ хитро-злые глаза, подъ хитро-поднятыми бровями, и голое, морщинистое лицо, все перекошенное хитрой и злобной улыбкой.

— ... и онъ ждетъ только, чтобъ помучить насъ.... онъ наслаждается нашими лицами, нашей мукой ожиданія...

— Да зачѣмъ ему?

— ... а! ... хи-хи-хи, какъ же зачѣмъ?... весь черный, обугленный... все сгорѣло: столы, кровати, платье, дѣти, жена... и онъ не можетъ смотрѣть равнодушно на нашихъ дѣтей... гнѣздится тамъ... и...

И въ мои глаза близко-близко впиваются злорадно-сверкающіе зрачки подъ косо-поднятыми бровями и заглядываетъ голое, морщинистое, перекошенное лицо.

— ... и *выстрѣлитъ* два раза въ воздухъ!...

Я стряхиваю теребящіе меня за плечи крючковатые, костлявые пальцы.

„Настанетъ день, и все кончится, и все будетъ по-прежнему, но останется безуміе“...

Никогда не встрѣчалъ я съ такимъ ужасомъ счастья брезжушій день, какъ теперъ. Я вскочилъ и торопливо одѣлъ дѣтей.

— Ну, что, можно уходить?—съ замираніемъ спросилъ я, прислушиваясь къ одиночнымъ выстрѣламъ.

— Конечно, ручаться нельзя...—говоритъ дворникъ,—руки только кверху, и заразъ надо... никакъ опять начинаютъ...

Я схватываю за руки мальчиковъ и выскакиваю изъ подвала. Видъ обугленного пожарища и разрушенія поражаетъ.

Прокаленный морозъ перехватываетъ дыханіе. Маленькій зѣваетъ, какъ вытащенная рыба, задыхаясь и выпучивъ глазенки, и изо всѣхъ силъ бѣжитъ рядомъ, торопливо сѣменя ножками.

— Папа,—говоритъ старшій, испуганно озираясь, и также бѣжитъ рысцой возлѣ меня,—въ насъ выстрѣлятъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... только скорѣй... скорѣй, дѣтки... скорѣй... скорѣй, пожалуйста!...

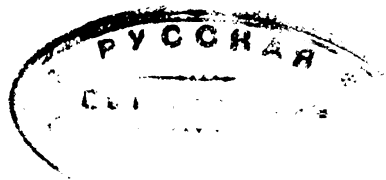
Въ заборъ сухо плюхаетъ шальная пуля. Я каждую секунду жду сзади залпа. Раздражающе звонко хруститъ снѣгъ.

— Скорѣе... скорѣе до угла... до угла скорѣе!...

Осталось пятнадцать... десять... пять шаговъ... мы добѣжали, мы заворачиваемъ, мы... спасены!...

Москва.

8—18-го декабря 1905 г.



А. ЛУКЪЯНОВЪ.

# СЛѢПЦЫ И БЕЗУМЦЫ...



Слѣпцы и безумцы! Насильемъ владѣя,  
Людей вы хотите въ крови утопить,  
Но ярко, какъ солнце, сіяетъ идея —

И ей суждено побѣдить!

Слѣпцы и безумцы! За ней миллионы  
Возставшихъ изъ мрака горящихъ сердець..  
Не радуйтесь, слыша предсмертные стоны,  
Не радуйтесь, видя кровавый вѣнецъ!  
Не скрыть вамъ мертвящаго, жуткаго страха,  
Проникшаго въ души, какъ холодъ могиль,—  
Страшна палачамъ обагренная плаха:  
Тамъ головы пали, но духъ побѣдилъ!  
Слѣпцы и безумцы! Копайте могилы,  
Копайте глубокія ямы себѣ,  
Въ крови зарождаются мстящія силы,  
Онѣ поразятъ васъ въ послѣдней борьбѣ!  
Что міру вы дали: и смерть, и насилье,  
Жестокое, черное рабство вѣковъ,  
И вамъ недоступны могучія крылья  
Великой идеи — творенья рабовъ!  
Слѣпцы и безумцы! Вамъ темя сжимаетъ  
Позорной побѣды кровавый вѣнецъ,  
И васъ, побѣдителей, въ бездну толкаетъ  
Живой и мертвецъ!

27

ЛУИДЖИ МЕРКАНТИНИ.

**ГИМНЪ ГАРИБАЛЬДІЙЦЕВЪ.**

СЪ ИТАЛІЯНСКАГО.

Переводъ А. Қолтоновекаго.

*Примѣчаніе.* Этотъ популярнѣйшій изъ итальянскихъ политическихъ гимновъ, извѣстный въ самыхъ захудалыхъ и глухихъ деревушкахъ Италіи, написанъ по просьбѣ Гарибальди для его добровольцевъ поэтомъ-патріотомъ Лунджи Меркантини. Сначала онъ состоялъ только изъ первыхъ 8 строфъ, написанныхъ въ концѣ декабря 1858 года (тогда же гимнъ положенъ на музыку Алессіо Оливьери). Остальныя 4 строфы Меркантини прибавилъ въ 1860 году. Исторія происхожденія гимна рассказана въ „Rassegna“, отъ 12 іюня 1882 года.

А. К.



Раскрылись могилы, и мертвые встали—  
Всѣ братья, что въ мукахъ за родину пали:  
Съ мечами въ рукахъ, въ ореолѣ лавровомъ  
И съ огненнымъ словомъ:  
„Отчизна“—въ сердцахъ.

Впередъ! Развернитесь, ряды молодые!  
Впередъ! Загremите, dospѣхи стальные!  
Впередъ! Развѣвайся, побѣдное знамя!  
Италіи пламя—  
Въ сердцахъ и въ очахъ!

Уйди, чужеземецъ!  
Дни ига прошли!  
Уйди, чужеземецъ,  
Изъ нашей земли!

\*

Страна мандолины, цвѣтовъ, пѣснопѣвнѣй  
 Пусть будетъ, какъ прежде, страною сраженіи!  
 Ей руки тяжелая цѣпь изъязвила,  
 Но есть еще сила—  
 Ту цѣпь разорвать!

Ярмо не къ лицу ей, наслѣдницѣ Рима,  
 И вражья нагайка свиститъ уже мимо!  
 Италія больше тирановъ не хочетъ!  
 Гнѣвъ долго клокочетъ,—  
 Довольно молчать!

Уйди, чужеземецъ!  
 Дни ига прошли!  
 Уйди, чужеземецъ,  
 Изъ нашей земли!

\* \*  
 \*

Ты занялъ жилища въ чужомъ тебѣ краѣ;  
 Оставь ихъ,—твои тебя ждуть на Дунаѣ!  
 Ты нивы намъ топчешь, ты хлѣбъ расхищаешь,  
 Дѣтей отнимаешь...  
 Оставь—не дадимъ!

Два моря и Альпы—вотъ наши границы:  
 Мы огненнымъ вихремъ своей колесницы  
 Прорвемъ Апеннины,—и, сбивши чужое,  
 Мы знамя родное  
 Вездѣ водрузимъ!

Уйди, чужеземецъ!  
 Дни ига прошли!  
 Уйди, чужеземецъ,  
 Изъ нашей земли!

\* \*  
 \*

Готовые къ бою, мы словъ не проронимъ,  
Но, прямо ударивъ, врага мы прогонимъ,—  
Лишь станеть Италия мыслью одною,  
Одною мечтою  
Для всѣхъ навсегда...

Но мало побѣды надъ вражескимъ строемъ:  
Мы хищникамъ двери въ отчизну закроемъ!  
И всѣ въ ней народы въ единый сольются,  
Въ единый сомкнутся  
Союзъ—города!..

Уйди, чужеземецъ!  
Дни ига прошли!  
Уйди, чужеземецъ,  
Изъ нашей земли!

\* \*  
\* \*

И если границъ нашихъ недругъ коснется,—  
На кличъ: „Гарибальди“ страна всколыхнется...  
Мигъ—тысячи встали, отъ края до края,  
Душою пылая,  
Оружьемъ звеня!

За гвардіей красной—сомкнулась пѣхота...  
Взвились вымпела итальянскаго флота...  
И тамъ, гдѣ оставилъ слѣдъ крови воитель,  
Король-Побѣдитель  
Пришпорилъ коня...

Уйди, чужеземецъ!  
Дни ига прошли!  
Уйди, чужеземецъ,  
Изъ нашей земли!

\* \*  
\* \*

Конецъ твоей спѣси!.. Итали волей—  
Король ея имя несетъ въ Капитолій;  
Владычицѣ, тронъ свой вернувшей изъ плѣна,  
И Темза, и Сена  
Привѣтствія шлютъ...

Довольная царствомъ до горъ-великановъ,  
Она угрожаетъ лишь власти тирановъ:  
Гдѣ сдавать свободу ихъ цѣпи и сѣти,—  
Туда ея дѣти  
Съ оружьемъ пойдутъ!

Уйди, чужеземецъ!  
Дни ига прошли!  
Уйди, чужеземецъ,  
Изъ нашей земли!

СКИТАЛЕЦЪ.

О Г А Р К И.

ТИПЫ РУССКОЙ БОГЕМЫ.

*Посвящается друзьямъ юности моей,  
Владимиру Александровичу Альбрехтъ  
и Алексъю Андреевичу Тиханину.*

*Скиталецъ.*

## Скиталець. Огарки.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

*Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, Ив. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:*

*Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;  
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren  
J. Ladyschnikow“.*

## I.

Это было въ холерный годъ на Волгѣ. Лѣто стояло сухое, удушливо-знойное. Волга обмелѣла, похудѣла, обнажила отмели и желтыя косы свои, а Жигулевскіе лѣса все время горѣли отъ засухи. Въ горячемъ безоблачномъ небѣ стояла какая-то странная оранжевая мгла, и зловѣщее солнце свѣтило сквозь нее краснымъ шаромъ, словно раскаленное желѣзо. А ночью весь далекій хребетъ лѣсистыхъ горъ за Волгой освѣщался тихимъ спокойнымъ заревомъ пожаровъ, и было что-то жуткое въ ихъ неугасающемъ свѣтѣ, въ ихъ медленности, постоянствѣ и блѣдномъ, скромномъ спокойствіи.

Весь городъ обнимала непривычная, многозначительная тишина. Этотъ прежде шумный, безалаберный городъ, гдѣ всегда на улицахъ было много пьяныхъ, а полудикое мѣстное населеніе оглашало воздухъ визгомъ гармоникъ, бранью и воинственными криками уличной драки—этотъ типично-волжскій городъ вдругъ притихъ, отрезвѣлъ и задумался.

Трактиры пустовали, не слышно стало музыки, ругани и пѣсенъ, на улицахъ и на пристани замерло движеніе. Пассажирскіе пароходы попрежнему совершали свои рейсы, но все чаще и чаще подходили къ пристани съ желтымъ флагомъ, означавшимъ, что на пароходѣ не все благополучно, что на немъ ѣдетъ

страшная гостья, чье имя всѣ, какъ бы по уговору, избѣгали произносить.

А „она“ давно уже работала въ городѣ. Работала усердно, правильно, переходя изъ дома въ домъ, нажавшись въ одномъ кварталѣ, оставляла его въ покоѣ и переходила въ сосѣдній, свѣжій, пиновала тамъ и неуклонно шла впередъ, отъ одного края города къ другому.

И въ томъ кварталѣ города, гдѣ появлялась она на недѣлю, каждый день и каждую ночь слышался вой и плачь по умершимъ, а изъ домовъ выносили гробы. Были такіе дома, въ которыхъ никого уже не оставалось въ живыхъ, и они стояли тихіе, опустошенные, съ раскрытыми дверями и окнами.

Каждый день по дорогѣ на холерное кладбище нѣсколько разъ проѣзжали длинныя огромныя дроги, запряженныя парой лошадей и нагруженныя, какъ дровами, цѣлымъ возомъ черныхъ гробовъ, а на верху этого воза сидѣлъ возница—плюгавый мужичонко въ рваномъ полушубкѣ, крутилъ вожжами въ воздухѣ и погонялъ своихъ клячъ. Этотъ Харонъ былъ всегда немножко выпивши, добродушно улыбался и, давно уже привыкнувъ къ своему дѣлу, кощунственно мурлыкалъ безпечную пѣсню.

А по городу ходили невнятные, глухіе, но чудовищные слухи о воскресающихъ мертвецахъ, о заживопохороненныхъ, о докторсахъ, пускающихъ заразу, о бунтѣ и убійствахъ, о висѣлицахъ и повѣшенныхъ людяхъ.

На столбахъ и заборахъ города бѣлѣли длинныя афиши, а на нихъ большими черными буквами что-то кому-то приказывалось, опять упоминалось о бунтѣ, о черни, и стояла странно-откровенная угроза „вѣшать“.

Казалось, что весь воздухъ былъ насыщенъ опасностью и смертью.

И всѣ жили подѣ страхомъ этой смерти.



Люди, за минуту предъ тѣмъ здоровые, падали прямо на улицѣ, на дорогѣ и умирали, извиваясь винтомъ въ мучительныхъ судорогахъ.

Чья-то невидимая отомщающая рука безжалостно истребляла людей. И они не знали, когда и откуда будетъ нанесенъ невидимый ударъ, чувствовали свою беззащитность и трепетали.

Полупьяный возница мертвыхъ, казавшійся всѣмъ отвратительнымъ сновидѣніемъ, каждый день проѣзжалъ по городу, сидя на верху своего страшнаго воза, крутилъ вожжами въ воздухѣ, торопливо погонялъ лошадей, гнусаво, скверно пѣлъ и смѣялся...

А „она“ шла и жрала людей..

Солнце зловѣщимъ краснымъ шаромъ свѣтило сквозь оранжевый дымный туманъ.

Ночью блѣдно и ровно пылали далекіе лѣсные пожары, создавая странное, таинственное освѣщеніе.

Въ городѣ было неестественно тихо и жутко...

Въ немъ пировала холера.

Въ это время весело поживали на свѣтѣ „огарки“. Такъ ихъ прозвали въ городѣ, и въ словѣ этомъ заключалось брезгливое пренебреженіе, но они не обижались, даже любили свое прозвище, и оно пристало къ нимъ.

Ихъ было цѣлое братство: Илья Толстый, выгнанный изъ всѣхъ русскихъ университетовъ, его ближайшій товарищъ Сашка, тоже выгнанный изъ Петровской Академіи, нѣкто Новгородецъ, родомъ изъ Великаго Новгорода, человекъ, служившій писцомъ во всѣхъ министерствахъ, пѣвчій Сѣверовостоковъ, выгнанный изъ шестого класса духовной семинаріи съ единицей поведенія, слесарь Михельсонъ, сосланный на Волгу изъ Петербурга за политическую неблагонадежность, и австрійскій дезертиръ Пискра, бравшійся за всякое дѣло и дѣлавшій его всегда одинаково скверно.

Къ нимъ каждый день приходилъ еще кузнецъ, по прозванію Сокѳль, появлялся и жилъ иногда бродячіи недоучившіи художникъ Савоська, бывалъ сотрудникъ мѣстной газеты Небезызвѣстный, машинистъ Митяга и другіе. Разъ въ мѣсяцъ прїѣзжалъ кутить съ ними купеческій сынокъ Гаврила.

Жили они въ подвальномъ этажѣ большого дома, стоявшаго на горѣ надъ Волгой, при самомъ спускѣ къ рѣкѣ, на хлѣбахъ у Павлихи. Сама Павлиха помещалась въ кухнѣ съ двумя дочерьми, а огарки занимали двѣ комнаты, изъ которыхъ одна была большая, длинная, а другая, смежная съ ней, поменьше. Потолокъ этой квартиры былъ сводчатый, окна маленькія, прорѣзанныя высоко, почти подъ потолкомъ—въ ней царилъ таинственный мрачный полусвѣтъ и почти всегда стоялъ дружный, забористый хохотъ веселой компаніи.

Неумолкалъ этотъ хохотъ и во время холеры: въ растворенныя окна огарческаго подземелья почти цѣлый день выносились на улицу раскаты здорovenнаго смѣха, звуки струвъ и пѣніе веселыхъ пѣсень, а иногда, какъ громъ, раскатывался необыкновенной силы басъ, и тогда случайные прохожіе шарахались въ сторону, крестились, отплевывались и, дѣлая крюкъ, подозрительно переходили на другую сторону улицы: это пѣвчій Сѣверовостоковъ прочищаль свое необъятное горло.

---

...Огарки сидѣли подъ мрачными сводами Павлихинаго подземелья за простымъ некрашенымъ столомъ въ непринужденныхъ позахъ и непрерывно ржали гогочущимъ смѣхомъ. Толстый, какъ всегда, что-то рассказывалъ.

Павлиха, пожилая, съ морщинистымъ добрымъ лицомъ, одѣтая по-деревенски, стояла у печки и тоже смѣялась вмѣстѣ со всѣми.

Разказы Толстаго слушали кузнецъ Сокдль, Новгородецъ и Пискра.

Кузнецъ былъ въ синей рабочей блузѣ, смуглый, съ коротко-подстриженной черной бородой, черными глазами, съ густыми черными волосами. Весь черный—онъ смахивалъ на цыгана. Облокотясь на столъ большими загорѣлыми руками, Сокдль грубо хохоталъ, и ровные бѣлые зубы его сверкали.

Новгородецъ—тщедушный, блѣдный, тонконогий и тонкорукій—типичный разночинецъ—былъ тоже въ синей блузѣ, подпоясанной ремнемъ отъ чемодана, но блуза не шла къ его нервному лицу съ клинышкомъ рыжей, прямой бороды. Голова его, остриженная наголо, поражала несоразмѣрной величиной.

Онъ запрокидывалъ эту необыкновенную голову назадъ и, потрясая бородой, хохоталъ рѣзкимъ смѣхомъ.

У Пискры было большое, крупное лицо съ громаднымъ носомъ, съ густыми и широкими рыжими усами, съ твердо-очерченными, выдающимися впередъ, бритымъ подбородкомъ—настоящее австрійское лицо, невыразительное, но упрямое, узко-энергичное... Многое, вѣроятно, пережилъ австрійскій дезертиръ въ Россіи, прежде чѣмъ попалъ въ компанію огарковъ. Онъ смѣялся сдержанно, плохо понимая соль русскаго языка.

Передъ всей этой компаніей расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ Илья Толстый—импозантная фигура.

Онъ былъ очень большого роста, широкой, полный, бѣлый—великолѣпный экземпляръ славянскаго племени на сѣверѣ. Молодое, прекрасное лицо его, гладко выбритое, какъ у актера, выражало гордость, смѣлость и юморъ. Голубые глаза искрились весельемъ и влекли къ себѣ. Красивая большая голова его была гладко выбрита, какъ у турка или запорожца, и на широкой просторной черепъ туго натянута мягкая

красная феска, съ густой длинной кистью. Костюмъ его состоялъ изъ бѣлой ночной рубашки, заправленной въ широчайшіе малороссійскіе штаны табачнаго цвѣта. На босыхъ ногахъ шлепали опорки отъ сапогъ. Въ рукѣ дымилась трубка съ полуаршиннымъ черешневымъ чубукомъ.

Огарки ржали...

— ...Сами виноваты!—смѣясь, говорила Павлиха:— рази можно полицейскихъ бить?

Толстый повернулся къ ней, ловко расшаркался и галантно произнесъ пріятнымъ теноромъ:

— Достохвальная Прасковъ Пална! увѣряю васъ, мы ихъ не били! мы только загнули имъ сак-са-у-ла!

— Хо-хо-хо!—грязнули огарки.

— Правда, передъ тѣмъ мы порѣзвились немножко въ пивной у Капитошки...

— Хо-хо-хо!

— Устроили на лужайкѣ дѣтскій крикъ...

— Хо-хо-хо!

— Выпили—средне!..

— Хо-хо-хо!

— Въ головѣ у насъ былъ медвѣдь...

— Хо-хо-хо!

— Ну, и попали въ префектуру!

— Хо-хо-хо!

Компанія покатывалась со смѣху надъ каждымъ изъ его словечекъ.

— Да ужъ я знаю васъ!—возразила старуха:— у васъ все средне!..

— А околотчнаго мы, дѣйствительно, оскорбили!..

— Чѣмъ?

— Да я ему сказалъ: Юдой бы тебя, гнусная личность, нарисовать на картинѣ Страшнаго Суда!

— Хо хо-хо!

— А когда мировой въ оскорбленіи околотчнаго виновными насъ не призналъ, я обернулся къ свидѣ-

телямъ—полицейскимъ и сказалъ: „что? взяли? лже-сви-дѣ-тели!“

— Хо-хо-хо!

— Началось-то все съ того, что схватились мы по части выпивки съ какими-то интендантскими чиновниками. Перевѣдались. Выпили средне. Сашка-то съ чиновникомъ побратались и шинелями помѣнялись: тотъ надѣлъ его студенческую, а этотъ интендантскую и пошли съ гармоникой. Боролись еще они на поясахъ,—такъ Сашка какъ былъ подпоясанъ поверхъ шинели полотенцемъ, такъ и остался. А въ префектурѣ долго не могли установить его личность: „кто такой?“—Студентъ Академіи. Смотрятъ: фуражка студенческая, шинель интендантская, морда арестантская, подпоясанъ полотенцемъ и гармонія въ рукахъ!

— Хо-хо-хо-хо!

— На сколько присудили, Илюша, въ кутузку-то?—сердобольно спросила Павлиха.

Толстый выразилъ на своемъ подвижномъ лицѣ трагизмъ и принялъ театральную позу.

— На двое сутокъ, мать! на двое сутокъ за нарушение общественной тишины-съ! завтра обоихъ насъ поведутъ въ префектуру!

— Хо-хо-хо!

— Ахъ вы несчастные!—причитала старуха, качая головой:—прямые огарки!

За дверями на лѣстницѣ ухарски рывкнула въ чьихъ-то умѣлыхъ рукахъ хорошая „саратовская“ гармонія, и на порогѣ показалась фигура въ казинетовомъ „пеньжакѣ“, сапогахъ бутылкой, въ ситцевой рубахѣ, выпущенной изъ-подъ жилета, и старой выцвѣтшей студенческой фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ. Молодое улыбающееся лицо его, съ густыми бѣлыми усами и эспаньолкой подъ нижней губой, было полно того веселаго задора, какой бываетъ у загулявшихъ мастеровыхъ.

Фигура, пошатываясь, ввалилась, оглушительно растянула мѣхи гармоніи и запѣла:

Дри-та, дри-та, дри-та, дри-та...  
 Попѣ любилъ архимавдрита...

— Саянка! не безобразь!—крикнула на него старуха.  
 Огарки смѣялись.

Саянка шумно сомкнулъ гармонію, поставилъ ее у порога и, ударивъ себя въ грудь, сорвалъ съ головы фуражку, склонилъ голову и воскликнулъ, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Мать! осужденъ! прости!

Онъ совсѣмъ не былъ пьянъ, но куражился.

Его лицо, костюмъ и манеры—все обличало въ немъ плебейское воспитаніе, и почти ничто не говорило о студентѣ, кромѣ развѣ умныхъ глазъ, которые какъ бы смѣялись надъ нимъ самимъ, надъ его ломаньемъ и куражемъ, но куражу этому онъ отдавался все-таки съ видимымъ удовольствіемъ.

Онъ повернулся къ товарищамъ, и озорной взглядъ его почему-то упалъ на Новгородца.

— Эй, Новгородецъ!—возопилъ Сашка, оперевъ руки въ бока:—толстоголовый чортъ! такали-такали, да Новгородъ-то и протакали, дьяволы! А?

Новгородецъ обидѣлся.

— Не трогай Новгородъ-то!—„верховымъ“ тотокающимъ говоромъ возразилъ онъ, вскочивъ и ударивъ по столу костлявой рукой:—оставь Новгородъ-то въ покоѣ, горчица ты самарская-то, лѣзешь-то въ глаза-то!

— Ну, затотокалъ!—смѣясь, гудѣли огарки.

Толстый ласково посмотрѣлъ на Новгородца и нѣжнымъ голосомъ, выразительно, съ разстановкой поддразнилъ:

— Ин-дю-чекъ! не хорохорься!

„Индючекъ“ отвѣтилъ замѣчательно мѣткимъ, злымъ ругательствомъ, что вызвало всеобщій огарческій хохотъ и вполне удовлетворило Новгородца. Онъ разсмѣялся и успокоился.

— Ну, съ нами Богъ и святая Софія!—воскликнулъ Толстый:—такъ кричали новгородцы, когда спросонья, пьяные, въ однѣхъ рубашкахъ и безъ штановъ бросались въ бой. Мы же сядемъ въ префектуру, но знамя свое будемъ держать твердо! Павлиха! Благослови!

Толстый и Сашка встали въ рядъ передъ Павлихой и, отирая притворныя слезы, повторяли:

— Прощай, родимая!

— Не поминай насъ лихомъ!

— Богъ простить!—смѣясь отвѣчала Павлиха.

— Карты намъ дай! картами снабди насъ: по носамъ въ префектурѣ дуться будемъ.

Огарки хохотали.

— Завтра, какъ проснемся—въ префектуру!

— Сначала въ пивную!—поправлялъ Сашка Толстаго.

— И откуда ты это, Саша, нынче такой веселый?—смѣялась Павлиха.

Сашка присѣлъ къ столу на скрипѣвшій стулъ базарной работы, развалился и, закуривая „собачью ногу“, отвѣтилъ:

— Заработалъ. Сегодня экзамены въ реальномъ по математикѣ. Ну, значить, ученики-то мои, купеческіе сынки, вострепетали: „помози!“—а я имъ: „давь сюды по пятнадцати ликовъ съ рыла, три лика другу-сторожу, а пива безъ обозначенія, сколько выпьемъ!“

Огарки смѣялись.

— Ну, они было торговаться. Я осерчалъ: „не умѣете учиться, такъ умѣйте хоть платить! Коли дорого—не надо!“ Заплатили. И вотъ засѣлъ я, значить, на углу, въ пивной у Капитошки, противъ реальнаго, пью со сторожемъ пиво и рѣшаю задачи, въ реальномъ экзамены идутъ, а сторожь въ родѣ какъ беспроволочный телеграфъ!

— Хо-хо-хо!—заржали огарки, заржалъ и Сашка вмѣстѣ съ ними и, чтобы ржать безобразнѣе, нарочно

сдѣлалъ губы трубой. Потомъ выхватилъ горсть серебра и вновь закуражился, со звономъ разсыпавъ по столу серебряные „лики“, какъ называлъ онъ рубли.

— Да-ка, да-ка сюды деньги-то!—вступилась Павлиха, подбирая со стола монеты:—чево шевыряешься? самъ, чай, знаешь, что всю недѣлю на одной картошкѣ сидимъ, голодаемъ!

— Хо-хо-хо-хо!—грянули голодающіе.

Сашка сгребъ оставшіяся на столѣ деньги въ пригоршни и высыпалъ ихъ всѣ въ передникъ хозяйки. Она, прихрамывая, поплелась въ кухню.

— Ну, теперъ у меня вы хоть лобъ расшибите—на водку ни грошика не дамъ!—крикнула она съ порога.

— Хо-хо-хо!—гремѣли огарки.

— Гнусная старушонка!—замѣтилъ Толстый:—деньги копить и въ чулокъ кладезь,—одинъ чулокъ ужъ полонъ, теперъ въ другой начала!..

Гнусная старушонка разсмѣялась и возразила изъ передней:

— Накопишь съ вами! пуще всего! только деньги отдадутъ, какъ и начну-уть пятіалтынный просить! тьфу!

— Хо-хо-хо!

— Вотъ разсержусь, да брошу васъ всѣхъ!

— Хо-хо-хо! гдѣ тебѣ бросить! не бросишь! гдѣ ужъ!

— А ежели брошу, какъ тогда станете безъ меня жить-то? пропадете!

— Пропадемъ! хо-хо-хо!

— Что мнѣ отъ васъ?—продолжала, разсердясь, Павлиха:—одно мученье! а я бы у сына могла на покоѣ жить! почему же это я васъ не брошу?

— Жалко тебѣ насъ, потому и не бросишь! хо-хо-хо!

Павлиха плюнула и ушла.

Огарки долго смѣялись.

— Прижалъ ты бѣгатыхъ - то учениковъ!—сказалъ



Сашкѣ Пискра, на каждомъ словѣ ошибаясь въ удареніяхъ.

— А то какъ же?—удивился Сашка:—такъ и надо: ихъ, богатыхъ-то, при случаѣ очень даже не вредно за жабры взять! они насъ-то, вѣдь, и не такъ еще жмутъ! жмутъ рабочаго, конторщика, служащаго, того же репетитора, всѣхъ! чего же мы-то будемъ съ ними церемониться? Нажмемъ ему на брюшко, чтобы сокъ далъ! очень просто!

— Хо-хо-хо!

— Да еще какъ просто-то, сокдлъ!—внезапно заговорилъ кузнецъ и всталъ изъ-за стола, сверкая черными глазами: — тутъ вражда ведется съ дѣтства, въ крови она! моя мать была кухарка, а потомъ была кормилицей... Братишку Ванюшку кормить изъ-за нужды не стала, а выкармливала своею грудью одного богатого щенка... Вотъ я и хаживалъ въ этотъ домъ на кухню. Одинъ разъ даже на елку допущенъ былъ, то-есть такъ—постоять у двери и посмотреть на радость богатыхъ дѣтей... Съ тѣхъ поръ, бывало, какъ встрѣчу котораго-нибудь изъ нихъ на улицѣ—такъ и кинусь лупить... Д-дамъ ему рвачку, а мнѣ, конечно, за это дома порка, а послѣ порки я еще того злѣе луплю ихъ, да такъ и пошло потомъ... на всю жизнь...

— Вотъ она еще откуда антипатія-то ведется!—тонкимъ голосомъ ядовито протянулъ Новгородецъ.

— Классовая борьба!—изрекъ Толстый, расхаживая вдоль всей комнаты и раскуривая длинную трубку.

— Борьба?—возразилъ кузнецъ:—мой отецъ былъ всему городу извѣстный борецъ и кулачный боецъ, никто его не могъ побѣдить — такой былъ сокдлъ, а богатые слопали! да и я—слава тебѣ Господи... ежели бы въ настоящей борьбѣ... по совѣсти... одинъ-на-одинъ... безъ подлости... а такъ... значить...

Кузнецъ не нашелъ слова и только вытянулъ могу-

чую черную ручищу съ громаднымъ, похожимъ на молоть, кулакомъ.

— Въ честной дракъ!—подсказаль ему Толстый.

Всѣ сочувственно засмѣялись. Кузнецъ благодушно улыбулся и, махнувъ рукой, сѣлъ къ столу.

— Эхъ, соколъ!—сказаль онъ со вадохомъ.

— Въ честной-то, дракъ-то? мы-то? ого!—воинственно воскликнулъ Новгородецъ, потрясая костлявой безсильной рукой.

— Ну, опять затотокаль?—возразили товарищи.—А кто протокаль Великій Новгородъ?

Новгородецъ опять пришелъ въ ярость:

— Вы Новгородъ-то не тово... что тамъ Новгородъ? зачѣмъ вамъ Новгородъ?

Толстый ласково посмотрѣлъ на Новгородца и опять затынулъ нѣжнымъ голосомъ:

— Ин-дю-чекъ...

Сашка ударилъ по столу кулакомъ и крикнулъ:

— Эхъ, кабы вся суть была въ дракъ, такъ мы бы первыми людьми стали! Въ прошлый разъ вышло у насъ побоище съ калашниками... я былъ за сапожниковъ... на другой день попадается мнѣ на улицѣ чья-то рожа съ во-о какимъ синячищемъ! я какъ взглянулъ на синякъ, такъ сразу и вижу: нашъ ударъ!

— Хо-хо-хо!

Въ это время на порогѣ уже стоялъ рабочій въ распоясанной промасленной блузѣ, запыленный, съ грязными руками, худой, лѣтъ тридцати, съ продолговатой козлиной бородой и холодными сѣрыми глазами.

— Подайте кто-нибудь умыться!—устало сказаль онъ пріятнымъ, чистымъ теноромъ.

Изъ угла всталъ Пискра и тутъ же за порогомъ сталъ изъ ковша лить ему воду на руки.

Это былъ Михельсонъ, только что возвратившійся съ завода.

— Эхъ, ты, жисть—потихонечку ложись! еще тише умирай, а не хочешь—удирай!—пѣвуче говорилъ онъ, плескаясь надъ лоханью.

Неизвѣстно, почему онъ звался Михельсономъ,—все въ немъ было русское: мягкія черты лица, прямая козлиная борода, пѣвучій выговоръ и остроумная рѣчь, пересыпанная русскими поговорками.

Скоро онъ вошелъ въ чистой „сарпинковой“ рубахѣ, подпоясанный, умытый и причесанный.

— Ну, и усталъ же!—сказалъ онъ нараспѣвъ:—по субботамъ страсть какъ тяжело работать! Ждешь не дождешься воскресенья, чтобы порѣзвиться хоть!.. А тамъ опять каждый день молотомъ стучать отъ семи утра до семи вечера! всю поясницу разломило! выпить-ба! — впалъ онъ сразу въ жалобный тонъ, завидѣвъ въ глубинѣ дверей Павлиху:—по случаю холеры! а то, вѣдь, забережь, проклятущая! Нашъ братъ мастеровой-голубчикъ — что паровой огурчикъ: день цвѣтеть—недѣлю вянетъ!

— Никогда не повѣрю, чтобы меня холера забрала!—рыкнулъ кузнецъ, вытягивая руку и сжимая кулакъ.

— А съ завода нынче увезли одного!—заявилъ Михельсонъ.

— Главное—не пужно измѣнять образа жизни!..—убѣжденно воскликнулъ Сашка:—кто пилъ, тотъ такъ ужъ и пей, не бросай!

Огарки вздохнули.

Въ комнату, ковыляя, ввернулась Павлиха. Сашка совершенно неожиданно заключилъ ее въ объятія.

— Да ну тебя!—серdito отбивалась Павлиха.

Она вырвалась и торопливо заковыляла въ кухню.

Но тутъ подвернулся Михельсонъ и загородилъ ей дорогу.

— Ахъ ты, хромоѣ ты нашъ велосипедъ!—воскликнулъ онъ, лѣстиво улыбаясь ей, и взялъ ее за талию.

Старуха вырвалась, но попала прямо въ широкія, могучія объятія Толстаго.

— Другъ ты нашъ сладкій!—заговорилъ онъ воркующимъ голосомъ, низко наклоняясь къ ея морщинистому, добродушному лицу: — кабы ты знала, какъ мы любимъ тебя! ну вотъ, лопни моя утроба, не видать мнѣ ночью солнца, а днемъ мѣсяца, коли мы тебѣ къ именинамъ новое платье не сошьемъ! а какъ намъ еще извѣстно, что за тебя, честную вдову, лавочникъ сватается, то мы и подвѣчное тебѣ...

— Не умасливай!—перебила Павлиха и не выдержала—разсмѣялась:—не дамъ ни копейки!

Но Толстый еще ниже наклонился и началъ что-то убѣдительно шептать ей на ухо. До слушателей долетѣло слово „чулокъ“.

Легенда о „чулкѣ“ опять разсмѣшила Павлиху.

— Накопишь съ вами! отвяжись ты отъ меня, окаянный, деймонъ ты искуситель!—говорила она, сдаваясь.

— Дай пятіалтынный!—энергично шепталъ ей искуситель.

— У меня мелкихъ нѣтъ!

— Ничего! мы—раз-мѣ-няемъ!

— Знаю я, какъ вы размѣняете!—совсѣмъ уже смягчилась Павлиха, вытаскивая изъ кармана большой кожаный кошель и сребролюбиво роаясь въ немъ.

Огарки окружили ее, жадно заглядывая въ Павлихины богатства.

— Я тебѣ пѣсенку спою!—пообѣщаль кто-то.

— Слыхала я ваши пѣсенки! Эхъ вы, пьяницы, пьяницы!—укоризненно качая головой и отдавая пятіалтынный, говорила она:—нѣтъ вамъ ни дна, ни покрышки!

— А ты давай, давай!—сразу перемѣнили тонъ огарки:—нечего раздобарывать! небось и самой-то, старой хавжѣ, выпить хочется! такъ только, для виду

ломается, старая корга! А? Можете себѣ представить, что она дѣлала, когда сынъ ее ханжей назвалъ? Она думала, что это богохульство, плакала, грозила проклясть Андрюшку родительскимъ проклятіемъ навѣки нерушимо, ходила къ попу спрашивать, что такое значить слово „ханжа!“ А?

— Гнусная старушонка!—неблагодарно отозвался Толстый, передавая пятялтынный Новгородцу и сдѣлавъ ему глазами какой-то знакъ.

Новгородецъ шмыгнулъ въ дверь съ пустой бутылкой подъ мышкой.

— Ну, больше не просите!—заявила съ порога Павлиха:—въ послѣдній разъ дала!

И, удаляясь въ кухню, бормотала:

— И что это я живу съ такими дураками? Уйду, право-слово уйду! вотъ только бы сынъ пріѣхаль! ужъ мое-то слово—олово!

— Слышали мы это!—безпечно смѣялись огарки:—знаемъ! никуда ты не уйдешь!

Черезъ нѣсколько минутъ Павлиха стала собирать ужинъ. Она накрыла столъ грубой скатертью, подала хлѣбъ, деревянныя ложки, поставила тарелки.

— Хоть бы поужинали скорѣе!—говорила она:—все, можетъ быть, вина-то меньше выпьютъ.

Новгородецъ мигомъ принесъ бутылку сивухи самаго низшаго сорта, налитой прямо изъ бочки.

Огарки сѣли ужинать. Смеркалось. Въ подземельи стало совсѣмъ темно. Павлиха внесла и поставила на столъ жестяную лампу.

Въ центрѣ стола сидѣлъ Толстый. Онъ уже снялъ феску и сидѣлъ между огарковъ огромный, съ голымъ широкимъ черепомъ, красивый и сосредоточенный.

— Пи-искра! — сказалъ онъ среди общаго молчанія какимъ-то особеннымъ, тонкимъ голосомъ, словно подчеркивая что-то въ этомъ словѣ.— Писк-ра!... готовъ плюмъ-пуддингъ!...

Пискра молча и покорно, такъ какъ приготовленіе „плюмъ-пуддинга“ было его обязанностью, началъ рѣзать въ тарелку тонкими ломтиками свѣжіе огурцы... Нарѣзавъ, полилъ уксусомъ, обильно посыпалъ солью, посыпалъ перцемъ, пустилъ еще ложку горчицы и, приготовивъ забористый салатъ, поставилъ на столъ для закуски.

Толстый дрожащей отъ нетерпѣнія рукой налилъ водки въ старую свинцовую чарку и, пробормотавъ: „за земледѣліе и промышленность“, выпилъ первый, передалъ чарку сосѣду и аппетитно закусилъ „плюмъ-пуддингомъ“.

Чарка пошла въ круговую.

Пили молча, съ нетерпѣніемъ ожидая очереди, и только вполголоса переговаривались:

— Не задерживай! люди ждуть!

— По душѣ-то какъ будто съ образами прошли!—сказалъ Толстый, прислушиваясь къ ощущеніямъ желудка.

— Какъ Христосъ босикомъ прошелъ!—поддержалъ его Михельсонъ.

— Не задерживай!

— Ворсинки-то въ желудкѣ отъ радости и руками и ногами машутъ!—подѣлился своими ощущеніями Сашка.

Свинчатка совершила два круга.

— Хороша бываетъ настойка на апельсиновыхъ коркахъ!—мечтательно изрекъ Толстый.

— А ты пилъ?

— Пилъ.

— Ну и что же?

— Все равно что въ апельсиновой рошѣ сидишь и пьешь!

— Не задерживай!...

Павлиха принесла огромную глиняную миску щей. Застучали ложки.

Толстый разстегнул воротъ рубахи, засучилъ рукава... Видъ пищи волновалъ его.

Онъ ѣлъ вдохновенно, увлекательно, съ какимъ-то сладострастіемъ, однимъ своимъ энергичнымъ видомъ возбуждая у всѣхъ аппетитъ, заставляя поспѣвать за собой.

Но поспѣть было трудно.

Руки его дрожали отъ волненія, глаза возбужденно свергали, на щекахъ заигралъ румянецъ.

Ложка эгоистично ловила ему весь жиръ съ поверхности щей, обижая остальныхъ огарковъ.

Онъ ѣлъ...

Свинчатка безостановочно ходила вкруговую. Огарки дружно работали ложками и, любуясь Толстымъ, посмѣивались надъ нимъ.

— На поправку пошелъ, шельменокъ!

— Инда за ушами ужжить!

— Розовый какой!

— Амуръ!

— И рубашечка на брюшкѣ вадернуласть!

Павлиха подала жаркое съ картофелемъ. Толстый молча положилъ себѣ мяса и картофеля на тарелку „конусомъ“.

— Ну, и аппетитъ же у тебя, Илюшка!—неволью изумился кто-то.

— Средній,—отвѣчалъ онъ скромно.

Кузнецъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, любовно опустилъ на его широкую спину пудовый ударъ смуглаго кулака.

Толстый не обратилъ вниманія.

Онъ ѣлъ.

Всѣ огарки любовались его аппетитомъ, цвѣтуцимъ здоровьемъ и красотой.

— Дѣтина!

— Женщины больно любятъ его! даже Павлиха и та все норовить ему лакомый кусочекъ подсунуть!

— Что новаго на заводѣ?—спросилъ кузнецъ Михельсона.

— Ставили мы нынче гидравлическій прессъ!...— не спѣша отвѣчалъ Михельсонъ, онъ говорилъ— словно пѣлъ:—машина! на заводѣ—тѣснота; хоть бы и еще такое зданіе по количеству машинъ! наладили „тали“—это чѣмъ поднимають тяжести—начали набивать ихъ. Только я обернулся зачѣмъ-то, гляжу—идеть хояинъ: такой сытый, тѣло жирное, бѣлое, рассыпчатое, волосы ежикомъ, лобъ—ат-ле-та, а на брѣухѣ золотая цѣпь—хоть коня приковывай, на пальцахъ перстни, визитка—словно влитая, только фалды, какъ у щедринаскаго героя, отъ умиленья сзоди раздвигаются, видъ—важный, какъ есть индюкъ! А у насъ идетъ работа: цѣпи у „талей“ похрустываютъ, десятидюймовый ремень, какъ старикъ кряхтитъ, металлы блестятъ, прессъ медленно, но вѣрно идетъ въ свое мѣсто. Я покрикиваю: „набивай, молодчики! набивай, родимые! скоро онъ, голубчикъ, начнетъ денежки выжимать! хо-зя-ину! хар-ро-ше-му! да д-доброму!“

— Хо-хо-хо!—прорвало огарковъ.

— Вдругъ—онъ ко мнѣ; поблѣднѣлъ, пыхтитъ, глаза круглые, злые: „т...ты, говорить, вотъ что... тово... попридержи языкъ-то... надо дѣло дѣлать, да поскорѣя, а то больно долго возитесь! мнѣ убытокъ!“ У меня—заклокотало. Однако сдержалъ себя и вѣжливо спрашиваю: „вы—что? Иванушка-дурачекъ что ли?“ „То-есть, какъ это?“ Глаза вытаращилъ. „Да такъ, говорю, вѣдь это ему можно было: „по щучьему велѣнью, по моему хотѣнью—прессъ! встань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ а онъ бы вамъ—бухъ! въ родѣ какъ въ ножки—и готово!“

— Хо-хо-хо!



— А впрочемъ, говорю, если вы можете скорѣе сдѣлать—такъ извольте—честь и мѣсто! работайте сами!—расшаркался передъ нимъ, при этомъ что было въ рукахъ изъ инструментовъ—бросилъ, рабочихъ остано-вилъ.—Встали мои ребята.

— Здорово!

— Откуда ни возьмись—механикъ: „вы что стоите? пожалуйста продолжайте! время дорого! я васъ прошу...“

— Да мы, молъ, ничево, а это вонъ ихъ степенство недовольны...

Механикъ сейчасъ къ нему:

— Вы ко мнѣ? пожалуйста въ контору!—подхватилъ его таково нѣжненько подъ ручку и увелъ...

— Смикитилъ!

— Не песь, а смыслить!

— Еще бы! а въ конторѣ, говорятъ, вышелъ у нихъ такой разговоръ: „да они у васъ разбойники, нельзя слова сказать,—всякое лыко въ строку! вѣдь я—хозяинъ!“—А механикъ юлитъ: „вы, Николай Михалычъ, не разговаривайте съ ними, вы ко мнѣ обращайтесь, я вамъ все объясню!“—А тотъ: „не надо мнѣ вашего объясненія! я—хозяинъ! могу я распоряжаться, али нѣтъ?“

— Конечно, конечно, только вы ихъ не знаете...

— Знаю! рвань! голь! туда же съ гоноромъ! вчера думалъ ихъ поощрить: „братцы, говорю, постарайтесь!“ А они окрысились, кричатъ: „попробуй самъ! какіе мы тебѣ братцы? Сѣрый волкъ тебѣ братецъ!“ Сволочи! Это, чай, все больше зачинщики дѣйствуютъ, смутьяны, Михельсонъ да тотъ, черный-то—какъ его? Соколъ, что ли? И прозвище-то разбойничье!

— Не знаю,—отвѣчаетъ механикъ,—который изъ нихъ лучше: два сапога пара и оба на лѣвую ногу!

— Хо-хо-хо!

— Опять попрутъ васъ, голубчиковъ!

— Попрутъ!

— Я въ степь уйду!—съ дикимъ видомъ воскликнулъ кузнецъ:—на молотилку! тамъ воля, просторъ!...

— Послѣ этой передраги, — продолжалъ Михельсонъ, — потянуло меня на воздухъ. Вышелъ я изъ завода на Волгу и не могъ не залюбоваться; представьте: надъ Жигулями облако въ тонъ имъ, раза въ четыре выше горъ, не разберешь ихъ соприкосновенія... слышу, кто-то говорить: „эхъ, какъ Жигули-то выросли!“ А наверху бѣлое облачко, какъ будто снѣгъ на вершинѣ, освѣщается все это заходящимъ солнцемъ сквозь розовую дымку тумана, Волга-то тихо течетъ, не шелхнется и совсѣмъ розовая! прелесть! а на нашемъ берегу мотаются, какъ мятники, пять паръ пыльщиковъ...

— Это ужъ диссонансъ!—вставилъ Толстый.

— И представилось мнѣ, братцы, — воодушевляясь, продолжалъ Михельсонъ, — будто мы всеи нашей фракціей сидимъ за Волгой на лонѣ природы, глаза у всѣхъ горятъ, всѣ на седьмомъ взводѣ и оремъ пѣсни. И происходитъ у насъ этакое удивительно пріятное для всѣхъ насъ пьянство!...

— Въ самый бы смакъ теперь Гаврилъ съ икрой прѣхать! — мучительно вырвалось у Сашки: — брюшко тлѣ пощекотать бы!

— Хо-хо-хо!

— Подоить бы!—подхватилъ Толстый:—чтобы сокъ дала тля!

— Икорки бы надавить!

— Пермешковъ-ба!—мечтали со всѣхъ сторонъ:—пивца-ба!... вишнепочки-ба!...

— Рожна бы вамъ горячаго!—пожелала Павлиха, проходя мимо и унося пустыя тарелки.

— Вѣдьма!—отпарировалъ Толстый.

Въ минуту общаго смѣха на порогѣ подземелья появился высокій и узкій, похожій на фабричную трубу, дѣтина въ длинномъ лѣтнемъ пальто, надѣтомъ поверхъ синей блузы. Лицо у него было маленькое, съ жидкими безцвѣтными усами и съ глубоко сидящими въ орбитахъ, угрюмыми и вмѣстѣ добродушными глазами, смотрѣвшими изъ-подъ низкаго, узкаго лба.

— Вы всегда все только ржете!—укоризненно, резерскимъ тономъ заговорилъ онъ, вертя въ огромныхъ закоптѣлыхъ рукахъ новый суконный картузь на красной подкладкѣ.

— А-а! Митяга!—шумно загудѣли огарки:—балда царя небеснаго! не хочешь ли выпить съ нами?

Митяга съ нескрываемой брезгливостью сѣлъ на стулъ поодаль отъ огарковъ и, поматывая картузомъ, смотрѣлъ на нихъ угрюмо, враждебно и раздраженно.

— Я не пью!—сказалъ онъ, какъ бы огрызаясь:—да и вамъ бы не велѣлъ! пить—безнравственно и некультурно! а вѣдь вы, если бы захотѣли, могли бы сдѣлаться сознательными личностями... Могли бы даже быть приняты интеллигенціей...

— Балда!—кратко, но увѣсисто вымолвилъ Толстый.

— Арясина!—подхватили другіе:—лошадь! телеграфный столбъ!

Митяга смотрѣлъ на нихъ угрюмо, съ ненавистью.

— А вы не ругайтесь!—возразилъ онъ добродушно и мрачно:—вѣдь я правду вамъ говорю: ничево вы путнаго не дѣлаете! Только у васъ и занятія, что—хо-хо-хо! да го-го-го! На языкъ вы мастера, а на повѣрку-то какой отъ васъ толкъ? охальничанье да пьянство—больше ничего! стыдно! Гаврилу, напимѣръ, опиваете! Развѣ порядочные люди такъ дѣлаютъ?

Въ глубинѣ души огаркамъ было, дѣйствительно, немножко стыдно за отсутствіе у нихъ настоящаго, достойнаго ихъ, дѣла и вастоящей жизни, было больно и

обидно за что-то, но тѣмъ громче они смѣялись надъ Митягой.

— Молчи, ты!..—презрительно крикнулъ на него Толстый:—вавилонскій кухарь! Что смыслишь ты въ жизни и судьбахъ огарческихъ? Какъ смѣешь являться къ намъ съ твоею пошлою мѣщанской моралью? Жалкій сплетникъ, ты играешь гнусную роль соглядатая и парламентаря между нами и опереточными генералами интеллигенціи! Мы порвали съ ними. Мы, можетъ быть, что-нибудь сдѣлаемъ и безъ нихъ! Мы—выдѣлились въ самостоятельную огарческую фракцію! Мы сами—люди бывалые! Я выгнанъ изъ всѣхъ университетовъ!—гордо закричалъ Толстый...—Я вездѣ держалъ высоко знамя, всегда былъ въ первыхъ рядахъ! попалъ сюда послѣ разгрома Дерптскаго университета! Михельсонъ былъ высланъ на Волгу по этапу, и его привезли въ кандалахъ, изъѣденнаго вшами! Мы явились съ волчьими паспортами, безъ копейки денегъ, безъ знакомыхъ въ чужомъ дикомъ городѣ! Кто пришелъ къ намъ на помощь? Никто не пришелъ, кромѣ Павлихи! Интеллигенція насъ не приняла. Интеллигенція насъ оскорбила и оскорбляетъ. Они подвергли насъ остракизму за то, что мы не захотѣли ей повиноваться, и все-таки въ случаѣ надобности пользуются нами. Они тамъ всѣ только словоизверженіемъ занимаются, а нелегальныхъ личностей—у насъ укрываютъ? безработныхъ—къ намъ присылаютъ? а доступъ къ рабочимъ кто имъ даетъ, какъ не огарки? Мы, конечно, гусиной шеи не дѣлаемъ, мы сидимъ здѣсь, какъ греки подъ березой, но, вѣдь, на то мы и огарки, а вотъ имъ-то какое дѣло до насъ? зачѣмъ они присылаютъ тебя подглядывать за нами? руководители! кто изъ этихъ болтуновъ дѣлаетъ хоть что-нибудь дѣйствительно важное? неужели Лось? или Васька Слюнтяй? или, можетъ быть, Таинственный Викентій—эта тириликалка, пустая бала-лайка, гнусная помѣсь обезьяны съ канарейкой?

Огарки захохотали.

— Ну, и чортъ!—восхитился Михельсонъ:—слово скажетъ—какъ подзатыльникъ дать!

Толстый сидѣлъ на стулѣ посреди комнаты въ картинной позѣ, и лицо его во время этой тирады выражало уничтожающее презрѣніе.

Митяга сталъ еще мрачнѣе отъ ѣдкихъ словъ Толстаго. Онъ долго моталъ картузомъ и, наконецъ, вымолвилъ:

— А все-таки вы безпутный народъ. Ничего не дѣлаете.

— Да ты-то что дѣлаешь, Митька?—хоромъ огрызнулись огарки.

— Я?—глухо возразилъ машинистъ, поднимая голову и обводя своихъ враговъ тяжелымъ взглядомъ:—я какъ прѣвзажаю съ поѣздомъ, вывернется у меня три дня свободныхъ—сейчасъ за книгу залягу и читаю. Да, я основательныя книги читаю, не какую-нибудь беллетристику: я читаю, на примѣръ, Дарвина, Спенсера, Бокля, Маркса... тяжелыя это книги для пониманія, ну, а я упрямя, хочу-таки ихъ понять...

— Поймешь ли, Митя? смотри не надорвись!

— Пойму!—отвѣчалъ Митяга, угрюмо глядя передъ собой.

— А потомъ что будешь дѣлать, когда поймешь?

— Потомъ... накоплю денегъ... я уже и теперь коплю ихъ... двѣсти рублей отложилъ ужъ... и поѣду за границу... поступлю тамъ въ университетъ...

Огарки были озадачены.

— Да зачѣмъ тебѣ учиться?—спросилъ Толстый.

— А что?

— Да не лучше ли тебѣ, Митя, жениться?

— Тьфу!—плюнулъ Митяга.

— Онъ у нихъ самый умный!—донимали его огарки.

— Предсѣдателемъ выбрали!—съ важнымъ видомъ

заявилъ Толстый, расхаживая по комнатѣ и шлепая обрѣзками отъ сапогъ.

— Ну-у?

— Какъ же! и ключи у него!

— Какіе ключи?

— Отъ исполнительнаго комитета!

— Хо-хо-хо-хо!

— Совсѣмъ напрасно смѣтесъ надъ чтеніемъ, — мрачно возразилъ Митяга. — Какъ вамъ знать? Можетъ быть, я ихъ и пойму все-таки, книги-то? тогда и видно будетъ, что надо дѣлать! А тебѣ бы и совсѣмъ стыдно смѣяться! — обратился онъ къ Толстому: — ты во всѣхъ университетахъ учился!..

— Я не только въ университетахъ! — серьезно заговорилъ Толстый: — я вездѣ учился... во всей жизни... Я и въ казенной палатѣ начальникомъ былъ и мальтійскій крестъ за это имѣю!.. А потомъ — въ опереткѣ пѣлъ!

— Неужто? — заинтересовался Митяга: — неужто и въ актерахъ былъ?

— Былъ.

— Отъ этого ты и брѣшся по-актерски?

— Отъ этого самага.

— А мальтійскій крестъ отчего ты получилъ?

— Оттого, что я — мальтійскій рыцарь!

— Ну, диво!.. а въ опереткѣ какія ты роли игралъ?

— Всякія!.. — небрежно отвѣтилъ Толстый: — игралъ ко-ро-лей...

— Ну?

— Ду-ра-ковъ... — тянулъ Толстый, въ упоръ смотря на Митягу.

— Ну, а въ какихъ же ты опереткахъ участвовалъ?

— Да много... Вотъ, напримѣръ, есть оперетка „Нашествіе французовъ, или смерть Ляпунова“.

— Ну, и, конечно, ты на афишахъ былъ не подъ своей фамиліей?

— Ужъ это само собою разумѣется!

— А какая же у тебя была фамилія по сценѣ?

Толстый сѣлъ къ столу, принялъ величественную осанку и, театрально барабая пальцами по столу, процѣдилъ сквозь зубы:

— Казбаръ-Чаплинскій.

Митяга посмотрѣлъ на художественную фигуру артиста: Казбаръ-Чаплинскій полулежалъ въ могучей и небрежной позѣ геніальнаго Кина.

— Какъ же ты могъ пѣть?—соображалъ Митяга:— вѣдь, у тебя, кажется, голосъ-то плохой.

— Это ничего не значитъ: я знаю средство, какъ съ плохимъ голосомъ брать высокія ноты,—самое плевое дѣло... сожмешь себѣ хорошенько вотъ въ этомъ мѣстѣ... подъ микитками...

Онъ сдѣлалъ неопредѣленно-фривольный жестъ и воскликнулъ:

— Сразу на два тона выше берешь!

Огарки долго крѣпились, но тутъ не выдержали. Грянулъ хохоть.

Митяга сообразилъ, наконецъ, что надъ нимъ издѣваются.

— Тьфу!—плюнулъ онъ съ негодованіемъ:—я съ вами серьезно хотѣлъ поговорить, а вы...

И неожиданно добавилъ:

— Храпоидолы! нѣтъ у васъ никакихъ убѣжденій!..

— А у тебя-то что за убѣжденія?—возражали ему.

Митяга всталъ, нахмурился, принялъ важный видъ и многозначительно щелкнулъ пальцемъ по красной подкладкѣ своего картуза.

— Вотъ мои убѣжденія!—сказалъ онъ.

Опять грянулъ хохоть.

Но Митяга продолжалъ:

— Каждый интеллигентный человекъ, который имѣетъ убѣжденія, долженъ ихъ проповѣдывать другимъ. За этимъ я къ вамъ и хожу, да только время зря теряю. А вотъ недавно за городомъ, около монастыря,

встрѣтилъ я монаха... сейчасъ это завелъ съ нимъ разговоръ... „Ты что, молъ, дармоѣдничаешь-то? а? развѣ это хорошо?“—Онъ отвѣчаетъ: „я, говоритъ, въ родѣ какъ спасаюсь!“—А я ему и сказалъ: „чего тамъ „въ родѣ?“ просто даромъ хлѣбъ жрешь! туняедецъ ты! вотъ—дамъ тебѣ раза по шеѣ—ты у меня въ землю и вопьешся!“

— Хо-хо-хо-хо!—восторженно загремѣли огарки:— Митька! дерево ты стоеросовое! убирайся къ чорту! уморить ты насъ пришелъ!..

— И то пойду!—съ неизмѣнной серьезностью согласился, Митяга:—лучше книги читать, чѣмъ съ вами время губить!.. нераскаянные вы! огарки!

Митяга нахлобучилъ свой картузь съ красными убѣждениями и пошелъ къ выходу, а вслѣдъ ему весело неслись отборныя слова, заимствованныя огарками у запорожцевъ:

— Свинячья морда!

— Александрійскій козолупъ!

— Вавилонскій кухарь!

— Македонскій колесникъ!

— Великаго и малаго Египта свинарь!

— И самого Вельзевула секретарь!

— И ключарь!

— А нашего Бога ду-у-рень

Огарки кричали, надрываясь, и ржали послѣ каждого ругательства.

— Олоферна пестрая, эфиопская!.. Го-го-го!..

Даже молчаливый Пискра сосредоточенно и серьезно лаялъ, ошибаясь въ удареніяхъ:

— Мы тебя кулакомъ по башкѣ!.. не ходи къ намъ на квартиру!

## II.

Кто-то съ трескомъ подкатилъ на извозчикѣ къ подземелью огарковъ. Сашка вскочилъ на столъ и выглянулъ въ окно.



— Гаврила!—радостно заоралъ онъ, оборотясь къ „фракціи“ въ торжествующей позѣ:—ого-го-го!

Произошло радостное движеніе.

— Икряный?—спросилъ его Толстый озабоченно.

— Икряный! кульки! пиво!

— Ого-го-го-го!—загудѣла вся фракція.

Въ прихожую вошелъ извозчикъ. Онъ внесъ нѣсколько кульковъ, изъ которыхъ торчали горлышки бутылокъ, корзину пива, мѣшокъ муки и съ полпуда говядины, въ кулькѣ.

За извозчикомъ вошелъ и Гаврила, снялъ съ головы котелокъ и раскланялся на всѣ стороны.

Это былъ совсѣмъ еще безусый юноша нѣжнаго тѣлосложенія, розовый, хорошенькій, приличный. Одѣтый безукоризненно, въ новую пару и желтые ботинки, въ бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ и цвѣтномъ галстукѣ—онъ казался благовоспитаннымъ маменькинымъ сыномъ, закормленнымъ сладостями, скромнымъ, милымъ мальчикомъ, который всегда послушенъ родителямъ и наставникамъ.

— Гавр-рила!—радостно заорали огарки и раскатились оглушительнымъ смѣхомъ:—съ икрой? съ вишневкой? съ рябиновой? все какъ слѣдуетъ?

— Все какъ слѣдуетъ!—тоненькимъ скромнымъ голоскомъ отвѣчалъ Гаврила:—урвалъ деньжонокъ у ма-маши, а гдѣ же мнѣ и порѣзвиться-то, какъ не у васъ?

— Вѣрно! гдѣ тебѣ болѣе занятную компанію найти?

— Я Илюшу больно люблю!—продолжалъ Гаврила, пожимая руки огаркамъ:—онъ, вѣдь, мой учитель! черезъ него я на весь міръ другими глазами сталъ смотрѣть!.. ну, и прочихъ тоже... души у васъ хорошія, вольныя... Ахъ! да!—хлопнулъ юноша по лбу себя:—вѣдь я только вино взялъ, а водки позабылъ! послать что ли?

Онъ былъ порядочно пьянъ.

— Конечно послать!—загудѣли огарки:—водка—это самое главное!

Гаврила вынулъ пятирублевку и, сунувъ ее Новгородцу, сказалъ:

— Тащи бутылку!

Новгородецъ устремился.

Скоро непокрытый огарческій столъ украсился изящными бутылками вишневки, рябиновой, коньяку и самой изысканной закуской, среди которой главное мѣсто занимала свѣжая зернистая икра въ очень большомъ количествѣ.

Огарки весело галдѣли. Пробки хлопали.

Въ дверяхъ появился Новгородецъ съ четвертью вмѣсто бутылки.

— Я ужъ четверть взялъ-то!—простодушно заявилъ онъ:—чтобы зря-то не бѣгать-то!

— Странная вещь!—продолжалъ Толстый:—какъ все глупо на свѣтѣ: у кого есть деньги—тотъ не умѣетъ сдѣлать изъ нихъ надлежащаго употребленія, а вотъ тутъ люди и знали бы и умѣли—денегъ нѣтъ!

— Кабы намъ да деньги,—гремѣли огарки:—мы бы устроили на лужайкѣ дѣтскій крикъ!..

— Кабы намъ-то да капиталы-то. Ого!—слышался голосъ Новгородца:—мы бы знали! мы бы умѣли!

— Индю-чекъ!..

Огарки галдѣли...

Всѣ они сидѣли обычной группой за столомъ, уставленнымъ бутылками, и предавались чревоугодію. Звенѣли стаканы, хлопали пробки. То и дѣло раскатывался хохотъ.

— Доведись до меня,—возвышалъ голосъ Толстый,—я бы Гаврюшкиному отцу всю рожу хуже заячьего око-рока сдѣлалъ!

— Я бы поступилъ съ нимъ, какъ древяне съ Иго-ремъ поступили... Приди-ка онъ сюда—въ этотъ „вертепъ Венеры погребальной“.

Во время одного изъ раскатовъ смѣха отъ порога

длиннаго и полутемнаго „вертепа Венеры погребальной“ раздался необыкновенно густой, мрачный басъ:

— Привѣтствую пиръ во время холеры!..

— Ба!—закричали огарки:—Сѣверовостоковъ! Степа-ка-Балбесъ! dobroгласная труба Господня!

— . . . И жажду принять въ немъ участіе!..—трубилъ Сѣверовостоковъ, подходя къ столу и появляясь на пространствѣ, освѣщенномъ лампой.

Предстала великолѣпная фигура.

Появившись изъ тьмы, она показалась желѣзнымъ призракомъ богатыря сказочныхъ временъ...

Это былъ высокій, ширококостный плечистый чело-вѣкъ, страшно—худой, истомленный, но необыкновенно-жилистый, казавшійся скованнымъ изъ желѣза. Отъ него вѣяло тяжестью и силой.

Онъ состоялъ только изъ крупныхъ, словно мамонтовыхъ, костей, смуглой кожи и стальныхъ сухожилій.

Голова его казалась громадной отъ цѣлой охапки густыхъ и длинныхъ черныхъ кудрей, гордо закинутыхъ назадъ и открывавшихъ прекрасный, „шекспировскій“ лобъ. Лицо было огромное, съ крупными энергичными чертами, обрамленное прекрасной темной бородой. Эта голова была утверждена на могучемъ, словно дубовомъ, стволѣ длинной, крѣпкой шеи, въ которой чувствовалась страшная физическая сила. Шея незамѣтно переходила въ пологія огромныя плечи, по которымъ, поверхъ пиджака, выпущенъ былъ широкій воротъ голубой атласной рубашки, завязанный толстымъ шелковымъ снуркомъ съ голубыми кистями.

Пиджакъ, надѣтый прямо на эту франтовскую, оригинальнаго покроя, рубашку, заправленную въ брюки, былъ распахнутъ и обнаруживалъ гибкій богатырскій станъ, туго перетянутый широкимъ кожанымъ поясомъ.

Когда эта фигура умѣстилась за столъ между Соколомъ и Толстымъ, то даже среди здоровяковъ показала вышедшей изъ богатырскаго вѣка.

— Промочи хайло-то!—сказали ему огарки:—надо-  
ѣло, чай, аллилуію-то тянуть?

— Дайте ковшичекъ—выпью!—прогудѣлъ Сѣверово-  
стоковъ, усаживаясь:—колѣна моя изнемогоста отъ поста,  
всенощная длинная была: Гуряшка служилъ и чуть  
языкомъ ворочалъ—пьянъ былъ... еле можаху...

— Хо-хо-хо! Это архирей-то?

— Ну, да, Гуряшка... У насъ это зачастую бываетъ:  
архирей пьянъ, протодьяконъ пьянъ, регентъ пьянъ и  
хоръ весь пьянъ: вся обѣдня пьяная!

— И ничего—поете?

— Поемъ!

— Хо-хо-хо!

Пискра подаль ему желѣзный ковшъ, которымъ  
Павлиха обыкновенно черпала воду. Въ этотъ ковшъ  
архіерейскому басу налили водки, и онъ выпилъ ее, какъ  
воду.

— Многовато я пью ея, проклятой!—сказалъ онъ,  
мощно крякнувъ и вытирая усы.

— Средне!—ввернулъ Толстый.

— Да онъ какъ будто и пришелъ-то тепленькій?

— Есть!—рокочущей октавой признался басъ:—съ  
нынѣшняго дня разрѣшилъ я... съ полгода ничего не  
пилъ... а нынче и за всенощной пилъ,—мы, вѣдь, все-  
нощную поемъ на эстрадѣ, позади клироса устроена,—  
сѣлъ я—ножки калачикомъ—на полъ, кругомъ хоръ  
стоитъ,—не видать меня народу-то: сажу съ бутылкой,  
пью и пою октавой: „къ тихому пристанищу притекъ,  
вопію ти“...

— Хо-хо-хо! и въ ноты не глядишь?

— Чего въ нихъ глядѣтъ-то? съ дѣтства пою: не  
умомъ живемъ, а глоткой!...

Огромное, мужественное лицо его съ ввалившимися  
щеками, изрѣзанное, какъ шрамами, трагическими  
морщинами, носило слѣды исключительныхъ страданій,  
пламенныхъ душевныхъ мукъ, еще и теперъ не совсѣмъ

угасшихъ. Изъ ввалившихся орбитъ печально смотрѣли большіе темно-каріе глаза: суровые, добрые и глубокіе, эти глаза таили въ своей глубинѣ мрачно тихо-гнѣвщій огонь.

Смотря на изстрадавшееся лицо Степана Сѣверовостокова, трудно было рѣшить, сколько ему лѣтъ: можно было дать и сорокъ и двадцать восемь...

— Хайло у тебя, Степанъ, завидное!

— Шапка пролѣзаетъ!—говорили огарки, смачно выпивая.

— Еще бы!—подтвердилъ Толстый:--я какъ-то недавно пьянствовалъ съ ихъ регентомъ Спиридономъ Косымъ и отцами дьяконами, такъ они говорятъ, что самъ Гурьяшка на его горло не нарадуется: никто, говорить, такъ „облаченія“ спѣть не можетъ, какъ Степка-Балбесъ, хоша и пьянъ, говорить, всегда, но облачаетъ мя торжественно!—такъ Гурьяшка выразился.—Давно бы говорить, я его протодьякономъ сдѣлалъ, голоштанника, да за поведеніе-то у него единица значится, у свиньи гадаринской.—Такъ добавилъ преосвященный!

— Хо-хо-хо!

Сѣверовостоковъ улыбнулся.

И эта улыбка, свѣтлая, удивительно добродушная, вдругъ освѣтила его мрачное лицо, а изъ глубоко ввалившихся печальныхъ глазъ неожиданно глянула до-вѣрчивая дѣтская душа. И только послѣ этой улыбки можно было разсмотрѣть и убѣдиться, что ему не больше тридцати лѣтъ, а можетъ быть—и меньше.

— Да!—прогудѣлъ онъ:—ужъ Гурій меня призывалъ къ себѣ: „зачѣмъ, говорить, погибаешь въ піанствѣ?“—А я ему: „въ безднѣ грѣховнѣй валяясь, неизслѣдную твоего милосердія призываю бездну!“

— Недурной каламбуръ!—похвалилъ Толстый.

— Всю жизнь изъ-за этого кола страдаю,—продолжалъ пѣвчій:—викуда не принимаютъ... Такъ и остался на клиросѣ...

— За что же тебѣ единицу-то?—пропищаль уже забытый всѣми Гаврила.

— А за мальчишество за мое: увлекся нигилизмомъ, а наипаче того въ кулачныхъ бояхъ отличался и еще я любилъ по ночамъ на пустыряхъ купцовъ пугать: ѣдетъ купецъ въ коляскѣ на ворономъ рысакѣ, сейчасъ это подкараулишь, схватишь лошадь подъ уздцы, скажешь: „стой!“—лошадь-то и присядетъ на заднія ноги. Тутъ подойдешь къ нему, вѣжливо шляпу приподнимешь позвольте отъ вашей папироски прикурить!“— „Какъ? что? пошелъ прочь! трогай!“ Кучеръ тронетъ, а я опять лошадь остановлю, нажмешь плечомъ на оглоблю, дуга-то и распряжется. Тогда опять подходишь: „позвольте прикурить!“ Дѣлать нечего... Кругомъ пустырь, безлюдье, ночь... Затрясется и дастъ прикурить.

— Го-го-го!

— А выгнали-то меня изъ шестого класса семинаріи изъ-за пустого случая. Поднимался я отъ Волги на гору, по Заводской улицѣ... Спускъ тамъ крутой. Лѣзь я, лѣзь по мостовой. Только выбрался на гору, перевелъ духъ и крякнулъ. И какъ разъ въ эту пору изъ-за угла губернаторская карета съ губернаторской дочкой... Лошади-то испугались меня и понесли... Дочка въ обморокъ. Выгнали.

— Хо-хо-хо! не крикай!..

— И выгнали-то какъ разъ передъ экзаменами, весной. Поѣхаль я тогда къ отцу: въ селѣ онъ у меня, дьякономъ, и сейчасъ живъ... Открылся я ему. Погореваль, поругался старикъ и обошелся было: не клиномъ же свѣтъ... Единицу-то я скрылъ. „Поѣдемъ, говорить, рыбачить за рѣку. Запрягли лошадь, поѣхали. Выбрали мѣсто, телѣгу на берегу поставили, лошадь пустили на траву. Сами наладили удилица, сидимъ рядкомъ, удимъ.

И зашелъ у насъ споръ о философіи. Я какъ началъ, по мальчишеству моему, выкладывать ему Конта

да Канта, Шопэнгауера да Декарта, всю мою скороспѣ-  
лую ученость—Бога-то у меня и не оказалось... А ста-  
рикъ озвѣрѣлъ. „Такъ ты, говорить, эдакъ?“—„Эдакъ,  
моль!“—„Прочъ, говорить, съ глазъ моихъ долой, въ  
одной и телѣгѣ-то съ тобой не поѣду!“—А я ему: „Баба  
съ возу—мерину легче!“—„Я, говорить, любилъ тебя,  
чорта!“—А я ему: „Полюби лучше коневу маму—она  
принесетъ тебѣ и-го-го.“ Разговоръ вышелъ громкій: го-  
лосище у него куда здоровѣи моего, вся и рыба-то на дно  
ушла, всѣ птицы попрятались. „Отвѣчай, ореть, есть  
Богъ?“—„Нѣтъ!“ Тутъ онъ какъ вскочить, да какъ схва-  
тить меня за жабры, поднялъ на воздухъ одной рукой да  
и шваркнулъ оземь. „Мужъ языченъ не исправится на  
земли“. Пролетѣлъ я подъ телѣгу, треснулся башкой объ  
землю—инда огни изъ глазъ посыпались. Потомъ вы-  
лѣзаю изъ-подъ телѣги, гляжу на колесо и говорю ему:  
„А угоди я башкой объ колесо—разлетѣлась бы въ  
черепки башка-то!“ И онъ ужъ испугался, злость про-  
шла, шепчетъ: „Слава Богу, что не объ колесо!“ Тутъ  
я ему: „Ну, счастливъ твой Богъ, что я ногами-то  
земли не досталъ, а то быть бы тебѣ въ рѣкѣ!“

— Переговорили о Богѣ!

— Хо-хо-хо!

— На какое же чудовище похожъ твой батька, коли  
съ тобой подъ силу ему такъ обращаться?

— Я передъ нимъ плюгавъ и тонокъ, какъ дягиль:  
онъ толщины необъятной да и ростомъ повыше...

— Да!.. выходить, что захудалъ ты, Степка-Балбесъ!  
не можешь имѣть толщины!..

— Ого! не можетъ! пусти-ка его на хорошую-то  
жизнь, что изъ него получится?

И огарки звучно расхохотались при одной мысли о  
томъ, что получится изъ Степки-Балбеса, если „пустить“  
его на хорошую жизнь.

— Сила у насъ въ роду!—гудѣлъ Сѣверовостоковъ:—  
мой младшій братишка Николка такъ даже въ бѣду

недавно попалъ: поеть онъ теперь въ Кіевѣ, въ Софійскомъ соборѣ... Ну, подрались тамъ между собой въ трактирѣ два баса, товарищи его: взяли каждый по гирѣ и лупятъ другъ друга гирями. Ну, онъ и подошелъ ихъ разнять: схватилъ ихъ обоихъ за шиворотъ да и стукнулъ другъ объ дружку лбами—ихъ въ больницу и отвезли! Вотъ вѣдь какой неосторожный народъ!

— А чѣмъ у васъ тогда кончилась драка съ отцомъ?

— Съ отцомъ? Сѣли опять рыбачить. Только все-таки я скоро уѣхалъ и съ тѣхъ поръ не былъ у него... лѣтъ десять... Жалуется онъ постоянно въ письмахъ: всѣ сыны мои бродятъ по бѣлому свѣту и не вышло толку ни изъ одного: всѣ изъ духовнаго званія вырвались, не хотятъ!.. Молчали мы съ нимъ тогда съ недѣлю. Только когда ужъ собрался я уѣзжать—спрашиваетъ: „что будешь дѣлать?“—„Въ актеры, говорю, уйду!“ Ну, тутъ опять ссора вышла. „Врешь, говоритъ, не уйдешь! а уйдешь—воротиться: кровь заговорить! Нельзя уходить изъ духовнаго рода! Нашъ-то родъ, говоритъ, еще изъ Византіи пришелъ! Еще при Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ наши-то предки духовными были! Сила-то наша тысячу лѣтъ копилась, отвердѣла, окаменѣла она!“ И разное такое понесъ! „Держись, говоритъ, ближе ко храму!“ Я его и спросилъ: „куда же мнѣ дѣвать мою силу, во храмѣ-то, коли мнѣ ее тысячу лѣтъ мои предки копили?“ Ну, въ оперномъ хорѣ мнѣ все-таки, дѣйствительно, скоро пѣть прискучило!.. Возненавидѣлъ лукавствующихъ и нечестивыхъ!..

Огарки на минуту задумались.

— Ахъ!наслѣдство!—тихо пропищалъ Гаврила:—твое наслѣдство — сила! Водку пьешь ковшомъ и—ничего! А я вотъ пока еще пьянъ—такъ хорошо себя чувствую, а какъ утромъ проспишься, такъ „она“ и является: сядетъ рядомъ съ тобой, сѣрая, пыльная—и отряхается! бр-р!



Гаврилу передернуло.

— Кто отряхается?

— Она. Сѣрая. Съ гуся она. Крылья у нея, какъ у летучей мыши, носъ—утиный и лапки съ перепонками. А на крыльяхъ—пыль. Вотъ она сядетъ—и начнетъ пыль отряхивать. Такая мерзость!...

— Д-да! это—скверно!—согласились огарки:—кишка тонка у тебя, Гаврила! нельзя тебѣ много пить! а намъ—можно! Выпьемъ!

Пискра вновь наполнилъ стаканы для фракціи и ковшъ для Сѣверовостокова.

Толстый всталъ въ позу, поставилъ одну ногу въ опоркѣ на табуретъ, подбоченился и поднялъ въ рукѣ чайный стаканъ рябиновой.

— Милостивые государи!—театральнымъ тономъ провозгласилъ онъ, обводя всѣхъ вдохновеннымъ взоромъ:—и милостивыя государыни!—галантно кивнулъ онъ Павлихѣ, стоявшей у печки:—па-аз-вольте въ краткой, но безпристрастной формѣ сообщить вамъ д-духхъ и направленіе—современной деф-фи-ми-ціи! Пауперизмъ, происшедшій отъ аномальныхъ элементовъ нашей современной, культурной изолированной расы, и цинизмъ принциповъ, лик-то-фи-руя авторитеты симптомовъ парадоксальной иллюзіи, игнорируетъ, такъ с-сказать, теорію самобытности и абстрактнаго бытія человѣчества и индивидуумовъ!

Скажу проще: мы—огарки, дѣти бѣдняковъ, дяконовъ, мастеровъ, дворовыхъ людей, дѣти крестьянъ, ку-хар-ки-ны дѣти, чортъ возьми! мы—олицетвореніе пауперизма! цинизмъ принциповъ нашего голоштаннаго существованія сов-вер-шен-но игнорируетъ всѣ абстрактныя теоріи такъ же, какъ и теорія игнорируетъ насъ! она—не предусмат-риваетъ нашего бытія въ подонкахъ культурной изолированной расы, а культурная раса даже ощутила бы нѣкое торжество справедливости, если бы съ поверхности земного шара исчезли такіе

индивидуумы, какими являются огарки! Но въ жилахъ нашихъ течеть кровь народа, здоровая кровь трудящагося класса! Въ душѣ нашей живетъ вѣковая любовь къ несправедливо-обиженной и молчаливо-прощающей деревнѣ, природѣ, землѣ! Жизнь выгнала, вырвала оттуда насъ съ дѣтства и бросила въ этотъ „вертепъ Венеры погребальной“, гдѣ сидимъ мы, какъ греки подъ березой, не получая со стола жизненнаго пира ни гусиной шеи! О, проклятая деффициція! что она такое? на какихъ звѣрей похожа? Она давить и душитъ насъ, обрекая на погибель отъ голода и пьянства!

Но—клянусь—мы не погибнемъ! мы—не сопьемся Пусть культурная изо-ли-рован-ная раса считаетъ насъ илотами, огарками—пусть! Время покажетъ цѣну каждому! Жизнь, какъ математика, всегда вѣрна самой себѣ и всегда безошадна! Пробьетъ часъ—изолированные потерпятъ неизбѣжную кару за свою изолированность и со скорбью въ сердцѣ узнаютъ кузькину мать, узнаютъ, чему равняется квадратура круга и гдѣ зимуютъ раки! Огарковъ на свѣтѣ—„энь“ плюсъ единица!

Господа! мы находимся на границѣ босячества—да! но мы не пойдёмъ въ босяки, мы будемъ добиваться отвѣта у жизни, чтобы узнать, гдѣ же, наконецъ, наше мѣсто въ природѣ? и—я увѣренъ—она укажетъ намъ его не въ отбросахъ общества—нѣтъ! напротивъ, снизу поднимемъ мы на самый гребень волны и, быть можетъ, еще скажемъ свое огарческое слово! Придетъ время—и всѣ огарки воспрянутъ и соберутся вмѣстѣ! Тогда и мы найдемъ себѣ поле, поднимемъ свое знамя и будемъ держать его твердо!

А теперь, пока мы, какъ собака на заборѣ, стоимъ на рубежѣ, не будемъ терять дорогого времени: молодость два раза не приходитъ! порѣзвимся! устроимъ на лужайкѣ дѣтскій крикъ! Гаврила угощаетъ насъ! предъ нами — рябиновая! предъ нами—

вишневая, предъ нами—икра! предадимся чревоугодію! предадимся веселію! Выпьемъ „медвѣдя“, чтобы въ голову ударило! Пусть Степка-Балбесъ, ближайшій родственникъ Владиміра Святого, возьметъ свои гусли-мысли и ударить въ золотыя струны! отхватаемъ гопака! покорячимся! пьянаго и малаго Богъ бережетъ! да здравствуетъ пьяная огарческая фракція!

— Съ нами Богъ и святая Софія!—воинственно заревѣли огарки, поднимая полные стаканы.

— Есть еще порохъ въ пороховницахъ!—заораль Толстый, патетически указывая на бутылки:—перевѣдаемся!

Онъ запрокинулъ голову и, не мѣняя своей картинной, театральной позы, выпилъ свой стаканъ.

Изъ-за стола вскочилъ Михельсонъ, побѣждалъ въ сосѣднюю темную комнату и вынесъ оттуда народныя волжскія гусли, формой своей напоминавшія шляпу Наполеона. Они были некрашенныя, грубой работы, только стальные колки были сдѣланы и отполированы изящно, очевидно, любящей рукой артиста-слесаря—вѣроятно, самого Михельсона—да трещина на верхней декѣ была скрѣплена мѣднымъ изображеніемъ какой-то фантастической птицы, кожей на ту, которой боялся Гаврила; птица была сдѣлана тоже очень хорошо. Края верхней деки были еще разрисованы кѣмъ-то, а надъ рисунками крупной славянской вязью былъ написанъ какой-то афоризмъ.

Сѣверовостоковъ вытянулъ длинную ручищу, подхватилъ гусли и началъ налаживать струны. Ближе къ нему подсѣлъ Михельсонъ. Кругомъ въ разнообразныхъ позахъ пили огарки.

— Заводи!—прогудѣлъ пѣвчій слесарю и взялъ нѣжный бархатный аккордъ.

Огарки затихли.

Михельсонъ сидѣлъ съежившись около гуслей,

ваялъ въ горсть длинный клинъ своей бороды, закрылъ глаза и запѣлъ.

Гусли вторили ему.

У него былъ небольшой тихій теноръ, необыкновенно-приятнаго тембра, чистый, свѣтло-серебряный, съ баритонными нижними нотами, звучащими въ его груди какъ-то особенно бархатисто.

Въ саду ягода лѣсная  
Прикрытая спѣла!..

Пропѣлъ онъ нѣжно, печально и спокойно, какъ бы рассказывая что-то эпическое и уже обѣщая драму...

Нѣжно и печально вторили гусли.

А княгиня молодая  
Съ княземъ въ теремѣ жила!..

Густо подхватили огарки знакомую, любимую пѣсню...

Всѣ звуки поглощала темная глухая октава Сѣверо-востокова. Онъ бралъ медленные стройные аккорды на пѣвучихъ струнахъ и пѣлъ осторожно, сдерживая колоссальный голосъ до полушопота, онъ какъ бы мурлыкалъ себѣ подъ носъ, и все-таки казалось, что гдѣ-то по темной каменной лѣстницѣ катится въ „вертепъ Венеры погрѣбальной“ огромная пустая бочка.

Какъ у князя былъ Ванюша,  
Кудреватый, молодой...

Нѣжно и задушевно звенѣлъ бархатный теноръ. Нѣжно и пѣвуче говорили за нимъ гусельныя струны.

Ванька-ключникъ—злой разлучникъ—  
Разлучилъ князя съ женой...

Отвѣтилъ огарческой хоръ, накрытый отдаленнымъ гудѣніемъ расплывающейся, какъ туча, глухой, тяжелой октавы.

Эта старая пѣсня свѣжа и поэтична: она полна вѣяніемъ грустной легенды. Представляется мрачный

старинный теремъ съ низкими сводчатыми потолками, съ маленькими слюдовыми окнами, гордо и мрачно стоящій среди княжескихъ полей и лѣсовъ... Въ немъ живетъ молодая княгиня, тайно любящая „кудреватаго“ ключника... Старая грустная пѣсня.

Князь дознался—догадался  
Посадилъ Ваню въ тюрьму...

Князь хочетъ вырвать у него признаніе. Онъ говоритъ:

Гей вы, слуги мои, слуги,  
Слуги вѣрные мои,  
Вы подите—приведите  
Ваньку-ключника ко мнѣ!..

Голосъ запѣвалы взвивается высоко, звонко и размашисто:

Ой, ведутъ—ведутъ Ванюшу!  
Вѣтеръ кудри Вани вьетъ...

И Ваня передъ смертью своей жестоко вонзаетъ въ сердце врага роковую правду:

Цѣловала! миловала!  
Называла: „милый мой!“  
Вмѣстѣ спать съ собою клала...

Льется все тотъ же мотивъ, эпически-простой, печальный, оплакивающій. Глухо, какъ отдаленная гроза, плыветъ неясная октава.

Какъ повѣсили Ванюшу  
На пеньковой на петлѣ!..

Повѣстуетъ теноръ.

Огарки любили эту пѣсню: она будила въ ихъ душѣ что-то глубокое, родное.

А княгиня молодая  
Умираетъ на ножѣ...

Размашисто откликнулись они запѣвалѣ.

Но Толстый, раскраснѣвшійся отъ вина, уже не былъ способенъ къ лиризму: его распирало отъ веселости, ему хотѣлось озорства...

Все вертится на ножѣ!..

Радостно пѣлъ онъ въ неумѣстномъ восторгѣ. Со стаканомъ въ рукѣ, съ веселой и озорной улыбкой на румяныхъ губахъ онъ тотчасъ же запѣлъ новую пѣсню, безпечную, веселую...

Аристотель мудрый  
Древній философъ...

Гусляръ и хоръ подхватили:

Прошилъ панталоны  
За сивухи штофъ!

Голоса у Толстаго не было никакого, но пѣлъ онъ задорно, остроумно и великолѣпно декламируя:

Цезарь—сынъ отваги  
И Помпей—герой...

Хоръ грянулъ:

Прошивали шпаги  
Тюю же цѣной!..

Толстый цариль... Толстый дирижироваль. Морда его то сжималась въ кулакъ, то снова разжималась...

Папа Пій девятый  
И десятый Левъ...

Хоръ не давалъ ему докончить и, чокаясь между собой, пѣлъ:

Пили допель-кюмель  
И ласкали дѣвъ!..

Толстый всѣхъ увѣрялъ:

Даже передъ громомъ  
Пьетъ Илья—пророкъ!

Хоръ добавиль:

Когель-могель съ ромомъ  
Или чистый грогъ!

Всѣ уже постукивали каблуками и кулаками. Глаза огарковъ сверкали, щеки горѣли.

Тогда гуслиарь какъ-то особенно забористо удариль въ струны.

Чарочки по столику похаживаютъ,  
Пьяницы бородушки поглаживаютъ!

Звонко запѣлъ Михельсонъ, поглаживая бороду. Толстоголовый Новгородецъ тоже демонстративно теребилъ рыжій клокъ на своемъ подбородкѣ.

— Толстоголовый! Лезгинку!—кричали другіе.

На середину комнаты выскочилъ пьяный Новгородецъ. Гуслиарь заигралъ лезгинку.

Новгородецъ пустился танцевать. Огарки мѣрно хлопали въ ладони. Лица ихъ были серьезны.

Толстоголовый танцевалъ безобразно. Видно было, что о лезгинкѣ онъ не имѣлъ понятія, и почему ее любилъ—оставалось тайной.

Онъ былъ смѣшно-пьянъ, тѣлодвиженія выходили у него преднамѣренными, заранѣе обдуманними, но неудачными, и вся тощая фигура его—въ синей блузѣ, подпоясанной ремнемъ отъ чемодана, въ традиціонныхъ огарческихъ обрѣзкахъ, съ толстой стриженной головой и близорукими глазами въ очкахъ—очень мало шла къ лезгинкѣ.

Онъ кончилъ тѣмъ, что подбросилъ съ ноги къ потолку свой стоптанный обрѣзокъ.

Огарки расхохотались.

Послѣ него выскочилъ на середину комнаты Сашка.

Онъ сбросилъ пиджакъ, ухарски топнулъ ногой и закричалъ:

— Гопака!

Раздались подмывающіе отчаянные звуки запорожскаго танца.

— Выходи!—вызывающе крикнулъ Сашка Толстому.

Толстый медленно вышелъ изъ-за стола и всталъ противъ Сашки. Онъ былъ живописенъ въ своихъ необъятныхъ штанахъ запорожца, съ разстегнутой грудью, въ мягкой тюбетейкѣ, съ черной длинной кистью на макушкѣ и огарческихъ опоркахъ.

— Жарь!—сказалъ онъ Сашкѣ.

Сашка „пустилъ дробь“.

Онъ плясалъ залихватски, отчаянно, весь отдаваясь пляскѣ и любясь на свои сапоги, со всѣми приемами и колѣнцами пляшущаго мастераго.

— Ахъ, собака! что дѣлаетъ!—одобряли пляску зрители:—землю ѣсть!

Гусли звенѣли.

Но когда Сашка, запыхавшись и тяжело дыша, всталъ на свое мѣсто, Толстый съ первыхъ же движеній уничтожилъ противника. Началъ онъ съ того, что сдѣлалъ граціозный прыжокъ балерины и, вставъ на носки своихъ опорковъ, послалъ на обѣ стороны воздушные поцѣлуи „публикѣ“. Лицо его въ это время изобразило „очаровательную“ улыбку. Потомъ онъ сдѣлалъ фривольное „па“ и вдругъ могуче топнулъ, подбросилъ къ потолку опорокъ, опять попалъ въ него ногой, упалъ спиной на полъ, перекувыркнулся черезъ голову, вскочилъ, разбѣжался, высоко и легко подпрыгнулъ и только тогда уже пустился въ могучую запорожскую „присядку“.

Эта пляска сотрясала всю комнату, заставила плясать столъ и стулья, со стола съ громомъ повалились на полъ пустыя бутылки, половицы пола заходили, какъ клавиши, а Толстый все плясалъ, плясалъ, плясалъ, все сильнѣе, все отчаяннѣе, увлекательнѣе, вдохновеннѣе. Черная кисть его фески на бритой головѣ извивалась и тоже плясала, напоминая чубъ запо-



рожца, и весь онъ, неистовый и мощный, въ своемъ дикомъ весельи напомнилъ далекия геронческія времена Запорожской Сѣчи.

Волна безшабашной удали захлестнула душу, зажгла, увлекла, умчала ее, и душа ринулась куда то въ безбрежное, въ ширь и даль, способная все сокрушить, все взять, всего достигнуть и потомъ—все бросить.

„Гопакъ“ звенѣлъ...

Взошло солнце, а огарки все еще пили, пѣли и плясали.

— Погаси лампу голосомъ!—приставалъ Сашка къ Сѣверовостокову.

— Такали-такали, да Новгородъ-то и протакали, черти толстоголовые!..—дразнили другіе Новгородецъ...

— Тор-ре-одоръ, смѣ-лѣ-е!—пѣлъ Михельсонъ.

— Лампы всегда гаснутъ, когда я пою!—лѣниво отвѣчалъ Сѣверовостоковъ: — гласа грома моего убоятся!

— Знаемъ! это — когда ты верхнюю ноту заорешь, какъ влюбленный осель! а ты низомъ погаси! а? октавой! вотъ и не можешь октавой-то!..

— Погашу и октавой!..

— Врешь, не погасишь!..

— Погашу!.. а-а-а!..

Степка-Балбесъ выпрямился, разинулъ свое „хайло“ и пустил необыкновенную, чудовищную октаву. Звукъ этотъ не имѣлъ ничего общаго съ человѣческимъ голосомъ и былъ болѣе мощенъ, чѣмъ ревъ буйвола: словно чугунное бревно вылѣзало изъ его глотки, сотрясало своей страшной тяжестью грудь пѣвца и, грозя всѣхъ раздавить, упиралось въ низкіе своды подземелья.

Нижняя губа его широко-раскрытой пасти дрожала отъ тяжести голоса, сила звука, казалось, шатала самого обладателя этой силы, онъ держался желѣзными

руками за столъ и грохоталь пушечнымъ голосомъ, внушая всѣмъ чувство невольнаго ужаса.

Огарки смотрѣли на него пьяными, остановившимися глазами.

Лампа мигала на дрожащемъ столѣ, но не гасла.

— Что, собака, не можешь?..—подзадоривали пѣвца.

Сѣверовостоковъ заревѣлъ еще страшнѣе, не сводя глазъ съ лампы: она, повидимому, была въ ужасѣ, спрятала пламя и все-таки не гасла.

— Что, братъ, октавой-то? не л-любимъ? а?.. хе-хе-хе!..

Басъ разсердился.

Онъ еще шире разинулъ пасть, немножко повысилъ ноту и рвануль голосомъ:

— Г-а!..

Лампа погасла.

— Хо-хо-хо!—возвеселились огарки: — вотъ хайло! вотъ прорва!

Въ окна уже свѣтили косые лучи восходящаго весенняго солнца. Послышался первый протяжный ударъ соборнаго колокола.

— Пора на клирость!—прогудѣлъ Сѣверовостоковъ, вставая и вытаскивая откуда-то широкополую черную шляпу.

— А въ нирвану?—предложили ему.

— Нѣтъ. Я всегда на своемъ мѣстѣ.

— Желѣзный ты человекъ, Степанъ.

— Ничего, перетерпимъ.

— Орать пойдешь?

— Пойду орать.

— Опять Гурьяшку облачать будешь?

— Облачу.

— Покажи ему кукишь отъ насъ, долговолосому пьяницѣ!

Огарковъ клонило ко сну. Новгородецъ, Гаврила и Пискра уже спали такъ крѣпко, что даже оглушительный ревъ Сѣверовостокова не разбудилъ ихъ. Спали

они какъ и гдѣ попало, въ тѣхъ позахъ, въ какихъ были захвачены хмѣлемъ: кто сидя, кто склонивши голову на столъ, кто подъ столомъ.

Пѣвчій надвинулъ шляпу на бекрень, при чемъ сталъ похожъ на бандита, постоялъ у порога, посмотрѣлъ на отходящее ко сну „огарчество“ и задумчиво прогудѣлъ, уходя:

— „Мыслью — значить существую!“ сказалъ... Декартъ.

— Погрузимся въ нирвану!—заплетающимся языкомъ предложилъ Толстый.

— Погрузимся!—съ трудомъ отвѣчали ему.

И они погрузились въ нирвану.

Въ комнатѣ сразу наступила тишина.

Огарки свалились кто куда попало и усѣяли своими спящими тѣлами весь полъ „вертепа Венеры погребальной“.

У входа въ сосѣднюю комнату палъ Толстый, не дойдя до постели: онъ раскинулся во весь свой огромный ростъ въ львиной позѣ спящаго запорожца. На его большой бритой головѣ такъ и осталась мягкая шапочка съ чернымъ чубомъ, разстегнутая рубашка обнажила бѣлую бархатную грудь, съ босой ноги свалился опорокъ.

Лицо его поблѣднѣло, какъ мраморъ, красивыя губы сложились въ гордую, презрительную улыбку, а все лицо сохраняло благородное спокойное выраженіе.

Спящій и пьяный—онъ все-таки былъ поразительно хорошъ собою.

Въ углу, надъ нимъ стоялъ деревянный безголовый манекенъ женщины, принадлежавшій Павлихинымъ дочерямъ, и, казалось, грустилъ объ этой гибнущей красотѣ.

Вдругъ проснулся Гаврила отъ наступившей тишины.

Съ безумными, широко - открытыми, но спящими

глазами, протянувъ руки впередъ, онъ побрелъ, какъ лунатикъ, задѣвая за тѣла и, наконецъ, наткнулся на манеконъ.

Нащупавъ женскій бюстъ, онъ прижался къ нему грудью и бормоталь:

— Гдѣ я?.. и кто ты? поцѣлуй меня, пожалѣй хоть на минуту... я погибшій человѣкъ... а? отчего ты молчишь? женщины — онѣ — безчувственныя... въ нихъ нѣтъ души, въ нашихъ женщинахъ... а ты... тебя я люблю... ты простая... Да что же ты молчишь-то? отчего ты мнѣ не отвѣчаешь?

Онъ долго стоялъ, качаясь вмѣстѣ съ манекеномъ, заключеннымъ въ объятія, потомъ оттолкнулъ его и заплѣлъ своимъ полудѣтскимъ голосомъ:

То-ре-одоръ, смѣ-лѣ-е!..

Онъ шагнулъ, споткнулся и упалъ рядомъ съ Толстымъ.

То-ре-одоры!..

Голова его медленно склонилась къ ногамъ Толстаго.

То-ре-одоры!..

Закончилъ онъ, засыпая у ногъ своего учителя...

Опять стало тихо.

Въ комнату глухо донесся протяжный звонъ соборнаго колокола.

Мимо раскрытыхъ огарческихъ оконъ уже проѣзжалъ мужичонко, сидѣвшій на огромномъ возу черныхъ гробовъ. Мужичонко былъ пьянъ, крутилъ вожжами надъ своей головой, погонялъ пару лошадей и бессмысленно смѣялся. Онъ казался сквернымъ, болѣзненнымъ сномъ алкоголика. Слуга холеры словно хотѣлъ заглянуть и въ это мрачное подземелье, гдѣ всю ночь пили и пѣли никому ненужные люди, любившіе жизнь и презиравшіе смерть, гдѣ съ первобытной

энергіей танцоваль запорожець, а играль ему на гусяхъ богатырь.

### III.

Такъ жили огарки, и такъ заканчивался для нихъ каждый прїѣздъ Гаврилы.

Его появленіе въ „вертепъ Венеры погребальной“ было для нихъ языческимъ праздникомъ пьянства и обжорства. Они „нажимали ему на брюшко“ и Гаврила „давалъ сокъ“. Все, привезенное имъ, выпивалось и съѣдалось тотчасъ же: на другой день уже нечѣмъ было опохмѣлиться, а черезъ нѣсколько дней опять всѣ сидѣли „на одной картошкѣ“.

Половина „огарковъ“ по различнымъ причинамъ всегда лежала безъ дѣла, а тотъ, кто сколько-нибудь зарабатываль, все отдавалъ Павлихѣ на содержаніе всей фракціи.

Сашка и Толстый жили грошовыми уроками, Новгородецъ — случайной перепиской, Пискра брался за все.

Главнымъ фондомъ былъ трудъ Михельсона, каждую субботу приносившаго семь рублей. Иногда въ ожиданіи этихъ рублей огарки голодали дня по два. Мученія голода они старались заглушить въ себѣ островами надъ собой и, увеселяя себя, хохотали обычнымъ своимъ гомерическимъ смѣхомъ.

Когда, наконецъ, на закатѣ солнца являлся Михельсонъ и приносилъ такъ мучительно и нетерпѣливо ожидаемый заработокъ — слѣдовалъ быстрый, лихорадочный ужинъ, приправленный всегда свѣжимъ остроуміемъ.

Но, по утоленіи голода, огарки начинали скучать.

Имъ становилось тѣсно и душно сидѣть въ „вертепъ Венеры погребальной“, хотѣлось какихъ-нибудь впечатлѣній, хотѣлось куда-то пойти, но пойти было некуда, кромѣ общественнаго сада на берегу Волги.

И они ходили въ садъ.

Огарки ненавидѣли это мѣсто общественнаго гулянья, гдѣ, казалось, каждый кустъ былъ засаленъ и захватанъ „публикой“, но тѣмъ не менѣе, томимые скукой, оторванностью отъ жизни и однообразіемъ своего оброшеннаго существованія ходили туда каждый вечеръ.

Тамъ они прятались отъ людей въ темной поперечной аллеѣ, гдѣ почти всегда никого не было, садились всѣ въ рядъ на длинную скамейку и слушали музыку струннаго оркестра, звуки которой мягко доносились къ нимъ съ вышки курзала.

Они не знали названій пьесъ, исполняемыхъ оркестромъ, но многое изъ его репертуара слушали въ со-тый разъ и знали мелодію наизусть.

И была у нихъ любимая пьеса, такъ же, какъ и прочія, неизвѣстная имъ, которую они называли: „прорѣзающая“.

Каждый вечеръ дожидались они, когда оркестръ заиграетъ ее, и упивались чьей-то удивительной музыкой.

Иногда они выходили изъ своей аллеи къ курзалу, гдѣ на верандѣ, за столиками, накрытыми бѣлой скатертью, пила и ѣла разодѣтая, чистая публика, а мимо по главной, ярко-освѣщенной электричествомъ, аллеѣ медленно двигалась густая толпа гуляющихъ, такая же чистая, нарядная, затянута и шуршащая, какъ и та, которая ѣла на верандѣ.

И огарки становились въ рядъ, какъ разъ противъ веранды, наполненной ужинающими, и лицомъ къ лицу съ безконечной вереницей гуляющей нарядной толпы.

Прислонясь къ фонарному столбу или изгороди, долго и угрюмо смотрѣли они на все, происходившее передъ ихъ глазами, и стояли какъ укоризненные, голодные тѣни.

Всматриваясь въ мелькающія фізіономіи толпы,

они словно хотѣли узнать, чѣмъ эти люди, прилично одѣтые, имѣющіе деньги, женъ, счастье — выше и лучше ихъ, огарковъ, ничего изъ благъ жизни не имѣющихъ.

И все эти безъ конца смѣнявшіяся лица сливались, наконецъ, въ ихъ глазахъ въ одну огромную скверную, скотскую рожу, безобразно самодовольную, низменную и неприхотливую, поразительно ко всему равнодушную, не слышащую за своимъ гвалтомъ чудной музыки.

И огарки чувствовали себя выше толпы.

Имъ казалось, что если бы они когда-нибудь попали въ это общество, живущее въ роскошныхъ квартирахъ, гдѣ звучать струны рояля, гдѣ женщины красивы, образованны, нѣжны и выхолены, — то непременно были бы тамъ интереснѣе другихъ, умнѣе, остроумнѣе, лучше всѣхъ. Но они презираютъ это общество. Они бы тамъ издѣвались.

Презирая сытую толпу, огарки все-таки съ завистью смотрѣли на ѣду сидящихъ на верандѣ, на рюмки, на бутылки, на золотистое, пѣнистое пиво.

Если въ этотъ моментъ въ гуляющей толпѣ мелькалъ высокій Митяга въ своемъ новомъ картузѣ, — Сашка, какъ самый дерзкій изъ огарковъ, открывалъ на него охоту: выждавъ, когда Митяга доходилъ до конца аллеи, Сашка внезапно появлялся изъ-за куста и, не говоря ни слова, срывалъ съ головы Митяги знаменитый картузъ, подбитый красными убѣжденіями.

— Давъ сюда поль-лика! — говорилъ онъ Митягѣ, держа картузъ за спиной.

Чтобы скорѣе отвязаться отъ огарка, скупой Митяга, растерявшійся и негодующій, ворча ругательства, быстро вынималъ кошелекъ и вносилъ выкупъ за свои убѣжденія.

Съ поль-ликомъ огарки отправлялись въ дешевую, грязную пивную Капитошки.

Тамъ, за пятью бутылками пива, они давали волю своему сарказму. Въ душѣ ихъ поднималась бессознательная ѣдкая горечь, обида и отчаяніе, но выливалось все это въ крѣпкое, ядреное остроуміе и безшабашную удаль,—они словно хотѣли сказать кому-то: „вы считаете насъ пьяницами, кабацкими личностями, ну, такъ вотъ смотрите: мы, дѣйствительно, такіе, думайте о насъ именно такъ—намъ на это наплевать!“

Толстый сыпаль самыми неожиданными сравненіями, мѣтками, убійственными словечками, и фракція топила свою горечь въ громозвучномъ смѣхѣ, а тоску—въ пивѣ.

Домой они возвращались весело и проказливо настроенные: по дорогѣ Сѣверовостоковъ выворачиваль деревянные тумбы, выдергиваль съ корнемъ фонарные столбы и, показавъ товарищамъ свою сказочную силу, втыкаль тумбы и столбы на прежнее мѣсто.

„Рвзвась“ такимъ образомъ, они спускались опять въ свое подземелье и, чтобы не разбудить Павлихи, снимали съ ногъ своихъ опорки.

Но она просыпалась и бранила ихъ.

Знакомство огарковъ съ Павлихой началось еще въ первые дни ихъ появленія въ городѣ, когда они бродили въ одиночку въ поискахъ работы, какъ голодные собаки. Можно сказать, что цементомъ фракціи была Павлиха.

Одинъ по одному, по какой-то роковой случайности, собрались они въ ея „вертепъ“ — голодные, грязные, измученные. Квартирная хозяйка, у которой столовались рабочіе изъ мастерскихъ, она cadaго изъ нихъ обласкала, накормила, словно и не замѣчая того, какъ они опустились.

Она такъ славно улыбалась каждому новопрившему, какъ будто бы и ни вѣсть какой кладъ къ ней свалился.

Унея была незлобивая дѣтски-довѣрчивая душа.



Всю жизнь отъ рожденія до старости судьба жестоко была Павлиху, словно насмѣхалась надъ ней, а Павлиха такъ и не озлобилась на судьбу, продолжая быть преисполненной доброты и того сердечнаго жалѣнія людей, которымъ отличаются деревенскія женщины.

Изъ ея отрывочныхъ, безсвязныхъ упоминаній о прошломъ огарки знали, что Павлиха два раза была замужемъ, похоронила обоихъ мужей и осталась нищенствовать съ троици дѣтьми: двумя дѣвочками и мальчикомъ. Была прачкой, служила въ нянькахъ, торговала воблой и ягодами, ходила съ лоткомъ по улицамъ города съ ранняго утра до поздней ночи, выручая двугривенный на калачъ ребятишкамъ и себѣ. Казалось бы, что при такихъ плачевныхъ обстоятельствахъ ничего не оставалось ей дѣлать, какъ стонать и жаловаться, а всегда выходило такъ, что къ ней же люди шли за утѣшеніемъ и помощью, и она находила въ себѣ силы вселять упавшимъ духомъ вѣру въ лучшее будущее. Въ ея кухню постоянно приходили кухарки, судомойки, няньки и горничныя безъ мѣсть, каждая со своимъ горемъ, выплакивали ей свои слезы, и Павлиха всѣхъ утѣшала:

— И-и, матушка!—слышался въ такихъ случаяхъ ея голосъ:—всего горя не перегорюешь и слезъ всѣхъ не повыплачешь! утрись-ка, родимая!

И начиналась поучительная повѣсть о собственномъ прошломъ, о прежнихъ и настоящихъ страданіяхъ.

— Погляди-ка на меня: вѣдь живу же!—философски заканчивала свой рассказъ Павлиха.

Дочери ея работали въ швейной мастерской, а сынъ, о которомъ она всегда упоминала съ гордостью, былъ машинистомъ и жилъ гдѣ-то въ другомъ городѣ.

Огарковъ она любила не меньше, чѣмъ родныхъ дѣтей. Въ первое время жизни съ Павлихой они долго недоумѣвали, за что она такъ матерински ласкова съ

ними, но потомъ убѣдились, что Павлиха со всѣми обездоленными одинакова, что вмѣстѣ съ ними находили у нея пріютъ и другіе. Эти другіе были—безработная прислуга, которую Павлиха умѣла устраивать. Иногда въ ея кухнѣ находила пристанище и горничная, забеременѣвшая отъ „чистенькаго господина“.

„Чистое общество“ было предметомъ старой огарческой ненависти: отбросы его потребления неизмѣнно попадали къ Павлихѣ, и предъ глазами огарковъ всегда была оборотная сторона „чистенькой жизни“.

Если въ эти минуты приходилъ къ нимъ Митяга—обращать къ „интеллигенціи,“ то не было конца ихъ желчнымъ выходкамъ, сквернымъ словамъ и жестокимъ шуткамъ.

— Женился бы ты лучше, Митяга!—возражали они на всѣ его разсужденія.

— Жениться, — поучалъ ихъ Митяга, — культурному человѣку не такъ просто, какъ, напримѣръ, мужику: надо сначала сойтись характеромъ...

— Конечно!—желчно перебивалъ его Толстый:—вонъ у Павлихи беременная горничная живетъ: какой-то человѣкъ культурный сошелся съ ней характеромъ... Ты, Митя, напечатай объявленіе въ газетѣ: „сходится характеромъ! согласенъ въ отъѣздъ!“

— Хо-хо-хо!—гремѣла фракція.

Нравственный Митяга отплеывался, а огарки злобно хохотали недобрымъ хохотомъ: слишкомъ глубокая была ихъ затаенная, почти органическая, ненависть къ „чистой публикѣ“.

Иногда фракція огарковъ увеличивалась пріѣзжими, бродячими огарками: это были рабочіе, въ родѣ Михельсона, или разночинцы по образу Новгородца, отправляемые въ ссылку и возвращавшіеся изъ нея, или просто гонимые судьбой и безпокойствомъ своихъ натуръ.

Каждый изъ нихъ жилъ во „фракціи“ нѣсколько

дней и затѣмъ исчезать навсегда. Появляясь, они приносили письма и вести отъ какихъ-то далекихъ огарческихъ друзей, разбросанныхъ по различнымъ окраинамъ Россіи: пріѣзжали съ Кавказа и Крыма, изъ Малороссіи и Польши. Путники эти были, большею частью, рваные, запыленные, обожженные солнцемъ.

Входя, они спрашивали Толстаго и подавали ему измятое, засаленное въ дорогѣ письмо. Толстый, съ важностью кошевого атамана развалился на стулѣ и посаывая трубку, углублялся въ чтеніе, а новоприбывшій стоялъ передъ нимъ подъ испытующими взорами огарковъ.

Толстый прочитывалъ письмо, задавалъ гостю нѣсколько краткихъ вопросовъ о какихъ-то ему одному извѣстныхъ людяхъ и затѣмъ уже торжественно „принималъ“ его въ „лоно“ фракціи.

И гость съ первыхъ же словъ оказывался чистокровнѣйшимъ „огаркомъ“. Можно было думать, что на Руси огарковъ много, что „фракція“ эта существуетъ во всѣхъ климатическихъ поясахъ Россіи: видно было, что огарки иногда сидятъ въ тюрьмахъ и выходятъ изъ нихъ, отправляются въ Сибирь и возвращаются изъ Сибири, имѣютъ своихъ вожаковъ и атамановъ, содержатъ своихъ безработныхъ и всячески помогаютъ другъ другу, но продѣлываютъ все это самостоятельно, безъ особой организаціи и какъ бы тайно отъ интеллигенціи. За вѣншине разгульной и непутовой огарческой жизнью чувствовалась другая, внутренняя жизнь, строго скрываемая, но полная значенія для нихъ.

И она, эта скрытая, обособленная жизнь, только что зарождавшаяся въ самомъ сердцѣ рабочаго класса, эта близость къ рабочимъ и давала огаркамъ ту гордую самонадѣянность и чувство собственнаго достоинства, которыя отличали ихъ повсюду среди всѣхъ людей.

Всѣмъ огаркамъ все-таки хотѣлось выбиться изъ „вертепа Венеры погребальной“. Они вѣчно мечтали объ

этомъ, строили планы, хватались за всякій удобный случай. Но удобные случаи почти всегда оказывались неудобными для огарковъ. Толстый давно уже былъ изгнанъ изъ богатаго дома Гаврилы, котораго онъ готовилъ было куда-то, и потерялъ цѣнный урокъ, поссорившись съ его отцомъ: открылось, что, по наущенію Толстаго, Гаврила покупаетъ запрещенныя книги. Кузнецъ Соколъ былъ выгнанъ съ завода и уѣхалъ „въ степь“. Остальные мечтали „податься на низовье“, „на Кубань“, „гдѣ вольныя земли“, думая, что „тамъ“ будетъ лучше. Съверовостоконъ пилъ водку ковшомъ и ждалъ, не проѣдетъ ли мимо гастролирующая опера, чтобы „опять пошататься“.

На темной стѣнѣ вертепа у нихъ было единственное украшеніе—большая фотографическая карточка никому изъ нихъ неизвѣстнаго города, снятаго съ птичьяго полета: за городомъ до самаго горизонта тянулась не то степь, не то пустыня, а подъ карточкой размашистымъ твердымъ почеркомъ Ильи Толстаго было написано: „вольныя земли“.

Въ рѣдкія минуты скуки, грусти и общаго молчанія они, сидя вокругъ стола, иногда подолгу смотрѣли на этотъ неизвѣстный городъ, и лица ихъ дѣлались грустными, задумчивыми... Каждый думалъ о многомъ, о проклятомъ, вездѣсущемъ гнетѣ жизни и мечталъ о вольной свободной сторонѣ, дороги въ которую никто изъ нихъ не зналъ...

Въ одинъ изъ такихъ черныхъ, скучныхъ дней, когда огаркамъ еще съ утра нечего было ѣсть, Толстому выпало небывалое счастье: черезъ какое-то знакомство ему предложили урокъ на сто рублей въ мѣсяцъ „въ отъѣздъ“, въ аристократическое семейство, уѣзжавшее на все лѣто въ свое родовое имѣніе.

Фракція была въ восторгѣ. Толстый великодушно обѣщавъ взять сто рублей задатку и оставить его товарищамъ, а затѣмъ „порѣзвась“, „улетѣть въ сіяны голубого

дня“ „на солнышкѣ покорячиться“. Нужно было только пойти, представиться, условиться и взять задатокъ.

Вся фракція одѣвала Толстаго: на него надѣли чистую парусиновую блузу, Сѣверовостоковъ далъ ему почти новые брюки, поясъ, широкополую шляпу. Павлиха вымыла ему ноги, дала чистые портянки, а опорки вычистила ваксой: въ такомъ костюмѣ Толстый выглядѣлъ внушительно.

— Облече-бо ты въ ризу спасенія и одеждою всеелія одѣвай тя!—гудѣлъ пѣвчій, одѣвая товарища.

— Ужгу я ихъ блузой-то!—говорилъ Толстый самоувѣренно.

— Ну, тоже и противъ такихъ опорковъ не всякое дамское сердце устоитъ!—любовалась имъ фракція.

— И брюки къ лицу!

— Адю!

Толстый сдѣлалъ прыжокъ балерины, послалъ на обѣ стороны поцѣлуй и „улетѣлъ,“ „какъ птичка“.

Черезъ часъ онъ вернулся назадъ мрачнѣе тучи. Уже по лицу его видно было, что Толстый провалился.

— Все къ чорту!—бурчалъ онъ, переодѣваясь въ свой домашній костюмъ, т. е. надѣвая феску и мало-россійскіе штаны:—потерпѣлъ фіаско!

— Изъ-за чего же?—изумились огарки

— Изъ-за фрака! Совсѣмъ было кончили разговоръ и сто рублей получилъ, какъ вдругъ мнѣ: „еще одно маленькое условіе: къ обѣду вы должны непременно во фракъ выходить“... Ну, я и отказался отъ урока.

Огарки прыснули.

— Да что же ты это?

Какъ ни золь былъ Толстый, но вся эта исторія представилась ему съ комической стороны.

Въ фескѣ на бекрень, въ запорожскихъ штанахъ и опоркахъ онъ сталъ передъ фракціей и началъ оправдываться.

— Не могу я во фракъ, господа! во фракъ я буду чувствовать себя, какъ Венера, выходящая изъ воды!  
И Толстый представилъ Венеру.

Огарки загрохотали.

— И фиговымъ листкомъ буду закрываться!

И опять изобразилъ всей своей фигурой, сколь стыдливо онъ будетъ закрываться, если надѣнетъ фракъ.

— Хо-хо-хо! — непрерывно ржали огарки надъ каждымъ его словомъ и тѣлодвиженіемъ.

— Вотъ тебѣ и покорячился на солнышкѣ!

— Улетѣлъ въ сіяньи голубого дня!

— Въ брюхѣ-то у всѣхъ ни гусиной шеи! Хо-хо-хо!

— Ухъ, какъ жрать хочется! кажись, топоръ бы съѣлъ!

— Топоръ не топоръ, а мѣдный ключикъ переварю! — похвалился Толстый.

— Въ семь часовъ Михельсонъ придетъ! — уповающе воскликнулъ кто-то: — денегъ принесетъ!

— Въ семь! съ утра ни чорта не жрали, а теперь только пять! вонъ въ соборѣ ко всенощной ударили! Балбесъ, орать идешь?

— Иду! — прогудѣлъ Балбесъ, надѣвая шляпу: — восхваляю Бога моего дондеже есмь!

— Хвали съ голоднымъ брюхомъ! Не пошлетъ ли тебѣ Господь кошку! Небось, Гурияшка-то будетъ слушать сытъ и пьянъ и носъ въ табакѣ?

— Не ядый ядушаго да не осуждаетъ! — басомъ изрекъ пѣвчій: — и не пійяію пійюшаго — такожде!

— Не пійяію! — съ тоской загудѣли огарки, поджимая животы.

Сѣверовостоковъ ушелъ.

Съ улицы доносились торжественные удары соборнаго колокола.

— Сходите хоть разъ въ церковь-то! — вмѣшалась Павлиха: — и я бы пошла! Некогда мнѣ съ вами, грѣховодниками, и Богу-то помолиться!

Толстый хлопнулъ себя по лбу.

— Прекрасная мысль! — воскликнулъ онъ съ пафосомъ:—постоймъ до семи въ соборѣ, послушаемъ, какъ Степка на клиросѣ горло дереть, подобно влюбленному ослу,—про ѣду-то и забудемъ!

— Идемъ! — согласилась фракція.

Всѣ они отправились въ соборъ: впередъ шель Толстый съ Павлихой подъ ручку, а за ними Сашка, Новгородецъ и Пискара.

Но въ церкви всѣхъ ихъ и даже Павлиху насмѣшили Толстый.

Въ громадномъ соборѣ при началѣ всенощной молящихся было мало. Голоса хора гулко перекатывались подъ высокими сводами, а всѣ звуки подавлялъ мощный басъ Сѣверостокова: онъ пѣлъ, какъ артистъ, выразительно отчеканивая каждое слово.

Благослов-ви... душе моя... Го-спода!..

торжественно гремѣло въ куполѣ.

Одѣйся свѣтомъ, яко ризою...

Бездна яко риза... одѣяніе...

Запоминались огарками отдѣльныя красивыя слова.

Толстый всталъ впереди всѣхъ и такъ усердно молился, что ежеминутно клалъ земные поклоны, словно хотѣлъ ими заглушить плотскія требованія желудка. Но, опускаясь на колѣни и склоняясь къ холодному каменному полу, онъ однимъ глазомъ выразительно глядѣлъ межъ своихъ ногъ на стоящую позади и непривычную къ церкви фракцію. Этотъ молчаливый, серьезный и внимательный глазъ какъ бы заглядывалъ въ ихъ души, сознавался въ безсиліи молитвы и словно хотѣлъ сказать: „а ѣсть-то все-таки хочется!“

И чѣмъ сильнѣе молился искуситель, тѣмъ болѣе уничтожалъ молитвенное настроеніе фракціи. Улыбну-

лась даже Павлиха. „подбулавленная“ въ черный новый платокъ.

А на клиросѣ читали:

Вино веселить сердце человѣка,  
И хлѣбъ сердце человѣка укрѣпить...

Народу въ соборѣ все прибавлялось, хоръ гремѣлъ, сѣдой протодьяконъ внушительно ревѣлъ, на амвонѣ показался архіерей Гурій и благословилъ народъ, а всю фракцію уже началъ душить хохотъ, вызванный усердною, но безуспѣшной молитвой Толстаго.

Наконецъ, стало неприлично оставаться въ церкви, и компанія поспѣшила выйти.

Предаться религіозному настроенію никому не удалось, зато всѣ развеселились и, смѣясь надъ Толстымъ, легче переносили голодъ.

Такъ прошло время до семи часовъ.

Едва они успѣли возвратиться домой, какъ пришелъ Михельсонъ съ получкой за недѣлю.

Павлиха затопила печь, и голодающая фракція приняла участіе въ изготовленіи ужина.

— Илюша!—доносился изъ кухни озабоченный голосъ Павлихи, хлопотавшей около печи:—поди-ка, погляди, такъ что ли я дѣлаю?

Толстый имѣлъ откуда-то кулинарныя познанія, умѣлъ „дѣлать“ коньякъ изъ водки и сахара, а въ денежные дни училъ Павлиху стряпать какія-то особенныя кушанья.

— Сейчас!—притворнымъ голосомъ и въ тонъ ей отвѣчалъ онъ, запуская въ бездонный карманъ мало-россійскихъ штановъ пустую бутылъ отъ водки и ловко выльзая со стола въ окно.

Онъ исчезъ, какъ духъ, сопровождаемый благодарными взорами молчаливой фракціи.

Черезъ пять минутъ Толстый возвратился тѣмъ же путемъ съ наполненной бутылкой.



Какъ разъ въ этотъ моментъ Павлиха опять позвала его:

— Ильюша! поди-ка, говорю, суды!

Толстый отправился къ ней.

— Вотъ такъ... а это... сюда... поставить на вольный духъ...

Глубокомысленно доносился его смакующей голосъ.

Когда Павлиха вошла въ комнату съ большой дымящейся миской въ рукахъ,—она чуть не вскрикнула: всѣ огарки съ невиннымъ озабоченнымъ видомъ пили водку и жевали „плюмъ-пуддингъ“.

— И какой это лѣшій спроворилъ? — возопила Павлиха, крѣпко поставивъ миску на столъ и всплеснувъ руками: — ужъ я сама у порога караулила! ни одного пса бы изъ избы не выпустила!

Огарки глухо ржали съ набитыми ртами.

-- Ладно, ладно колесить-то тебѣ, гнусная старушонка, хромой велосипедъ, чортова перешница, старая корга! небось и самой-то, старой ханжѣ, выпить хочется?

Началась обычная сцена.

Въ самый разгаръ „выпрашиванія пятіалтыннаго“ появилось новое лицо—художникъ Савоська.

Онъ былъ поразительно малаго роста, почти пигмей, но сложенъ крѣпко.

Его костюмъ составляла измятая шляпенка, рубашка „фантазія“, коротенькій пиджачокъ съ жилетомъ и запачканныя красками брюки, заправленные въ высокіе охотничьи сапоги. Физиономія Савоськи походила на лягушечью: широкій чувственный ротъ, выпученные рачьи глазки въ очкахъ и тоненькіе жиденькіе усишки, задорно закрученные кверху. Въ цѣломъ онъ былъ похожъ на фавна изъ дѣтской сказки и на „кота въ сапогахъ“.

Въ одной рукѣ Савоська держалъ подъ мышкой складной мольбертъ, а въ другой—ящикъ съ красками.

Художникъ нѣсколько мгновеній постоялъ у порога, укоризненно покачалъ своей круглой головенкой съ отросшими до плечъ прямыми сѣрыми волосами и произнесъ какимъ-то уморительно-важнымъ, квакающимъ тономъ:

— О, изверги рода человѣческаго! доколѣ вы будете трескать винище и пивище?

Онъ поставилъ у порога атрибуты своего искусства и продолжалъ:

— Истинно, говорю вамъ: не войдете вы въ царствіе небесное и не будете тамъ вмѣстѣ съ херувимами и серафимами восклицать: „осанна!“ Ибо сказано: трудно пьяному сквозь игольное ухо пролѣзть! Что вы тратите свои молодыя силы у дверей кабаковъ, грязныхъ, прокопченныхъ табачнымъ дымомъ и людскимъ неряшествомъ? Оглянитесь, бѣдные, блѣднолицыя братья мои! Посмотрите на меня: водка не искушаетъ меня, ибо ужасные примѣры предъ моими глазами! Гнусень грязный видъ рванаго огарка, глаза его, какъ у слѣпого, и мрачна душа его, и хочется плакать надъ нимъ и говорить: братъ! вотъ далъ Богъ тебѣ отъ рожденія душу чистую—и что сдѣлалъ ты съ нею? какой отвѣтъ дашь ты Ему? „Пропилъ, Господи!“ трясаясь и стоная, отвѣтишь ты...—Братцы, поднесите рюмочку, съ большаго я похмѣлья и, кажется, избить былъ вчера — кѣмъ-то!—неожиданно заключилъ Савоська...

Быстро перемѣнивъ тонъ, художникъ уже сидѣлъ за столомъ среди огарковъ и тянулся къ рюмкѣ.

Огарки смѣялись.

— Откуда ты это, Савося, съ такими сентенціями?—иронически спросилъ его Михельсонъ.

Савоська важно развалился на стулѣ, засунулъ руки въ карманы брюкъ и, пережевывая „плюмъ-пуддингъ“, квакалъ:

— Съ этюдодъ... шатался по Жигулевскимъ горамъ...

а сюда привезъ полотно на выставку... цѣлый мѣсяць мазалъ... шаркнулъ я, братцы, такую картинищу—ого! угадайте сюжетъ!

— А чего тутъ угадывать? — вмѣшался Толстый: — вѣдь ты давно собирался писать картину на тему: „Хамъ, насмѣхающийся надъ своимъ отцомъ, пьянымъ Ноемъ“.

— Хо-хо-хо!

— А вотъ и нѣтъ!—возразилъ Савоська:—такой неприличной сцены я писать не собирался! Я написалъ картину „Волки“.

— Это что же за картина?

— Это? — Савоська воодушевился. — Это — зимняя ночь въ степи. Темное-темное беззвѣздное небо... темная даль... только зимняя холодная луна однимъ краешкомъ освѣщаетъ снѣжную равнину... снѣгъ такой чистый, влажный, холодный... и мгла ночная тоже написана холодными тонами. Холодно... грустно... одиноко. А на дорогѣ стоитъ волкъ. Такой матерый, старый волчище... Худой, голодный. Онъ весь сжался въ комокъ, согнулся и стоитъ, поджавши хвостъ, но щелкая зубами... Понимаете? поджавши хвостъ,—н-но—щелкая зубами!..

Савоська увлекся и, жестикулируя, изображалъ изъ себя волка.

Огарки, улыбаясь, слушали и ѣли.

— Хорошо теперь овцамъ!—думаетъ волкъ:—живутъ они въ теплой закутѣ, спятъ въ тепломъ навозѣ, плодятся и ѣдятъ теплый, готовый кормъ... Э! не бѣда, что ихъ стригутъ,—шерсть опять отростаетъ,—что ихъ караулятъ собаки, эти подлая твари, продавшіяся челоуѣку за кусокъ хлѣба, вѣдь овцы не нуждаются въ свободѣ! проклятыя! онѣ не знаютъ волчьей свободы, волчьихъ страданій!.. Онѣ сыты! всегда — сыты! О! такъ бы ихъ всѣхъ и перерѣзалъ; впился бы

острыми, какъ пила, зубами въ глупое овечье горло, пилъ бы кровь и приговариваль: а! вы сыты! вы счастливы въ вашемъ подломъ навозѣ! подлыя, глупыя, рабскія—твари!

Такъ думаль волкъ, поджавши хвостъ и щелкая зубами.

— Здорово!—одобряли огарки.

— Но вотъ онъ повель носомъ... чѣмъ-то пахнетъ... онъ видитъ — на снѣгу чернѣетъ что-то... такъ... это падалъ, почти занесенная снѣгомъ... Э!.. поѣмъ хоть падали... А на горизонтѣ, далеко-далеко мелькаютъ парами огненные точки — волчьи глаза... слышенъ голодный вой... волкъ озирается... длинная мокрая шерсть встаетъ на его худомъ хребтѣ... Вотъ вдали мелькнулъ волчій силуэтъ... Э!.. придется подѣлиться...

Савоська щелкнулъ зубами.

— Вотъ моя картина! — торжественно воскликнулъ онъ.

— Разказано хорошо, а вотъ какъ все это на картинѣ—неизвѣстно...—подразнилъ Михельсонъ.

— Э!—гордо квакнулъ Савоська:—не знаете что ли вы мою кисть? Написано моимъ широкимъ мазкомъ... да... Это, впрочемъ, не важно, какъ написано: главное—замыселъ, идея! Это — просто небольшой этюдъ, а у меня, вѣдь, пристрастіе къ большущему полотну! Ты мнѣ дай полотно въ нѣсколько сажень, тогда я шаркну картинищу! А можетъ быть, что я совсѣмъ и не художникъ, а будущій великій декораторъ! А можетъ быть — поэтъ? Чортъ меня знаетъ? Я не могу вполнѣ отдаться живописи—она не удовлетворяетъ меня! Мнѣ вотъ хочется стихи писать; разныя сказки и разказы лѣзутъ въ башку!

— Знаемъ!—со смѣхомъ прервали Савоську:—изъ лягушиной жизни! слышали!

— Или изъ быта африканскихъ львовъ!

— Нѣтъ, въ прошлый разъ онъ хорошо разсказаль „комариное засѣданіе на болотѣ“.

— Хо-хо-хо!

— Э!—самодовольно квакнулъ Савоська.—Я не люблю людей, я люблю животныхъ, люблю насѣкомыхъ, пресмыкающихся, птицъ и звѣрей... Шатаюсь по лѣсамъ и болотамъ, я подружился съ ними, я знаю ихъ душу, ихъ мысли, жизнь, борьбу, любовь и маленькія звѣринныя драмы!.. Я много могу о нихъ разсказать!

— А ну, разскажи что-нибудь...—лѣниво отозвались огарки:—изъ быта африканскихъ львовъ...

Послѣ ужина они испытывали чувство неопредѣленной, знакомой тоски: денегъ не было, идти было некуда, дѣлать—нечего, всѣ чувствовали, какъ давить ихъ проклятый „вертешъ Венеры погребальной“.

Огарки разбрелись по угламъ подземелья: кто прилежъ, кто сѣлъ на убогую постель, кто угрюмо слонялся изъ угла въ уголь.

Толстый сидѣлъ у стола и задумчиво сосаль длинный чубукъ.

Пигмей помѣстился на полу, у ногъ его, облокотился на колѣно гиганта и, глядя ему въ глаза, началъ разсказывать.

Жестяная лампа слабо мерцала на столѣ, рождая въ черномъ, печальномъ подвалѣ трепещущія, молчаливыя тѣни, которыя, вмѣстѣ съ неясными фигурами людей, словно прислушивались къ звукамъ голоса почти одичавшаго, лѣснаго человѣка.

— Э!—квакалъ онъ, улыбкой фавна раздирая лягушечій ротъ свой почти до ушей:—какъ хороша африканская пустыня на закатѣ солнца! Багрянымъ шаромъ погружается солнце на горизонтѣ въ раскаленные волны песку, и молчитъ кругомъ великанша-пустыня. Только около крохотнаго оазиса, у маленькой вѣчно мутной лужицы, стоятъ высокія тонкія пальмы и, ше-

веля своими головками, съ мольбою смотрять на небо... А небо?.. Безжалостно и жестоко вѣчно-ясное небо пустыни!..

Вотъ пробѣжало на водопой стадо хорошенькихъ антилопъ... Темнѣеть. Становится прохладнѣе...

Савоська величественно протянулъ передъ собой руку и продолжалъ, вдохновляясь:

— Подуль... сухумъ...

— Можетъ быть, самумъ?—поправилъ изъ угла ядовитый теноръ Михельсона.

— Рахатъ-лукумъ!—добавилъ кто-то.

Всѣ засмѣялись. Савоська пришелъ въ бѣшенство.

— Не перебивайте меня!—крикнулъ онъ, гнѣвно топнувъ ногой:—ну, самумъ, ну, что же изъ этого? Художникъ имѣеть право не знать географіи! Вѣдь я же не былъ въ Африкѣ! Я напрягаю мою фантазію, когда переносу васъ отсюда въ Сахару, въ быть и нравы африканскихъ львовъ, а вы меня перебиваете! не буду рассказывать!

— Ну, ну, Савоська, не ужди!

Савоська съ минуту помолчалъ. Гнѣвъ его отошелъ.

— Расскажу вамъ другое... О слонѣ...—примирительно началъ онъ.—Огромный сѣрѣй индійскій слонъ тяжело ступалъ по дорогѣ своими могучими лапами... На спинѣ его колыхалась роскошная палатка, въ палаткѣ сидѣлъ принцъ съ принцессой и дѣтьми, а около головы слона сидѣлъ назойливый человѣчекъ съ острымъ молоточкомъ и пребольно постукивалъ слона по затылку. Слонъ давно уже привыкъ возить на себѣ принца и давно притерпѣлся къ назойливому человѣчку, но сегодня ему было особенно грустно...

Дорога шла къ старому тропическому лѣсу, о которомъ въ душѣ слона еще хранились смутныя дѣт-

скія воспоминаія: онъ помнилъ, какъ еще маленькимъ слоненкомъ взять былъ въ этомъ привольномъ лѣсу, полномъ чудесъ, и съ тѣхъ поръ жизнь его полна несчастій: его приучили возить на спинѣ палатку, ему постоянно стучали по головѣ острымъ молоточкомъ...

Но лѣсъ, таинственный лѣсъ внезапно пробудилъ въ немъ глубокую тоску по свободѣ, по веселому, умному стаду свободныхъ слоновъ.

Слонъ шагаль по опушкѣ лѣса и, хмурия брови, думалъ: „Э! Неужели всѣ слоны возять на себѣ принца? Неужели такъ-таки и необходимо повиноваться этому ненавистному маленькому человѣчку, котораго можно было бы сбросить самымъ легкимъ ударомъ хобота?.. Какъ хорошъ лѣсъ! какъ хорошъ лѣсъ! Э!“

Слонъ шагаль черезъ лѣсную поляну. Могучія деревья шумѣли подъ вѣтромъ, по гибкимъ лианамъ лазили проворныя обезьяны, дразнили его и убѣгали на верхушки лѣса, разноцвѣтные попугаи висѣли на вѣтвяхъ внизъ головой и смѣялись надъ нимъ.

Слонъ шагаль и хмурилъ брови, палатка мѣрно покачивалась на его могучемъ хребтѣ, а назойливый человѣчекъ все стучалъ ему по затылку острымъ молоточкомъ, все стучалъ, все стучалъ...

Вдв-ругъ...—Савоська опять величественно вытянулъ передъ собой руку и восторженно продекламировалъ:— изъ опушки лѣса на поляну вышелъ и остановился въ изумленіи прямо передъ нимъ—молодой, прекрасный, д-ди-кій б-бѣл-лый сл-лонъ!..

— До бѣлыхъ слоновъ довраляся!—не выдержаль кто-то.

— Да не перебивайте же!—взмолился Савоська:— иначе я ни одного разсказа не кончу! Ну, вотъ, теперь надо опять что-нибудь новое! Поймите же, что, вѣдь, это—импровизація, экспромты! Я и самъ не знаю, что и какъ разскажу и чѣмъ кончу! Ну, слушайте!

— Э! Весело было въ звѣринцѣ: старый хриплый оркестріонъ ревѣлъ на три версты кругомъ, день былъ праздничный, чистая публика гужомъ подходила къ кассѣ, гдѣ продавалъ билеты армянинъ, хозяинъ звѣринца, и двугривенные звонко сыпались въ его шкапулку.

Весело было въ звѣринцѣ: по бокамъ длиннаго сарая стояли огромныя желѣзныя клѣтки съ четверопогими узниками, музыка гремѣла, а чистая публика гуляла, переходя отъ одной клѣтки къ другой и любовалась заключенными. Публику водилъ за собой толстый, рыжій нѣмецъ и ломанымъ русскимъ языкомъ рекомендовалъ каждого звѣря:

— Хорекъ! ошинъ злѣбни! воруить яицы!

— Руски волькъ! кровожадни звѣрь...

— Бури медвѣдь!..

Молодой бурый медвѣдь сидѣлъ въ своей клѣткѣ на заднихъ лапахъ, а одну изъ переднихъ протягивалъ къ зрителямъ; онъ просилъ сахару, но кто-то просунулъ ему сквозь рѣшетку палку. Острая морда его была грустна и добродушна.

— Американски павіанъ!

Несчастная чахоточная обезьяна, исхудалая, какъ скелеть, съежившись въ жалкій комокъ, кашляла за рѣшеткой душу раздражающимъ чахоточнымъ кашлемъ и смотрѣла на людей человѣческимъ страдальческимъ взглядомъ изъ глубоко-ввалившихся орбитъ.

— Бенгальски тигръ!—громче обыкновеннаго провозгласилъ нѣмецъ, гордясь этимъ важнымъ и опаснымъ узникомъ.

За рѣшеткой, безостановочно расхаживая взадъ и впередъ, крутился великолѣпный бенгальскій тигръ. Шаги его были беззвучны, всѣ движенія полны эластичности и благородной граціи. Зеленые глаза горѣли неугасимымъ гнѣвомъ.



Онъ съ ненавистью и презрѣніемъ скользнулъ по толпѣ своимъ загадочнымъ, пламеннымъ взглядомъ.

— Проклятые!—словно хотѣлъ онъ сказать имъ:— проклятые! трусы! вѣдь васъ много, а я одинъ! отоприте же клѣтку и тогда открыто помѣряемся силами! О, какъ бы я бросился на васъ! какимъ фонтаномъ брызнула бы ваша подлая кровь изъ-подъ моихъ справедливыхъ лапъ! О! проклятые!

Вдругъ онъ внезапно, какъ молнія, прыгнулъ въ сторону зрителей, вцѣпился всѣми четырьмя лапами въ толстые желѣзные прутья, выпустилъ огромные когти, затрясъ клѣтку и яростно заревѣлъ своимъ могучимъ, наводящимъ ужасъ, голосомъ.

— Проклятые!—слышалось въ этомъ ненавидящемъ ревѣ:—проклятые!..

Савоська стоялъ уже на ногахъ, потрясалъ кулаками въ воздухъ и, блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, сверкая глазами, повторялъ съ глубокой, искренней ненавистью, отъ которой дрожалъ его голосъ:

— Проклятые!..

Въ эту минуту Савоська совсѣмъ не былъ смѣшонъ: онъ захватилъ слушателей. Накопившаяся горечь, многолѣтнія обиды и пламенная жажда мести звучали въ его проклятіяхъ.

Всѣмъ стало немножко жутко.

Жгучая сила ненависти изошла отъ его маленькой, трагикомической фигуры.

Онъ отдышался и, послѣ всеобщаго минутнаго молчавія, продолжалъ болѣе спокойно.

Публика шарахнулась прочь.

— Святъ, святъ, святъ!—прошепталъ кто-то изъ толпы.

А вслѣдъ за смѣлымъ крикомъ тигра сталъ бѣсноваться весь звѣринецъ: всѣ звѣри выли, ревѣли, рыкали, лаяли, визжали и яростно метались въ клѣткахъ. За грознымъ шумомъ возмущенныхъ звѣрей не слышно стало музыки.

Тогда раздался, наконецъ, голосъ льва. До этихъ поръ онъ спалъ, положивши голову на лапы. Словно громъ, прокатилъ голосъ царя по всему звѣринцу, и всѣ узники сразу смолкли, внимая царственному слову.

— Довольно!—гремѣло рыканіе льва:—замолчите! не всѣ же наши сидятъ за желѣзной рѣшеткой! еще много есть тигровъ, барсовъ, львовъ и леопардовъ тамъ, на волѣ! замолчите же и не беспокойте меня!—сказалъ, легъ, вытянулъ переднія лапы, опять положилъ на нихъ свою косматую мощную голову и закрылъ глаза.

Наступило глубокое молчаніе. Всѣ нерольно почувствовали бессознательный символизмъ Савоськиныхъ разсказовъ.

— Савоська!—съ важностью вымолвилъ Толстый:—у тебя есть несомнѣнное перо!

— Навѣрное!—охотно согласился Савоська:—я иногда и стихи пишу. Хотите—прочту!

— Валяй!

Савоська опять усѣлся у ногъ Толстаго, облокотился на его колѣно и сталъ читать тихимъ, размѣреннымъ голосомъ:

Я не любилъ, какъ вы, ничтожно и безстрастно,  
На время краткое, безъ траты чувствъ и силъ,  
Я пламенно любилъ, глубоко и несчастно—

Безумно я любилъ.

Я весь былъ для нея, и отъ нея все было,  
И вся моя душа стремилась къ ней, любя  
Я воспѣвалъ ее.. Она, смѣясь, твердила:

Я не люблю тебя.

Я звалъ забвеніе. Покорный волъ рока,  
Безцѣльно я бродилъ съ мятежною душой,  
Но всюду и всегда, преслѣдуя жестоко,

Она была со мной.

Я проклиналъ ее и съ бѣшеною силой  
Искалъ всесильнаго забвенія въ винѣ...

Но и въ парахъ вина являлся образъ милый

И улыбался мнѣ.

И въ рѣдкіе часы, когда, людей прощая,  
 Я снова ихъ люблю, имъ отдаю себя,  
 Она—является и шелчетъ, повторяя:  
 Я не люблю тебя!

Савоська вздохнулъ и еще разъ горько прошепталъ:

Я не люблю тебя!

Въ эту минуту вошелъ Сѣверовостоковъ, успѣвшій послѣ всеобщей гдѣ-то выпить. Отъ него исходилъ легкій водочный ароматъ, а голосъ звучалъ задушевною любовью къ товарищамъ.

— Братіе!—загудѣлъ онъ:—не знаю, какъ вы, а я выпилъ съ отцами дьяконами и регентомъ Спиридономъ Косымъ въ задней комнатѣ у Капитошки—тайно образуяще и трисвятую пѣснь припѣвающе...

Онъ оглядѣлъ скучающую фракцію и покрутилъ головой.

— Эге! душа ваша—яко кожа! Что же вы тутъ сидите? Пойдемте въ садъ: сегодня вечеръ—благоприятное воздуховъ! А! Савоська, здравствуй!..

— Въ самомъ дѣлѣ! зашевелились огарки:—въ садъ! въ садъ! чортова скучища здѣсь!

— Сквѣрна квѣртира!—отозвался даже вѣчно безмолвный Пискара.

И они пошли въ садъ.

Тамъ они сѣли всѣ въ рядъ, на своей скамейкѣ, въ темной аллеѣ, и погрузились въ молчаливыя думы. Весенняя ночь была теплая, черная, небо—почти безъ звѣздъ. Сквозь вѣтви сіяли огни курзала, и слышалось гудѣніе „гуляющей“ чистой публики.

— Проклятые!—все еще шепталъ Савоська, стискивая зубы.

Вдругъ заигралъ оркестръ. Огарки насторожились. То была „прорѣзающая“.

На фонѣ плавно-густыхъ, нѣжно-стройныхъ звуковъ

вдругъ взвился вопль первой скрипки и уже не умолкалъ до конца пьесы. Скрипка пѣла и плакала, прорѣзая своимъ гибкимъ голосомъ весь оркестръ, словно вырвался голосъ ея изъ глубины души и запѣлъ о какой-то великой обидѣ, словно безвозвратно и непоправимо погубило что-то увидительно-чистое, рѣдкое и важное для всѣхъ. И скрипка, плача, требовала, чтобы весь оркестръ остановился и выслушалъ ее... Но онъ мѣрно и стройно плыль, какъ плыла внизу спокойная Волга.

И огаркамъ казалось, что безпокойно прорѣзающая оркестръ скрипка поеть о неудачничествѣ, о лишннихъ людяхъ, объ униженныхъ и оскорбленныхъ, о незамѣченной никѣмъ, оклеветанной и растоптанной огарческой жизни. Затаивъ дыханіе, блѣднѣя и волнуясь, съ трепещущимъ сердцемъ слушали они эту музыку.

— Чортъ возьми!—со вздохомъ вырвалось у кого-то изъ нихъ.

— Хотя бы узнать какъ-нибудь, что это за вещь? въ чемъ тутъ дѣло? отчего она такъ забираетъ?

— Я знаю! вспомнилъ!...—прогудѣлъ въ темнотѣ голосъ Сѣверовостокова:—это — изъ Риголетто! это — проклятiя Риголетто!

Тогда всѣ огарки хоромъ прошептали:

— Проклятiя Риголетто!

И задумались.

Они долго и мрачно молчали и все смотрѣли туда, гдѣ сквозь вѣтви аллеи горѣли огни и гудѣла чистая публика.

— Проклятые!—стиснувъ зубы и грозя кому-то кулакомъ, шепталъ Савоська.

Осенью, съ послѣдними пароходами, Михельсонъ и Новгородецъ „подались на низовье“, „на вольныя земли“, Сашка уѣхалъ въ Сибирь искать счастья „на новыхъ мѣстахъ“, Митяга накопилъ денегъ и тоже уѣхалъ—

за границу, Пискра смѣшно женился на русской бойкой мѣщаночкѣ, „перемѣнилъ квартиру“ и разнакомился съ огарками.

Зато возвратился Сокдль, остались такіе „столпы“ фракціи, какъ Толстый и Сѣверовостоковъ, и съ ними стали жить Савоська, промышляя „по декораторской части“. Запилъ Небезызвѣстный и почти не разставался съ ними.

Фракція начинала медленно падать и разрушаться, но жизнь ея все еще текла попрежнему, еще былъ порохъ въ ея пороховницахъ, еще крѣпко стояли огарки.

#### IV.

Пришла зима.

Въ пивной Капитошки въ зимній вечеръ набиралось много народу.

Капитошкино „заведеніе“ состояло всего изъ одной тѣсной и низкой комнаты, заставленной круглыми столиками. За этими столиками сидѣли и пили пиво закоптѣлыя фигуры рабочихъ съ ближайшаго завода, налѣво отъ двери помѣщалась стойка, на которой, въ видѣ украшенія, стоялъ маленькій стеклянный аквариумъ съ золотыми рыбками, а за стойкой сидѣлъ „самъ Капитошка“—буфетчикъ въ русскомъ стилѣ, толстый, въ розовой рубашкѣ навыпускъ, въ глухомъ черномъ жилетѣ и высокихъ сапогахъ, степенный, дѣловитый, полный чувства собственнаго достоинства. Изъ „помѣщенія“ были открыты двери въ кухню съ плитой, а за кухней виднѣлись апартаменты Капитошки, откуда по временамъ доносилось пѣніе канарейки.

Въ углу пивной, за большимъ круглымъ столомъ, сидѣли Толстый, Сѣверовостоковъ, Савоська, Гаврила и фельетонистъ Небезызвѣстный. У фельетониста была типично-литераторская наружность: длинные до плечъ

пушистые волосы, козлиная борода, блѣдное лицо съ тонкими чертами и прекраснымъ открытымъ лбомъ.

Въ противоположность косматой шевелюрѣ фигура его была хрупкая, небольшая, изящная. Разговаривая онъ однообразнымъ жестомъ помахивалъ передъ собой правой маленькой, какъ у женщины, ручкой. Лѣтъ ему казалось за сорокъ.

Толстый къ зимѣ отростилъ густые кудри пепельнаго цвѣта и, попрежнему тщательно выбритый, походилъ теперь на хорошаго провинціального актера.

Передъ всей компаніей стояло уже съ дюжину опустошенныхъ бутылокъ пива.

Гаврила пилъ клюквенный квасъ, былъ совершенно трезвъ и очень серьезень. Онъ говорилъ:

— Да-съ, господа! Этотъ спектакль и весь вообще литературный вечеръ въ пользу общества трезвости устраиваю я, а не кто другой! Потому и приглашаю васъ смѣло участвовать! Это, братцы, моя идея! Я имъ покажу, какъ нужно устраивать литературные вечера; я такъ поставлю вечеръ, какъ еще не ставили до меня и не будутъ ставить послѣ меня! Вы только послушайте, какая программа и сколько будетъ участвующихъ: во-первыхъ—пьеса, во-вторыхъ—чеховскій водевиль, а не какое-нибудь старье, и въ-третьихъ—разнообразный дивертисментъ: музыка, пѣніе, чтеніе!...

— Кто же участвующіе?

— Участвующіе? Пьесу будетъ играть желѣзнодорожный кружокъ любителей, и въ ней примутъ участіе изъ насъ только двое: я и Савоська. Савоська будетъ играть еврея, а я сыграю пьянаго. Чеховскій водевиль, въ родѣ монолога, сыграетъ Илюша, а вотъ на дивертисментъ-то я и приглашаю васъ всѣхъ! У насъ приглашена уже извѣстная пѣвица Соловьева-Перелетова, будетъ читать одинъ декламаторъ изъ адвокатовъ, Степанъ Сѣверовостоковъ выступитъ соло съ

хоромъ, да и господинъ Небезызвѣстный согласились прочитатъ своего „Илью Муромца!“

— Такъ въ чемъ же теперь дѣло? въ псевдонимахъ?—квкнулъ Савоська.

— Да, въ псевдонимахъ!—задумчиво подтвердилъ Гаврила:—не могу же я, антрепренеръ, выводить васъ въ качествѣ огарковъ: пусть думаютъ, что вы какіе-нибудь пріѣзжіе.

Взоры всѣхъ обратились къ Толстому.

— Кто же лучше Илюшки выдумаетъ? Ни у кого нѣтъ такихъ словъ, какъ у него. Выдумывай, Толстый!—гудѣла фракція.

Толстый побарабанилъ пальцами по столу.

— Что жъ тутъ выдумывать?—возразилъ онъ:—кто еще кромѣ насъ участвуетъ въ дивертисментѣ?

— Одинъ частный повѣренный, ходатай по дѣламъ...

— Ну, вотъ и пиши такъ: при благосклонномъ участіи адвоката Ходатай-Карманова, литератора Самъ-Другъ-Наливайко, пѣвца Степана Балбесова, а самъ подпишись: антрепренеръ и распорядитель Плачь-Гаврилинъ.

Всѣ засмѣялись.

— Почему же „Плачь“? — спросилъ Гаврила, невольно улыбаясь и все-таки записывая въ книжку „псевдонимы“.

— Да, вѣдь, ты же всегда плачешь, когда бываешь пьянъ!

— Вѣрно!—согласился антрепренеръ:—потому я и перешелъ на квасъ...

— Какъ вы себя чувствуете на квасу?—галантно спросилъ его Небезызвѣстный.

— Отлично!—отвѣчалъ Гаврила:—я въ первый разъ въ жизни отвѣдалъ этотъ напитокъ.

— Неужели, братцы, у него эта квасопійство сдѣлается хроническимъ?

— Ну, вотъ еще!—возразилъ Толстый:—съ какой

статя? Вотъ, Богъ дастъ, проводимъ литературный вечеръ и тогда... опять...

Онъ запнулся, подыскивая словцо позабористѣе.

— Опять.... какъ-нибудь его.... встрѣтимъ!

— Ну, нѣтъ, не встрѣтите!—нервно воскликнулъ Гаврила:—для меня этотъ литературный вечеръ—важное дѣло; послѣ него я поднимусь... и брошу пьяную жизнь!...

— Дай Богъ!—со вздохомъ пожелалъ Толстый.

— Ну, а тебя-то какъ записать?—спросилъ Гаврила, тыкая карандашомъ Толстому въ брюхо.

— Меня?

Толстый задумался.

Потомъ тряхнулъ кудрявыми волосами и сказалъ, раздувъ ноздри:

— Пиши меня крупными буквами: извѣстный артистъ Казбаръ-Чаплинскій проѣдомъ изъ Петербурга въ Сибирь....

Дружный взрывъ огарческаго смѣха покрылъ его слова.

Дверь съ улицы отворилась, впустила цѣлое облако холоднаго воздуха, а изъ облака выдѣлился и подошелъ къ огаркамъ кузнецъ Сокдль.

Онъ былъ все такой же, какъ и лѣтомъ, сильный, черный, въ мѣховомъ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ. Только смуглое лицо его стало еще чернѣе и худѣе, а черные глаза горѣли мрачной печалью.

— Здравствуйте, хлопцы!—звучно сказалъ онъ, протягивая товарищамъ черную, кузнечную лапу.

— Ну, что, какъ твое дѣло?—спросили его.

Сокдль присѣлъ къ столу, отхлебнулъ немного пива, облокотился и вздохнулъ тяжело, глубоко и протяжно. Потомъ скрипнулъ крѣпкими зубами и безнадежно махнулъ рукой.

— Швахъ!—промолвилъ онъ тихимъ голосомъ.

Лицо его было усталое и грустное.



— Совсѣмъ поругался съ купцами. Ходилъ къ фабричному инспектору, сейчасъ отъ него—сюда. И слушать не сталъ! Конченное дѣло, ушелъ я отъ нихъ; теперь только одно осталось—газета!

Сокдлъ грустно посмотрѣлъ на товарищей и, обращаясь къ Небезызвѣстному, попросилъ голосомъ, полнымъ послѣдней надежды:

— Напишите объ нихъ, подлецахъ, въ газетѣ!

Всѣ засмѣялись.

— Крѣпко же васъ они обидѣли, видно?—улыбаясь, спросилъ газетчикъ.

— Обидѣли-то? Да меня всю жизнь, какъ волка, травятъ, душатъ за горло, а теперь вотъ устаю терпѣть! Начальство вездѣ меня знаетъ, ненавидитъ оно меня и на работу нигдѣ не беретъ, даромъ что я по мастерству одинъ изъ лучшихъ считаюсь: думаютъ, что я зачинщикъ и смутьянъ; а, вѣдь, у меня семья—пятеро! Тяжело. Иногда даже такая мысль приходитъ: броситься подъ поѣздъ!

— Ну, что ты, Сокдлъ!—въ одинъ голосъ воскликнули слушатели.

— Да!—мрачно воскликнулъ кузнецъ:—тяжело становится! невмоготу терпѣть! Если бы вы знали,—продолжалъ онъ, понижая голосъ до задушевнаго, грустно-мрачнаго шопота,—если бы вы знали, какая въ нашей жизни, у рабочихъ, борьба идетъ, неустанная, на жизнь и на смерть, какъ никогда ни одной минуты вздыху не знаешь, и какъ со всѣхъ сторонъ норовятъ наступить тебѣ на горло и задушить!

Черные глазищи Сокдла свирѣпо сверкнули.

— Я бы ихъ,—прошепталъ онъ тихо, но съ такой злобой, которая могла накопиться только годами, подавляемая, но хранимая въ глубокой, сильной душѣ,—я бы ихъ схватилъ вотъ такъ за глотку, да и вырвалъ бы ее, глотку-то!

Онъ протянулъ передъ собой свою черную, словно желѣзную, ручищу и сдѣлалъ мощный жестъ, отъ котораго всѣмъ стало немножко страшно.

Капитошка, собственноручно ставившій на столъ свѣжія бутылки, поймалъ его слова, искоса взглянулъ на кузнеца и счелъ нужнымъ правоучительно вставить свое слово:

— Прощать надо... любить и терпѣть... да! а не скандалить! вотъ!

И, не дожидаясь отвѣта, Капитошка съ важностью удалился за буфетъ.

Сокдль тяжело и глубоко погрузилъ свой жгучій взоръ въ наблюдательные глаза фельетониста.

— Терпѣть...—вымолвилъ онъ:—прощать... да надо ли терпѣть-то? можно ли простить это? Да, вѣдь, я же только и дѣлалъ, что терпѣлъ... поневолѣ терпѣлъ и поневолѣ прощалъ, не мстилъ. Только и было моей мести разъ, на молотѣбѣ, въ степи, когда я работалъ у казаковъ... Богатые они, черти, и здоровые... Велѣли они меня работникамъ своимъ связать и связапнаго бить... Да тутъ, на мое счастье, подоспѣли рабочіе мои, артель, работниковъ разогнали, а меня освободили... Хотѣли они и казаковъ, хозяевъ моихъ, вздуть, да я не велѣлъ никого изъ нихъ пальцемъ тронуть, а велѣлъ только всѣхъ ихъ связать. И когда ихъ связали, я далъ имъ каждому по одному разу въ морду, собственноручно далъ, чтобы испытали они на себѣ то же самое, что надо мной выдѣлывали... Вотъ только и было за всю жизнь... а то—никогда не мстилъ...

Глаза его опять мрачно сверкнули, и, поднявшись во весь ростъ, онъ громко и возбужденно заговорилъ своимъ рѣзкимъ, металлическимъ голосомъ, обращаясь къ фельетонисту:

— Вѣдь, вотъ вы пишете—а про что пишете? Заглянешь въ газету—все больше кругомъ да около ходите! А вы бы написали про начальство, да про

купцовъ, про эту мощну расейскую, безславную, дикую, которая весь рабочій людъ гнетъ, мнетъ и бьетъ; про нее бы, грязную и нахальную, написали бы вы, какъ она оскорбляетъ и унижаетъ насъ, да и не понимаетъ еще всей силы униженій нашихъ, потому что у насъ больше чести и уваженія къ человѣку, чѣмъ у нихъ, потому что очень ужъ у нея, у мощны у этой, рабскаго много, чтобъ ей задохнуться въ себѣ самой!

Сокдль поднялъ и показалъ всѣмъ свои здоровенныя ручищи.

— Поглядите на меня,—продолжалъ онъ,—поглядите на эти руки и подумайте: развѣ это не дико, чтобы такой здоровый дѣтина, вотъ съ такими руками, мастеръ своего дѣла, желающій трудится—не находилъ себѣ работы? ну, какъ это понять? Ахъ чтобы ихъ чортъ взялъ въ самое пекло, или бы они намъ хоть это мѣсто, хоть пекло-то уступили, а то мы и на томъ свѣтѣ не поладимъ съ ними!

Онъ тяжело опустился на стулъ и продолжалъ уже тише, сдержаннѣе:

— Вѣдь, они чего хотятъ?

И самъ же отвѣтилъ:

— Чтобы я человѣкомъ не былъ, человѣка во мнѣ топчуть, за человѣка меня не считаютъ! О черти! Никогда я имъ не покорюсь, до могилы бороться буду, не могу не бороться! Вѣдь, и хотѣлъ бы покориться, семья страдаетъ, неповинныя дѣти, пятеро.. н-но... какъ только подумаю переломить себя, переворотить себя наизнанку...

Сокдль скрипнулъ зубами, затрясъ головой и энергично крикнулъ:

— Нѣтъ!

Онъ замолчалъ и вытеръ грязнымъ кулакомъ глаза, на которыхъ внезапно выступили слезы, словно выжатыя изъ сердца желѣзными тисками, и уже чуть

слышно и коротко, но рѣшительно, съ бессознательнымъ драматизмомъ прошепталъ:

— Нѣтъ!

Слезы не измѣнили его лица въ жалкую гримасу: оно попрежнему было мужественное, сильное.

За столомъ наступило общее молчаніе... Всѣ насупились и потянулись къ пиву.

— Знаешь что?—воодушевился вдругъ Гаврила:— поступай къ намъ въ театральные рабочіе? а? Я бы могъ это устроить! Пока идутъ вечера и спектакли—все-таки сколько-нибудь зарабатываешь!

— Господи!—воскликнулъ обрадованный Сокдль:— да я съ радостью, хоть сейчасъ! Вѣдь, ребяташки-то у меня безъ хлѣба сидятъ, Настя плачетъ!..

— Ну, вотъ! пусть не плачетъ. Я тебѣ сейчасъ вечеровой задатокъ выдамъ!

Гаврила порылся въ кошелекъ и вытащилъ трешницу.

— На!—сказалъ онъ:—завтра же являйся въ Народный домъ, будешь тамъ Савоськѣ помогать декорации писать... Въ день спектакля будешь ихъ уставлять, а въ пятомъ актѣ громомъ гремѣть...

— Здорово!—одобрили огарки.

— Вся наша фракція приметъ участіе.

— Не вѣшай голову! чево тутъ? впервой что ли?—ободряли Сокола.

Сокдль внезапно утѣшился.

— Чево мнѣ вѣшать? вотъ!—весело воскликнулъ онъ:—проживемъ!

Онъ „хлопнулъ“ стаканъ пива и добавилъ, вставая:

— Ну, одначе, побѣгу съ трешницей-то: дома ни чаю, ни сахару, ни крошки хлѣба!

Онъ крѣпко пожалъ всѣмъ руки и ушелъ, громко хлопнувъ заиндевѣвшей дверью пивной.

— Сколько лѣтъ ужъ я его знаю!—сказалъ Савоська:—всегда онъ такъ жилъ!

— И все-таки какъ много въ немъ энергіи, — прогу-  
дѣль Сѣверовостоковъ:—и этой постоянной вѣры въ  
будущее!

— Вѣрой живемъ!—сказаль Толстый, барабая паль-  
цами.

— Проклятые!—шепталъ Савоська, наливая пива.

Фельетонистъ Небезызвѣстный всталъ съ полнымъ  
стаканомъ въ рукѣ и постучаль ножомъ по бутылкѣ,  
желая сказать рѣчь. Въ глазахъ его мелькало легкое  
опьянѣніе.

— Дорогіе мои!—началь онъ и сдѣлаль свой обыч-  
ный жестъ маленькой, изящной рукой.—Э... э... дорогіе  
мои, нашъ общій товарищъ, только что ушедшій куз-  
нецъ Соколъ, бросиль мнѣ совершенно справедливый  
упрекъ въ томъ, что наша пресса совсѣмъ не о томъ  
пишетъ, не о важномъ пишетъ, она, бѣдная про-  
винціальная пришибленная пресса! Э... И я совершенно  
согласенъ съ нимъ. Скажу даже болѣе: писаніе въ  
газетахъ отнынѣ я считаю пустымъ и бесполезнымъ  
толченіемъ воды въ ступѣ! д-да-съ!

— Дорогіе мои!—продолжалъ онъ, воодушевляясь и  
все сильнѣе помахивая рукой:—предъ вами стар-рая  
литературная собака, съ вами вотъ уже нѣсколько  
лѣтъ пьетъ по кабакамъ старая водовозная кляча,  
которая однажды сказала сама себѣ: „не хочу возить  
воду“ и распряглась! да-съ!

Голосъ его звучаль рѣзко и до ненужности громко.

— Сегодня объяснился я съ редакторомъ и за-  
явилъ, что выхожу изъ состава сотрудниковъ! Пускай  
поищуть себѣ другого такого водовоза, какъ старикъ  
Небезызвѣстный! Ха! Не могу больше!

Онъ подняль стаканъ кверху, запрокинулъ голову  
и завопилъ:

— Свободы жажду, обновленія хочу! Я имъ тамъ,  
въ редакціи, высказаль сегодня все, сбросиль съ моего  
стола всѣ газеты на полъ, истопталь ихъ ногами и...

ушелъ! Ушелъ на волю! Э! Все живое уходитъ, ищетъ живой жизни, иду и я!..

— Куда же ты идешь, мужественный старикъ?— улыбаясь спросилъ его Толстый.

— Я? Я иду проповѣдывать! Да, на проповѣдь вышелъ я! Пора, давно пора вынести свободное слово прямо на улицу, а не держать его подъ полой, не душить эзоповщиной! Я буду говорить открыто, на площадяхъ, на вокзалахъ, въ вагонахъ, въ пивныхъ—вездѣ, гдѣ встрѣчу толпу: бояться и терять мнѣ нечего! Э, дорогіе мои, вѣдь, все въ прошломъ: восьмидесятыя годы, народничество... любовь.. жена... остроги... ссылка... семь лѣтъ Якутіи... все проходить передъ моимъ умственнымъ взоромъ, какъ сквозь дымку, все позади! Потомъ—крушеніе идеаловъ, гибель вѣры во многое, усталость сердца и—пьянство! Вотъ—жизнь!

— Н-но!—рѣзко и грозно повысилъ онъ голосъ:— не смирился я! Пусть я усталъ, постарѣлъ, измятъ и израненъ, пусть уже отходить мое поколѣніе въ прошлое, но живъ Богъ мой и жива душа моя! Снова вспыхнулъ я и горю послѣднимъ огнемъ моимъ, хочу сжечь остатки жизни моей въ неустанномъ движеніи впередъ, хочу и умереть такъ же ярко, какъ жилъ!

Подъ бр-роней съ простымъ наборомъ,  
Хлѣба кусъ жуя,  
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ  
Дѣдушка Илья!  
И ворчитъ Илья сердито:  
Ну, Владиміръ, что жъ?  
Посмотрю я, безъ Ильи-то  
Ка-акъ ты проживешь?

Ударившись въ стихи, Небезызвѣстный растопырилъ руки и въ полномъ упоеніи возопилъ на всю пивную рѣжущимъ уши голосомъ:

Вновь извѣдаю я, старый,  
Волюшку мою!

Ну же, ну, шагай, чубарый,  
Уноси Илью!

Огарки разразились сочувственным смѣхомъ.

— Дай обнять тебя мужественный старикъ!— те- атрально воскликнул Толстый, раскрывая объятія.

Хрупкое тѣльце „мужественнаго старика“ приль- нуло къ богатырскому брюху Толстаго. Въ этой позѣ двѣ комически несходныя фигуры замерли на минуту, при общей сочувственной улыбкѣ.

— И ты, вѣдь, ушелъ когда-то Илюша? изъ казен- ной-то палаты?—прижимаясь къ Толстому и впадая въ чувствительность, нѣжно спросилъ его бывший фелье- тонисть.

— Ушелъ...—согласился Толстый.

— А кстати, какъ это все случилось?—спросилъ Савоська.—Меня тогда здѣсь еще не было!

— Дорогіе мои!—встрепенулся Небезызвѣстный: позвольте ужъ мнѣ рассказать и выяснить, по моему разумѣнію, всю эту, такъ сказать, эпо-пею Илюшки- ныхъ подвиговъ на государственной службѣ...

Онъ нервно привскочилъ за столомъ, поправилъ очки, невольно и безъ нужды сдѣлалъ странную ужимку, какъ бы собираясь чихнуть, и быстро почесалъ пальцемъ около носа.

— Э... э... дорогіе мои! Дѣло въ томъ, что объ этомъ я даже хочу написать рассказъ... да! Пред- ставьте вы себѣ такую картину: учрежденіе.. чино- вничество... власть и давленіе, такъ называемыхъ, „шишекъ“ и покорная пришибленность мелкихъ со- шекъ... Понимаете, м-мел-кихъ с-сошекъ! Величіе,— съ одной стороны, и трепеть—съ другой. И вотъ въ качествѣ самой мелкой сошки появляется тамъ такая личность, какъ Илюшка Толстый. И обаяніе этой личности оказалось такимъ, что около него мало-по- малу сплачиваются всѣ мелкія сошки и подъ его предводительствомъ вступаютъ въ борьбу съ шиш-

ками. Шагъ за шагомъ завоевываютъ они себѣ чело-  
вѣческія права, научаются сознавать себя силой,  
дѣйствовать заодно. Наконецъ, уже диктуютъ шишкамъ  
свои требованія, а на требованія шишекъ выражаютъ  
свое коллективное не-сог-ла-сі-е или даже порицаніе.  
Однимъ словомъ, все перевернулось—учрежденіе испор-  
тилось! Понимаете, учреж-де-ні-е ис-пор-ти-лось! Ха-ха!  
Шишки оказались подъ контролемъ сошекъ, сошекъ  
стали считать людьми, обращаться съ ними стали  
вѣжливо, стали прислушиваться къ ихъ мнѣніямъ,  
желаніямъ, настроеніямъ. Съ ними стали бороться и—  
не могли побороть! Д-да-съ, дорогіе мои, сошки побѣ-  
дили шишекъ!

Небезызвѣстный отпилъ пива, опять сдѣлалъ гри-  
масу и продолжалъ, махая ручкой:

— И все это, дорогіе мои, сдѣлалъ одинъ чело-  
вѣкъ, потому что мелкія сошки оказались, въ концѣ концовъ,  
все-таки мелкими сошками! Можете представить себѣ  
гнѣвъ начальства и ненависть его къ этому предво-  
дителю сошекъ! Ненависть эта возросла тѣмъ болѣе,  
что выжить его оказалось очень трудно: у него обна-  
ружился геній быстро и талантливо выполнять самую  
трудную, отвѣтственную, самостоятельную работу! Озо-  
лотить можно было такую голову, не передайся онъ на  
сторону сошекъ!

И вотъ, дорогіе мои, со скорбью въ сердцѣ, началь-  
ство должно было держать его на виду, на отвѣтствен-  
ной, важной работѣ, выдавать ему награды и предста-  
влять къ повышенію. Каково это было начальствен-  
ному, отеческому сердцу? какую змѣю отогрѣло оно?

Но тутъ съ героемъ моимъ что-то случилось: за-  
бравши силу и наладивъ своихъ сошекъ, онъ вдругъ  
отчего-то загрустилъ, все бросилъ, ушелъ и—запилъ!

И тогда, дорогіе мои, все моментально принимаетъ  
свой первоначальный видъ, какъ будто сошки имъ  
однимъ и держались: мелкія сошки всѣ бросаются



вразсыпную, теряють все свое значеніе и становятся по своимъ прежнимъ мѣстамъ. И опять, съ одной стороны, неукоснительная строгость, а съ другой—рабская трусость и трепеть!

Небезызвѣстный крѣпко поставилъ на столъ опорожненный стаканъ, который онъ все время своей рѣчи держалъ въ рукѣ, и закончилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Вотъ, дорогіе мои, что значить сильная личность, вотъ тема будущаго моего разсказа: „Шипки и Сошки“.

Онъ снова наполнилъ свой стаканъ, отпилъ, поставилъ его и, помахивая ручкой, продолжалъ:

— И представляется мнѣ, дорогіе мои, жизнь Ильи Толстаго въ такомъ видѣ: вышелъ онъ изъ деревенской земли и, стремясь къ свѣту, алкая какого-то большого, особеннаго дѣла, для котораго онъ родился, проходить черезъ нашу мелкотравчатую жизнь, какъ черезъ мутную рѣчку. Идетъ онъ, неудовлетворенный, не находя себѣ мѣста, а по пути, мимоходомъ, случайно, при малѣйшемъ соприкосновеніи съ жизнью, обнаруживаетъ дивную силу свою! И чувствуется, что все это—слишкомъ тѣсно, узко и мелко для него, и что настоящей своей точки, на которую онъ могъ бы упереться и проявить всего себя, онъ не находитъ!

Эхъ, ты, камень самоцвѣтный, дивный перлъ, драгоценный даръ великаго народа, выброшенный имъ изъ нѣдръ своихъ, никѣмъ неузнанный, неоцѣненный и самъ себѣ цѣны не знающій! Да неужели ты не догадываешься, что ты созданъ быть вождемъ, что у тебя есть таинственная сила вліянія на толпу, тебѣ дано увлекать ее, ты — природный агитаторъ! Ты — артистъ, поэтъ и вдохновитель!

Небезызвѣстный запрокинулъ свою косматую голову и, простирая впередъ руки, произнесъ важно, съ пророческимъ видомъ:

— Придутъ дни, великіе дни! Мелкую рѣчку по-

кроеть грозное бушующее море, будетъ великая буря, великій гнѣвъ! И въ первой волнѣ возмущеннаго народа пойдуть Михельсоны и Соколы, Сѣверовостоковы будутъ строить баррикады, поднимая самыя громадныя тяжести, и будутъ драться на баррикадахъ всѣ долго и много терпѣвшіе, всѣ озлобленные, всѣ годами копившіе горечь свою, и явятся среди нихъ вожди и герои! Изъ неизвѣстности своей явятся они, изъ отброшенности, изъ огарчества придуть эти люди, и это будетъ все одинъ типъ: Илья Толстый будетъ это! Остроумный, чарующій, спокойный и мужественный, онъ займетъ тогда свое мѣсто, онъ подниметъ знамя!

Сквозь шумъ и гвалтъ кабака изъ хозяйскаго помѣщенія давно уже доносилось треньканье балалайки. Двери черезъ кухню были отворены насквозь, и всѣмъ въ пивной была видна Капитошкина комната, увѣшанная желтыми птичьими клѣтками.

Капитошка сидѣлъ у порога, на обитомъ бѣлой жестью сундукѣ, и артистически игралъ на балалайкѣ. Струны такъ и выговаривали „барыню“, подмывая въ плясъ; массивный серебряный перстень на среднемъ пальцѣ пухлой Капитошкиной руки, съ непостижимой быстротой ударявшей по струнамъ, сверкалъ въ воздухѣ, какъ молнія, но лицо самого Капитошки было неподвижно и безстрастно, какъ лицо судьбы.

Онъ игралъ, какъ власть имѣющій, словно зная впередъ, что пернатая пѣвица, заключенная въ его клѣткахъ, и люди, сидящіе въ его кабацѣ, не уйдутъ изъ-подъ власти его.

Черезъ минуту канарейка покорилаь звукамъ балалайки и запѣла сначала съ перерывами, а потомъ увлеклась аккомпанементомъ и залилась безконечною пѣсней. Она музыкально слѣдовала темпу и мотиву балалайки, вслѣдъ за звуками струнъ повышая и понижая трели, почти выговаривая „барыню“.

Мало-по-малу кабацъ заинтересовался пѣвицей и

притихъ. Взоры всѣхъ посѣтителей—по виду, большею частью, рабочихъ—устремились на двери кухни.

— Ишь, какъ заливается! — сказалъ нѣкто закоп-тѣлый.

— Веселая!—добавилъ другой.

— Пѣсельница!

— Что ей? Птица! Кормъ готовый! Одно ей занятіе—пѣть!

— Тебя бы, чорта, посадить въ клѣтку-то, какъ бы ты тамъ развеселился!...

Промерзлая дверь съ шумомъ отворилась, и вмѣстѣ съ бѣлыми клубами морознаго воздуха въ пивную вошелъ гигантъ въ огромныхъ валяныхъ сапогахъ съ красными крапинками, въ засаленой, рваной, чѣмъ-то подпоясанной, курткѣ и рваной шапкѣ. Борода и усы у него обледенѣли.

Онъ крѣпко хлопнулъ дверью и, стащивъ шапку, грузно опустился на табуретъ около свободнаго столика у входной двери.

Пока ему подавали пиво, онъ отдиравъ ледъ съ бороды и усовъ и, глубоко кашляя, сказалъ сиплымъ, густымъ голосомъ:

— Хорошо кобелю въ шерстѣ, а мужику—въ теплѣ!  
И улыбнулся.

Его темное лицо было страшно отъ сажи и копоти, а когда онъ улыбнулся, обнаруживъ бѣлые, сверкающіе зубы, то отъ улыбки сталъ еще страшнѣе.

— Силанъ, здорово! — громко сказалъ ему кто-то изъ рабочихъ.

— А, и ты здѣсь! кхе! кхе!—кашляя, отвѣтилъ Силанъ и протянулъ товарищу нечеловѣчески огромную руку:—чево это вы всѣ туда глядите? кхе! кхе!

— Не глядимъ, а птичку слушаемъ: хозяинъ ей на струнахъ играетъ, а она поетъ!

— Птичку?—мрачно говорилъ громадный челоуѣкъ:—ну, я ужъ птичку не услышу: у насъ, у глухарей.

тугое ухо! Со мной и говорить-то надо громче, а то не слышу. Въ ухахъ гудить отъ котла.

— Ты нешто въ котлѣ работаешь?

— Въ котлѣ... кхе!... кхе!... глухарь-я... Всѣ мы такіе-то... кхе... безъ ушей... такая работа!... какъ въ аду живемъ!... кхе!... кхе!...

Онъ говорилъ спокойнымъ тономъ, не жалуясь и не возмущаясь, а только называя вещи ихъ именами.

— О чемъ толкують-то?—хрипѣлъ глухарь, кивая собесѣднику на огарковъ.

— А видишь ли,—закричалъ ему товарищъ,—господа хотятъ въ тѣатрѣ ломаться... представленіе будутъ дѣлать... въ пользу общества трезвости...

Глухарь помоталъ головой.

— Никъ чемуэто!— вымолвилъ онъ:—въ пользу общества трезвости... пустяковина все... Небось и сами-то пьянствуютъ... а нашему-то брату при такой работѣ какъ не пить? и то сказать: на представленіе-то рази пропустятъ глухаря? а пустятъ—ничево не услышу... кхе!... кхе! Вотъ кабы они въ пользу облегченія рабочаго человѣка что-нибудь сдѣлали, потому забиваютъ насъ шибко! вотъ—я, къ примѣру, кашляю... кхе!... а отъ чево? отъ сѣры! Хозяинъ въ топливо сѣру валить! Ему отъ этого въ углѣ экономія, а намъ—смерть, да вѣдь и барышъ-то ему отъ сѣры этой такъ себѣ—пустяковый. Такъ нѣтъ! Ему свой грошъ дороже людей... Человѣкъ-то для него что выходитъ? такъ себѣ—тѣфу! околѣвайте, молъ, много васъ!... кхе!... кхе!...

Небезызвѣстный быстрыми, хотя и нетвердыми, шагами подошелъ къ глухарю и заговорилъ взволнованно, въ чрезвычайномъ возбужденіи протягивая ему обѣ руки:

— Дорогой мой, я съ вами совершенно согласенъ совершен—но согласенъ, вы—глухарь? гаршинскій глухарь? да? очень пріятно встрѣтиться! позвольте пожать вашу честную руку!

И, пожимая огромную черную ручищу глухаря, онъ сѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Будемте друзьями!—задушевленнымъ голосомъ продолжалъ онъ, помахивая ручкой:—я—стар-рая литературная собака! понимаете? Стар-рая литера-тур-ная с-собака, стар-рая кляча, которая однажды сказала сама себѣ: „не хочу возить воду!“ и распряглась!

— Ну-ну!—сказаль Толстый, выходя изъ пивной на тротуаръ вдвоемъ съ Гаврилой:—ты говоришь, что надо теперь въ Народный домъ завернуть, на репетицію кружка?

— Непремѣнно,—подтвердилъ Гаврила, махнувъ рукой извозчику:—тебѣ нужно посмотретьъ расположеніе сцены и познакомиться съ кружкомъ. Я тебя представлю!

Они сѣли въ извозчичьи сани и понеслись въ вихрѣ морозной пыли. Послѣ промозглаго воздуха Капитошкиной пивной такъ хорошо дышалось на морозѣ. Жгучій вѣтеръ покалываль щеки, снѣгъ визжалъ подъ полозьями.

Въ довольно большомъ залѣ Народнаго дома была устроена крохотная сцена. Стѣны зала, бревенчатая, безъ всякихъ обоевъ, имѣли грустный и мрачный видъ. Въмѣсто кресель стояли длинныя скамьи, выкрашенныя охрой. Театральный залъ былъ окутанъ мракомъ, и только нѣсколько тусклыхъ керосиновыхъ лампъ въ рампѣ освѣщали авансцену.

Посреди сцены за большимъ круглымъ столомъ, сидѣлъ весь „железнодорожный кружокъ“—человѣкъ десять; это были, словно на подборъ, тщедушные и плюгавые люди съ болѣзненными нервными лицами, одѣтые въ форму мелкаго железнодорожнаго начальства.

Они сидѣли каждый съ тетрадкой и были очень серьезно заняты „считкой“ пьесы.

Сцена была обставлена декорацией комнаты, но сверху, вмѣсто картоннаго потолка ея, висѣлъ огромный холстъ, изображавшій небо.

Для входа на сцену изъ зала была приставлена деревянная лѣсенка изъ трехъ или четырехъ ступеней. Гаврила, съ видомъ хозяина, знающаго здѣсь всѣ ходы и выходы, поднялся по этой лѣсенкѣ, приглашая за собою жестомъ и своего спутника.

Но едва Толстый всталъ на ступени входа въ храмъ Мельпомены, какъ онъ затрещали подъ тяжестью его большого тѣла и рассыпались, а самъ онъ всею массой грохнулся на сцену, но тотчасъ же съ ловкостью гимнаста вскочилъ на ноги.

— Ну, смѣю сказать, и скамейки у васъ!—сказалъ онъ, снисходительно разсмѣявшись надъ собой, хотѣлъ отряхнуться, но въ разсѣянности и отъ непривычки къ декораціямъ прислонился огромной спиной къ холщевой стѣнѣ.

Тогда стѣны комваты закачались и рухнули на сцену, небо упало и накрыло всю труппу.

Все это случилось такъ неожиданно и быстро, что никто даже не успѣлъ крикнуть, и „кружокъ“ только завертѣлся подъ огромнымъ полотномъ.

Артистъ Казбаръ Чаплинскій нѣсколько мгновений стоялъ, какъ демонъ разрушенія надъ кучкой слабыхъ людей, придавленныхъ небомъ, потомъ сконфуженно махнулъ рукой, осторожно вылѣзъ въ залъ и направился къ выходу, недовольно бормоча:

— Что за кукольная сцена, ей-Богу, право? Не разберешь ни гусиной шеи! Сидятъ всѣ, какъ греки подъ березой, ну и чувствуешь себя, какъ собака на заборѣ!

## V.

Въ день спектакля театральнй залъ Народнаго дома былъ переполненъ публикой: было какъ разъ „двадцатое число“, и въ публикѣ преобладали „двадцатники“—полупьяное чиновничество, праздновавшее „двадцатое“, свой „двунадесятый“ праздникъ.

Почти всѣ мужчины были „навеселѣ“, въ антракты во всемъ театрѣ стоялъ веселый гулъ, воздухъ, испорченный спиртнымъ дыханіемъ, пропитался табачнымъ дымомъ... Было тѣсно, жарко, грязно и пьяно.

За кулисами тоже тѣснились, толкались, бѣгали, кричали, ругались. Пьеса не ладилась и шла такъ скверно, что Гаврила, въ гримѣ „пьянаго“ и самъ пьяный, усталый, растерянный, глубоко-унылый, вяло ходилъ за кулисами въ состояніи тихаго отчаянія. На всевозможные вопросы, просьбы и требованія участвующихъ онъ только безнадежно махалъ рукой.

За кулисами хлопали пробки и булькало пиво, нѣкоторые изъ актеровъ были пьяны, „герой“ Сурковъ, единственно талантливый человѣкъ изъ кружка, могъ держаться на ногахъ только тогда, когда его выталкивали на сцену. Адвокатъ Ходатай-Кармановъ и литераторъ Самъ-Другъ-Наливайко тоже были „на-взводѣ“ и все еще „подкрѣплялись“. Трезвыми казались только Сѣверовостоковъ и Казбаръ-Чаплинскій.

„Декораторъ“ Савоська, одѣтый и загримированный „евреемъ - ростовщикомъ“, вдребезги разругался со всей труппой изъ-за „театральнаго рабочаго“ Сокола: въ труппѣ оказалось начальство желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, знавшее Сокола и помнившее за нимъ какія-то старыя вины. Съ горя Савоська тутъ же, около, кулись, выпилъ изъ горлышка одну за другой, безъ передышки, двѣ бутылки пива, что, при его маломъ ростѣ, возбудило всеобщее удивленіе.

Соколь, наткнувшись въ труппѣ на своихъ исконныхъ враговъ, былъ мраченъ, золъ и швырялъ декорациями, не обращая ни на кого вниманія. Три первыхъ акта пьесы прошли позорно: Сурковъ упалъ на сценѣ, Савоська вмѣсто „еврея“ сыгралъ какого-то „рыжаго“ изъ цирка, и только одинъ Гаврила прекрасно сыгралъ „пьянаго“, но онъ, дѣйствительно, былъ пьянъ

Шель послѣдній, четвертый актъ пьесы, и Гаврила все еще волновался за исходъ его.

Растрепанный, мокрый отъ пота, съ блѣднымъ страдальческимъ лицомъ, обсыпаннымъ пудрой послѣ снятаго гримма, онъ подошелъ къ одному изъ распорядителей, молодому человѣку приличнаго вида.

— Удивляюсь,—сказалъ онъ, пожимая плечами,—отчего до сихъ поръ нѣтъ Соловьевой-Перелетовой: вѣдь, она первая поетъ въ дивертисментѣ!

— А ужъ я не знаю,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, тоже раздраженный и усталый.—Ты послалъ за ней лошадь?

— Какую лошадь?

— Да, вѣдь, ты же самъ говорилъ ей, что приплешь за ней лошадь. Она, вѣроятно, и ждетъ когда за ней пришлютъ!

Гаврила хлопнулъ себя полбу.

— Вотъ лошадь-то послать за ней и забыть, а теперь ужъ поздно посылать! какая досада!—произнесъ онъ печально.

— А я такъ даже радъ этому!—возразилъ собесѣдникъ:—она бы тутъ въ обморокъ упала, при видѣ пьяной труппы и пьяной публики! Эхъ!

Гаврила подумалъ и, махнувъ рукой, сказалъ:

— Ну, чортъ съ ней!

Въ тактъ этимъ словамъ надъ сценой прокатился ударъ театрального грома.

Гаврила вздрогнулъ и схватилъ себя за волосы.

— Р-рано!—зашипѣлъ онъ сдавленнымъ „трагическимъ“ шопотомъ:—р-ра-но!.. и-долъ!.. чор-рты!..

На колосникахъ, высоко надъ сценой, виднѣлась мрачная фигура Сокола: онъ держалъ въ рукахъ огромный листъ кровельнаго желѣза и гнѣвно потрясалъ имъ.

И по всему театру грохотали оглушительные непрерывные громовые раскаты. Напрасно актеры на сценѣ повышали голоса и, наконецъ, охрипнувъ, вы-



крикивали каждое слово: ихъ никому не было слышно, и яростное смятеніе овладѣло группой. Напрасно изъ-за кулисъ дѣлали ему знаки и кричали, чтобы онъ оставился: громовержець былъ неумолимъ.

Гнѣвный, съ горящими глазами, чернѣй, страшнѣй, недосыгаемый, онъ былъ выше всѣхъ и чувствовалъ свою власть надо всѣми.

Въ громѣ желѣза разразилась гроза его души, неотомщенныя обиды, страданія, лишенія, униженія долгихъ и многихъ лѣтъ. Онъ чувствовалъ себя, какъ Самсонъ, ощутившій свою силу и собирающійся погубить враговъ своихъ. Потрясающіе звуки грома были какъ бы увертюрой, въ которую вложилъ онъ всю свою жажду мщенія, всю мрачную музыку тѣхъ громовъ, которые рабочій призывалъ на головы своихъ угнетателей.

Оглушительная гроза продолжалась до самаго конца пьесы, не услышаннаго никѣмъ, и когда, опустился занавѣсъ, громъ все гремѣлъ и, наконецъ, въ послѣдній еще разъ ударилъ съ такой силой, визгомъ и стономъ, что, казалось, будто ударъ этотъ брошенъ былъ кѣмъ-то съ неба на землю.

„Чеховскій“ водевилъ на обычную тему о страданіяхъ „дачнаго мужа“ походилъ на монологъ, и Казбаръ-Чаплинскій былъ единственнымъ лицомъ на сценѣ.

Эта сцена представляла крохотную комнату, въ родѣ бомбоньерки.

Онъ вышелъ въ халатѣ, загримированный солиднымъ дачникомъ, въ бакахъ, съ брезгливымъ и вмѣстѣ олимпійскимъ выраженіемъ на лицѣ. Должно быть, онъ сразу напомнилъ собою какое-то живое извѣстное лицо, такъ какъ, при самомъ его появленіи, въ публикѣ пошелъ шопоть и смѣхъ.

Усаживаясь въ кресло около стола на авансценѣ, онъ продѣлалъ какую-то мимическую сцену, вызвавшую новый смѣхъ.

Затѣмъ онъ принялъ въ креслѣ шаблонно-водевиль-

ную позу, побарабанилъ пальцами по столу и, обращаясь къ публикѣ, заговорилъ.

Сначала это было нѣсколько фразъ изъ его роли, но потомъ артистъ началъ приплетать къ ней „отсебятину“, и, наконецъ, изъ устъ его полилась рѣчь, ничего общаго съ „чеховскимъ“ водевилемъ не имѣющая.

— Милостивыя государыни и милостивые государи!— говорилъ онъ:—позвольте въ краткой, но безпристрастной формѣ сообщить вамъ духъ и направленіе современной деффимиціи...

Публика заинтересовалась.

Чтобы лучше слышать, сидѣвшіе въ заднихъ рядахъ встали и сѣрудились къ переднимъ рядамъ.

Наконецъ, всѣмъ стало ясно, что артистъ экспромптомъ пародируетъ важное административное лицо. Жалобы дачника замѣнены были жалобами администратора, въ которыхъ сквозила давно всѣмъ извѣстная исторія о „шишкахъ и сошкахъ“.

Со сцены говорилъ какъ бы губернаторъ, внушающій обывателямъ въ мягкой канцелярской формѣ свои предначертанія. Физиономія его то сжималась въ кулакъ, то разжималась, глаза вращались, а указательный палецъ, плавно двигаясь, грозилъ.

Публика хохотала.

— М-мы,—говорилъ онъ жирнымъ генеральскимъ баскомъ,—мы, сановники, стоимъ въ центрѣ, находимся, такъ сказать, въ водоворотѣ жизни, мы кипимъ, но тѣмъ не менѣе не забываемъ и о васъ, скромныхъ труженикахъ, обитателей „окраинъ“, мы интересуемся также и вами: м-мы—слѣдимъ...

— Хо-хо-хо!—гремѣла публика.

— Конечно, мы готовы сдѣлать все для вашей самодѣятельности, но только въ извѣстныхъ гр-раницахъ! въ извѣстныхъ, такъ-сказ-зять, р-рамкахъ! д-да-съ! Мы стоимъ за прогрессъ! Н-но... чтобы подъ бокомъ у меня

дѣйствовали злонамѣренныя лица?.. чтобы подь носомъ у меня—была Женева?—я т-того, я—н-не потерплю! н-не допу-щу! очищу!..

Глаза Казбаръ-Чаплинскаго совѣзмъ вылѣзли изъ орбитъ, указательный палець двигался удивительно эластично и внушительно.

— Посмотрите на мой палець!—воскликнулъ „сановникъ“:—онъ движется, а вся рука и даже самая кисть—непоколебима: такъ движется палець только у тѣхъ, кто самой природой предназначенъ въ губернаторы!..

Публика вслѣдъ за нимъ начала продѣлывать это „губернаторское“ тѣлодвиженіе, и оказалось, что никто не могъ грозить пальцемъ такъ внушительно и съ соблюденіемъ полной неподвижности руки, какъ это умѣлъ дѣлать „губернаторъ“.

Поднялся хохотъ.

А Казбаръ-Чаплинскій не унимался.

Скоро весь театръ былъ охваченъ гомерическимъ смѣхомъ: смѣялись всѣ до одного человѣка, всѣ сторожа и лакеи, всѣ находившіеся за кулисами, всѣ хотали, какъ сумасшедшіе, плакали отъ смѣха, хватались отъ боли за бока.

Наконецъ, онъ только молча показалъ публикѣ палець.

Началась психопатическая буря смѣха, стоновъ, криковъ „браво“ „спасибо“ и „довольно“.

Во время изступленнаго рева публики и былъ опущенъ занавѣсъ.

Когда публика успокоилась и занавѣсъ подняли, на сцену изъ-за кулисъ медленно вышелъ человѣкъ, одѣтый и загримированный очень странно: хрупкая, тщедушная фигура облечена была въ поддевку съ чьихъ-то богатырскихъ плечъ, на ногахъ громыхали огромные мужичьи сапожищи, накладная полуаршинная борода и наклеенныя косматыя брови скрывали почти все его маленькое, съ кулачокъ, личико,—передъ

публикой былъ мужичокъ—съ ноготокъ, борода—съ локотокъ.

Сапоги его гремѣли, спадывая съ ногъ, и можно было опасаться, что онъ какъ-нибудь выскользнетъ изъ нихъ и сапоги пойдутъ отдѣльно отъ человѣка.

Но человѣкъ благополучно дошелъ до ramпы, всталъ въ трагическую позу, скрестилъ руки на груди, сдвинулъ свои невѣроятныя брови и мрачнымъ, рѣжущимъ уши, голосомъ началъ:

Подъ б-р-ронею съ простымъ наборомъ,  
Хлѣба кусъ жуя,  
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ  
Дѣдушка Илья!..

Литераторъ Самъ-Другъ-Наливайко (ибо это былъ онъ) читалъ монотонно, и все-таки въ его чтеніи подкупала необыкновенная любовь чтеца къ этому стихотворенію. Онъ читалъ—и всѣмъ существомъ своимъ испытывалъ наслажденіе. Сталъ понятенъ и его странный костюмъ: онъ загримировался „Ильей Муромцемъ“.

И видно было, что стихи эти, столь прочувствованные чтецомъ, относились имъ непосредственно къ самому себѣ:

Всѣ твои богатыри-то—  
Значить—молодежь!..  
Вотъ безъ стараго Ильи-то  
К-ка-акъ ты проживешь?

Рѣзкимъ голосомъ бросалъ онъ кому-то укоризны повернувшись въ ту сторону, гдѣ, по его мнѣнію, было зданіе оставленной имъ редакціи.

Публика заинтересовалась чтецомъ. Этотъ человѣкъ, много поработавшій для жизни, много выстрадавшій и уже сходящій со сцены, говорилъ теперь свое послѣднее, невольное укоризненное слово „публикѣ“, которая каждый день читала его всегда ядовитыя и злыя строчки и никогда не знала живого, добраго человѣка, болѣвшаго о чемъ-то душой своей.

И, глядя на него, вспоминались его рѣзкія, коротко брошенныя слова: „восьмидесятыя годы.. семь лѣтъ Якутіи... крушеніе идеаловъ и пьянство....“

Погружаясь въ жизнь огарческую, онъ еще не терялъ какой-то надежды уйти навстрѣчу новымъ скитаніямъ.

Душно въ городъ, какъ въ скрываѣ—  
Только кисеть кровь!  
Государынѣ-пустынѣ  
Поклонюся вновь!

Богатырь въ поясъ поклонился публикѣ, потомъ выпрямился, растопырилъ руки и завопилъ своимъ оригинальнымъ, рѣжущимъ слухъ, голосомъ:

Снова вѣть воли дикой  
На меня просторъ!  
И смолой и земляникой  
Дышетъ темный боръ.

Грянули дружные аплодисменты, а „Илья Муромецъ“, пятясь задомъ за кулисы, граціозно раскланивался и прижималъ руку къ сердцу, какъ будто всю жизнь свою пожиналъ лавры на сценѣ. Только борода его съ одного боку отклеилась, да сапоги чуть-чуть не остались на сценѣ.

Послѣ него вышелъ адвокатъ Ходатай-Кармановъ и прочиталъ стихотвореніе „Сумасшедшій“. Для вящаго сходства съ умалишеннымъ, онъ вышелъ въ больничномъ колпакѣ и горячечной рубашкѣ, что было уже излишнимъ: Ходатай-Кармановъ такъ былъ пьянъ и взерошенъ, что и безъ того могъ походить на сумасшедшаго.

Прочиталъ онъ артистически.

Это былъ неудавшійся актеръ по призванію, страстный любитель искусства, которому въ прошломъ не пришлось почему-то попасть на сцену. Худой, желтый, испитой и пьяный, онъ весь казался однимъ болѣза-

неннымъ комкомъ издерганныхъ нервовъ и трепеталь отъ избытка чувствъ.

Публика ревъла, какъ прожорливое чудовище, и требовала „биса“.

Но, читая „на бисъ“ извѣстное стихотвореніе „Бурлакъ“, онъ сбился. Въмѣсто словъ „пѣтухи пропоютъ“ онъ сказалъ „пѣтухи отдохнуть“ и, наткнувшись опять на слово „отдохнуть“—всталъ.

Хмель, временно соскочившій было съ него, снова окуталь его голову. Онъ развелъ руками и, обращаясь къ публикѣ, пьянымъ голосомъ, удивленно воскликнулъ:

— Вотъ такъ фунтъ!

Публика приняла это за „фортель“ и дружно аплодировала.

Но Ходатай-Кармановъ исчезъ.

На сцену стали выходить архіерейскій хоръ. Впереди выстроились мальчики съ нотами, слѣва—тенора, справа--басы. Маленькая сцена сплошь была занята толпой пѣвцовъ.

Съ краю всѣхъ басовъ, около рампы, стояль Сѣверовостоковъ въ своемъ „испанскомъ воротникѣ“. Издали голова его съ громаднымъ лбомъ и длинными, закинутыми назадъ, кудрями напоминали портретъ Шекспира.

Вышелъ и всталъ на возвышеніи, впереди хора, регентъ Спиридонъ. Публика встрѣтила его аплодисментами. Это былъ рыжій, широкоплечій мужчина, съ брюшкомъ, въ сюртукѣ. Кудрявые, густые волосы лежали у него въякомъ, но на макушкѣ уже свѣтилась небольшая лысина.

Круглое, русское лицо его выражало сосредоточенную важность, черные, молодецкіе усы вились кольцомъ. Онъ поплевалъ на кончики пальцевъ и еще закрутилъ усы.

Потомъ тихонько задалъ тонъ и взмахнулъ руками. Хоръ стройно и густо затянулъ: „Гой, ты, Дигъпръли

мой широкой“. Онъ словно стоналъ отъ могучей тяжелой октавы Сѣверовостокова, октава сразу стала давить его.

По окончаніи этого „номера“, на сценѣ наступила коротенькая пауза, во время которой Спиридонъ опять поплевалъ на кончики пальцевъ, покрутилъ усы и задалъ другой тонъ.

Изъ хора на полшага впередъ выступилъ Сѣверовостоковъ, выпрямился и, по мановенію регента, заплѣлъ одинъ высокимъ и громовымъ басомъ:

Встарину живали дѣды  
Веселѣй своихъ внучать...  
Какъ простую пили воду,  
Медъ и крѣпкое вино...

Отъ каждой ноты этого чудовищнаго голоса все сотрясалось въ театрѣ, двѣ люстры, по шести керосиновыхъ лампъ, освѣщавшихъ зрительный залъ, замигали дрожащими язычками своихъ огоньковъ. Было больно барабанной перепонкѣ, больно нервамъ: голосъ грохоталъ, какъ близко ударившій громъ.

Неестественнымъ и страннымъ казалось, чтобы изъ груди человѣка могли исходить такіе, вполне нечеловѣческіе, звуки.

Веселились, потѣшались,  
Пировали круглый годъ...  
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ  
Наши дѣды и отцы...

Гремѣлъ чугуновый, тяжкій голосъ....

Спиридонъ энергично взмахнулъ руками.

Ну, вотъ слышитель, ребята,  
Какъ живали встарину?

Дружно подхватилъ хоръ, но прекрасные голоса архіерейскаго хора показались теперь чѣмъ-то тихимъ, дребезжащимъ и дряблымъ послѣ плотнаго, кованаго голоса Сѣверовостокова.

И являлась почему-то мысль о далекой, героической старинѣ, когда подвизались богатыри, полусказочные люди, сильные во всемъ, у которыхъ все выходило грандіозно, даже пиры и веселье, которые „медъ и крѣпкое вино“ „какъ простую пили воду“.

И опять запѣлъ Сѣверовостоковъ. И снова по всему театру прошло сотрясеніе, и огни люстръ замигали.

Онъ пѣлъ объ исчезнувшемъ народѣ-силачѣ, народѣ-побѣдителей....

Ну, вотъ слышите ль, ребята,  
Какъ живали встарину?

Назидательно спрашивалъ хоръ.

Вдругъ пѣвецъ сдѣлалъ шагъ впередъ, къ рампѣ, развернулъ богатырскую грудь, выпрямился во весь ростъ, словно сразу выросъ, вытянулъ передъ собой руку и съ какимъ-то разбойничьимъ видомъ грянулъ въ страшно-высокую, отшибающую память, ноту:

Б-безъ.... вар-ряговъ.... управлялись....

У всѣхъ на моментъ помутилось въ головѣ отъ сотрясенія воздуха. На первой же нотѣ, при словѣ „безъ“, всѣ лампы обѣихъ люстръ погасли, и въ залѣ мгновенно наступила тьма.

И дико, стихійно ревѣла во тьмѣ восторженная толпа.

Пѣніе умолкло.

Пока суетились лакеи, притаскивая лѣстницу и зажигая люстры, пѣвецъ и хоръ стояли на сценѣ, а публика бушевала.

— Сначала! Бисъ! Bravo! Ура!—ревѣли изступленные, потные и пьяные фізіономіи.

Начали пѣть сначала. Опять все сотрясалось. Опять мигали лампы. Но когда пѣвецъ дошелъ до „безъ варяговъ“, люстры снова погасли на той же нотѣ еще эффектнѣе, чѣмъ въ первый разъ...



Публика пришла въ полное изступленіе.

Когда лампы загорѣлись, начались оваціи.

Это было дикое поклоненіе силѣ. Публика сгрудилась къ рампѣ, съ дикимъ ревомъ махая и кидая въ пѣвца шапки.

Пѣнія продолжать уже было невозможно. Хоръ двинулся за кулисы. Сѣверовостоковъ взялъ шляпу и уже хотѣлъ уйти, но его не пустили. Толпа перебралась на сцену, окружила его и стала совать ему въ шляпу.... деньги.

Изступленная, хмѣльная толпа купцовъ и чиновниковъ бросала въ его глубокую, широкополую шляпу смятыя кредитки, сышала горстями серебряные рубли.

Наконецъ, онъ поднялъ шляпу надъ головой: она была полна денегъ.

И, придерживая смятыя бумажки сверхъ шляпы ладонью, онъ, сопровождаемый восторженной толпой, пошелъ черезъ залъ и фойе къ кассѣ.

Тамъ онъ опрокинулъ шляпу въ окошко кассира, встряхнулъ ему деньги, нахлобучилъ шляпу, въ которой онъ ходилъ зимой и лѣтомъ, надѣлъ потертое ватное пальто и пошелъ пѣшкомъ въ „вертепъ Венеры погребальной“.

---

Въ этотъ же вечеръ „въ высшемъ интеллигентномъ обществѣ“ было очень скучно.

Еженедѣльные вечера въ квартирѣ либеральнаго дѣятеля были извѣстны всему городу и въ шутку назывались „ассамблеями“ за ихъ демократическій характеръ, за то, что, кромѣ „вышей“ интеллигенціи, туда допускалась и „низшая“; набивалось народу каждый разъ человѣкъ сто, и выходило „всякой твари по парѣ“. Кромѣ „судейскихъ“ и „желѣзнодорожныхъ“, присяжныхъ повѣренныхъ и учителей гимназій, тамъ бывали сотрудники мѣстной газеты, врачи, статистики

и даже неблагонамѣренные молодые люди безъ опредѣленныхъ занятій.

Иногда появлялся актеръ или пѣвица, какая-нибудь заѣзжая маленькая провинціальная знаменитость, пѣвецъ, беллетристъ или дѣлецъ — все равно—все это одинаково преподносилось гостямъ къ ужину, какъ десертъ.

До ужина почти всегда было скучно: публика наполовину собиралась случайная, незнакомая между собой. Но за ужиномъ происходила демократическая выпивка, и „преподносилась“ гостямъ какая-либо „интересная личность“, если таковая имѣлась.

Въ этотъ вечеръ преподнести было, должно быть, некого, и ужинъ подавать медлили.

Во всѣхъ комнатахъ, и даже въ передней, толпились нарядные гости. Было тѣсно и жарко. Дамы и дѣвицы въ свѣтлыхъ платьяхъ обмахивались вѣерами. Мужчины блистали шитьемъ „судейскихъ“ и „желѣзнодорожныхъ“ мундировъ.

Всѣ гости тоскливо бродили по комнатамъ, не зная, что имъ дѣлать. Деревянная скука и хандра написаны были на лицѣ у всѣхъ.

Разговоры плохо клеились, и видно было, что всѣмъ этимъ людямъ ни о чемъ не хочется разговаривать. Казалось, что они выжимаютъ изъ себя слова и говорятъ только для того, чтобы не воцарилось всеобщее молчаніе, котораго они боялись.

Въ просторномъ залѣ кто-то пробовалъ играть на рояли что-то ухарски-веселое, пробовали пѣть хоромъ, но ничего не выходило.

Наконецъ, въ столовой зазвенѣли тарелки, и публику пригласили „закусить“.

Столовая не могла вмѣстить всѣхъ, и поэтому сначала пригласили дамъ.

Дамы наскоро закусили и опять занялись въ залѣ музыкой и пѣніемъ.

Тогда призвали къ закускѣ мужчинъ, и мужчины плотно засѣли за длиннымъ столомъ, уставленнымъ тарелками, бутылками и закуской. Въ мужскомъ обществѣ осталось нѣсколько женщинъ.

Отъ выпивки настроеніе нѣсколько поднялось, и загудѣлъ общій говоръ.

Въ самый разгаръ закуски въ дверяхъ столовой появился пьяный литераторъ Небезызвѣстный подъ ручку съ Толстымъ, облеченнымъ въ сюртукъ Сѣверовостокова.

Небезызвѣстный сдѣлалъ театрално-торжественный жестъ и провозгласилъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:

— Дорогіе мои, р-рекомендую: мой старый товарищъ.... петербургскій фельетонистъ... только что приѣхалъ!..

„Петербургскій фельетонистъ“ взглянулъ на своего товарища.

Одинъ только мигъ на лицѣ Толстаго мелькнуло изумленіе, потомъ пронія, а въ слѣдующій моментъ онъ уже заговорилъ съ милой любезностью путешественной знаменитости:

— Господа, прошу, пожалуйста, меня извинить... что я такъ... запросто... хе-хе... прямо съ дороги...

Его внушительная фигура и красивое, выразительное лицо сразу произвели на всѣхъ выгодное впечатлѣніе.

Новымъ гостямъ тотчасъ же дали мѣсто за столомъ. На „петербургскаго фельетониста“ всѣ устремились, всѣ думали: „такъ вотъ кого преподнесли намъ сегодня!..“

На „интересную личность“ сразу насѣли. „Приѣзжаго“ закидали вопросами. Около него тотчасъ же образовался кружокъ.

Толстый вралъ артистически. Выпивая и закусывая, онъ отвѣчалъ на всѣ стороны и тотчасъ же обнаружилъ своеобразное остроуміе.

Его „словечки“ уже начали вызывать смѣхъ и невольное восхищеніе.

Сразу было видно замѣчательнаго фельетониста. По всѣмъ общественнымъ вопросамъ онъ былъ въ курсѣ дѣла, все зналъ изъ первыхъ рукъ, обо всемъ судилъ смѣло и оригинально, не допуская возраженій. Онъ бываетъ „запросто“ у всѣхъ петербургскихъ знаменитостей, знаетъ много интереснаго изъ ихъ прошлаго и настоящаго. А чѣмъ пахнетъ теперь въ Петербургѣ? О! это ему прекрасно извѣстно: пахнетъ очень и очень интересными вещами... Но, къ сожалѣнію, онъ долженъ быть немножко конспираторомъ... Онъ пріѣхалъ сюда по одному конспиративному дѣлу... небольшое порученіе общественнаго характера... Во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ все идетъ на повышеніе... Жизнь растетъ... Заря занимается ..

Ножи и вилки стучали. Рюмки и бокалы звенѣли. Гости оживились. Въ столовой гудѣлъ общій говоръ.

Изъ зала привалила еще толпа, подъ предводительствомъ блѣдной дамы въ шикарномъ костюмѣ, съ пышными бѣлокурыми волосами и съ гитарой въ рукахъ.

— Божественно! восхитительно! чудно!—говорили ей изящные „фрачные“ кавалеры.

Дама улыбалась.

Она какъ-то особенно ухарски сѣла на стулъ передъ пьющей и закусывающей публикой и заиграла на гитарѣ цыганскій романсъ.

Дама изображала изъ себя „цыганку“ и запѣла съ дѣланной, преувеличенной страстностью, растягивая мотивъ и какъ бы изнемогая:

З-за-ха-чу—пал-лю-ба-лю!

З-за-ха-чу—ра-за-люба-лю!

И вдругъ, всей рукой ударя по струнамъ, выкрикивала дикій припѣвъ:

Я—какъ пташка вольна!  
Жизнь на радость намъ дана!

Около нея сладострастно млѣли вѣсколько товарищей прокурора, напоминая голодныхъ собакъ, сидящихъ у дверей кухни, хотя въ дамѣ не было ничего ни цыганскаго, ни соблазнительнаго.

Я а-ба-ж-жа-а-ю...

Запѣла она, снова ударивъ по струнамъ.

А около „петербургскаго фельетониста“ все болѣе и болѣе увеличивалась толпа слушателей.

Наконецъ, и дама прекратила цыганскія пѣсни и вмѣстѣ съ другими стала заглядывать черезъ чужія плечи на интересную фигуру. „Литераторъ“ говорилъ тихо, и только по взрывамъ дружнаго смѣха можно было судить, что рѣчь его остроумна.

Общій говоръ затихъ, и тогда въ столовой сталъ раздаваться только одинъ голосъ—голосъ „петербургскаго фельетониста“.

— ...Да, господа! если бы вы знали, какъ хочется иногда встрѣтиться и наговориться съ читателемъ—другомъ, съ невидимкой, съ этой фантазіей писателя!

Въ поздніе ночные часы, при свѣтѣ рабочей лампы, являлся въ былое время его задушевный образъ предъ измученнымъ взоромъ писателя и однимъ своимъ видомъ прибавлялъ ему силы и бодрости. Онъ былъ молчаливой тѣнью, въ которую вѣрилъ писатель.

Изрѣдка и одиноко мелькая передъ нимъ, другъ—читатель дѣлалъ ему таинственные, ободряющіе знаки,—и онъ писалъ... Сердце его горѣло ярче, а изъ-подъ пера смѣлѣе лились горячія строки.

Но зато сильнѣе разгоралась ярость живого, настоящаго читателя, читателя-врага, и тогда печальная, но сочувствующая тѣнь скрывалась и молчала.

Но жизнь все-таки шла впередъ, она росла въ ширь

и глубь, и уже никакія силы не могли остановить ея роста.

И вотъ писателю стало чудиться, что бодрое слово, которое иногда вырывалось на волю изъ глубины его пришибленной души, сказанное его одинокимъ, надорваннымъ голосомъ, повторяется гдѣ-то волшебнымъ, невидимымъ хоромъ, вызываетъ далекій, но могучій откликъ, перекачивается, словно чудодѣйственное эхо въ сказочныхъ горахъ.

И чувствуетъ писатель, что это какъ будто онъ— читатель-другъ—воплотился и такъ размножился, что до него дошелъ голосъ писателя, что, вмѣсто рѣдкаго и молчаливаго мельканія, откликается онъ тысячами устъ, милліонами вздоховъ, откликается жаждой жизни, молодой вѣрой въ свѣтлое будущее, въ лучшіе дни, въ новыя, бодрыя пѣсни! И тепло стало въ груди писателя.

„Писатель“ отпилъ глотокъ вина изъ большого, чайнаго стакана, всталъ во весь свой ростъ и, поднимая стаканъ, продолжалъ уже громче, съ искреннимъ чувствомъ:

— Привѣтствую тебя, простой читатель, мой другъ и братъ по духу и несчастьямъ! Ты грубъ, но у тебя нѣтъ фарисейскаго презрѣнія къ ближнему, который смѣетъ думать не какъ всѣ! Ты не умѣешь смѣяться надъ смѣлой мыслью, потому что у тебя нѣтъ предвзятыхъ мыслей и ты самъ способенъ быть смѣльнымъ!

Для читателя-врага искусство и литература—предметъ развлеченія, для тебя они — источникъ чистыхъ слезъ. Ты чувствуешь біеніе сердца писателя: оно бьется въ тактъ съ твоимъ, потому что оба вы просты сердцемъ, знаете грусть и горечь жизни и все-таки любите жизнь, и у васъ еще не изсякла сила души, и есть еще порохъ въ пороховницахъ.

Пусть твоя жизнь грустна и неприглядна и много въ ней темнаго, пусть долго приходилось тебѣ, какъ и мнѣ, блуждать ночью въ пустынѣ, ища дороги къ

свѣту, пусть много силъ твоихъ убито, но—вѣрь мнѣ—ночь прошла, и пустыня кончена!

Во мглѣ и туманѣ виденъ ярко-красный шаръ солнца, сквозь гарь и дымъ горящаго болота свѣтъ его кажется багровымъ и зловѣщимъ—не унывай: ночь все-таки прошла!

Изъ глубины народной жизни идутъ волна за волной свѣжія, пробужденныя силы, и уже близко то время, когда эти силы оплодотворять увядшую жизнь, завладѣютъ ею, станутъ хозяевами ея, и властно раздастся ихъ голосъ, требующій для всѣхъ счастья, свѣта и свободы! Они идутъ уже, и отъ нихъ брызжутъ горячіе солнечные лучи, здоровый смѣхъ и отважный вызовъ жизни!

И тогда — горе тѣмъ, кто спалъ въ жизни тихой, въ жизни сытой, въ жизни спокойной!

Горе тѣмъ, чья плоская мѣщанская жизнь течетъ въ дорогихъ, богато убранныхъ квартирахъ, тусклая жизнь, освѣщенная матовымъ свѣтомъ китайскихъ фонариковъ, убаюканная звуками рояля, усыпленная сладострастными пѣснями!

Внезапно придутъ къ нимъ безчисленные легіоны обездоленныхъ и обойденныхъ и ударятъ ихъ въ ту-пое, ожирѣвшее сердце!

Придутъ отброшенные и непризнанные, насквозь, до мозга костей прожженные огнемъ страданій, придутъ „огарки“ и разобьютъ у нихъ скучное низменное счастье! Придутъ „огарки“, прошедшіе черезъ огонь и воду, побывавшіе и закаленные въ горнилѣ жизни, придутъ—и выгоняютъ трутней изъ жизни тихой, жизни сытой, жизни спокойной!

А теперь, пока они еще не пришли, выпьемъ, господа, за этихъ добрыхъ малыхъ, ибо они славные ребята, ей-Богу!

Рѣчь оратора была покрыта дружными аплодисментами.

Во все время этой рѣчи Небезызвѣстный безъ отдыха пилъ водку. Онъ давно уже былъ мрачно пьянъ.

Теперь его кудластая голова оказалась какъ-то пособачьи засунутой въ большую кастрюлю съ горячимъ картофелемъ: онъ закусывалъ тамъ и ворчалъ, ругая кого-то.

Потомъ вылѣзъ изъ кастрюли, вымазанный картофелемъ, негодующій и покачивающійся. Изъ глазъ его смотрѣло алкоголическое безуміе.

Онъ вцѣпился обѣими руками въ скатерть и, намѣреваясь рвануть ее, чтобы сбросить на полъ вмѣстѣ съ посудой, неожиданно завопилъ своимъ пронзительнымъ, рѣзкимъ голосомъ:

Подъ б-бр-ронею съ простымъ набор-ромъ,  
Хл-лѣба кусъ ж-жу-я!..

Еще моментъ—и произошелъ бы бой посуды.

Но тутъ на плечо Самъ-Другъ-Наливайко ласково опустилась огромная лапа „петербургскаго фельетониста“.

— Уйдемъ отсюда, мужественный старикъ!—сказалъ онъ улыбаясь.

При звукахъ дружескаго голоса, Небезызвѣстный пришелъ въ себя и сразу впалъ въ сентиментальное настроеніе.

— Илюша! другъ!—сказалъ онъ жалобно: — скажи мнѣ, гдѣ мое мѣсто въ природѣ? а? Болитъ у меня все! все болитъ! Гдѣ такой компрессъ, который можно было бы приложить къ болящей душѣ моей?

— Идемъ, идемъ!—обнимая старика, говорилъ „фельетонистъ“.

Обнявшись, они вышли изъ комнаты, направляясь къ передней.

Они уже были у порога шинельной, какъ вдругъ



въ залѣ кому-то пришла фантазія заиграть на рояли „малорусскій гопакъ“.

При звукахъ плясовой „мужественный старикъ“ ожилъ.

Онъ вырвался изъ руки друга и, выскочивъ на средину зала, пустился въ бѣшеную пляску.

Его длинные пушистые волосы картинно развѣвались по воздуху, лицо приняло трагическое выраженіе, и въ эту минуту онъ не былъ ни смѣшонъ, ни жалокъ, но страшень, какъ изступленный король, сошедшій съ ума отъ душевныхъ страданій.

## VI.

Пришла опять весна, разлилась Волга, засіяла щедрое весеннее солнце...

Приѣхала на гастроли оперная труппа.

Все чаще и задумчивѣе смотрѣли огарки на таинственную картину неизвѣстнаго города, съ надписью, „вольныя земли“.

Савоська по недѣлямъ пропадалъ на „этюдахъ“. Расписывалъ какому-то купцу потолоки въ новомъ домѣ и руководилъ гдѣ-то въ имѣніи на Волгѣ постройкой сельской церкви, такъ какъ считалъ себя еще и архитекторомъ.

Толстый, подобно Сашкѣ, „зарабатывалъ“ на „экзаменахъ“.

Сѣверовостоковъ пилъ безъ просыпу цѣлый мѣсяць. Все это время онъ лежалъ въ постели и спалъ; просыпаясь, доставалъ изъ-подъ кровати бутылку водки, дрожащей рукой выливалъ ее въ желѣзный ковшъ, выпивалъ однимъ духомъ и опять „погружался въ нирвану“.

Въ маѣ, наконецъ, онъ рѣшилъ прекратить спячку.

— Многовато я пью ея, проклятой!—глубокой и мощной октавой пророкоталъ онъ товарищамъ.

— Надо полагать!—съ хохотомъ согласились они:—

ковшомъ вмѣсто рюмки дуешь,—не всякій черкасскій быкъ такую марку выдержитъ!

— Марка большая!—вслухъ размышлялъ могучій басъ:—дальше-то, пожалуй, и некуда идти въ этомъ дѣлѣ! Великъ я въ пьянствѣ: чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше жажда—бездна бездну призываетъ!

Онъ сѣлъ на кровать, спустилъ ноги и пощупалъ свое желѣзное тѣло.

— Силѣ-то ничего не дѣлается!—съ грустью убѣдился онъ:—въ молотобойцы что ли хоть пойти? Осто-чертѣло мнѣ Гурашкино „облаченіе“: утрудился воздыханіемъ моимъ!..

— Опера пріѣхала!—сказали ему.

— Опера?—Сѣверовостоковъ задумался.—Пойти развѣ? попробовать голосъ?—разсуждалъ онъ самъ съ собой.

— И то пойдити!—посоветовалъ Толстый:—пора намъ всѣмъ отсюда... на вольныя земли...

— Да и уѣхать?—продолжалъ размышлять пѣвчій.

Наконецъ, онъ рѣшительно крикнулъ въ какую-то подземную, несуществующую въ музыкѣ, ноту, поднялся во весь свой богатырскій ростъ и густо произнесъ:

— Азъ уснухъ и спяхъ, возстахъ! Гряди!

Сѣверовостоковъ одѣлъ свою испанскую рубашку, расчесалъ спутанные кудри и отправился въ театръ.

Черезъ часъ онъ возвратился сконфуженный.

— Что?—спросили его.

— Не приняли!—глухо прогудѣлъ басъ:—исторія: стали подъ рояль пробовать голосъ, я разинулъ хайло, хватъ—вмѣсто верхняго „до“ изъ глотки-то свистъ!

— Хо-хо-хо!

— Что же тебѣ сказали?

— Что сказали! Бился-бился я—ничего нѣтъ, кромѣ свисту, плюнулъ да и пошелъ, а дирижеръ остановилъ меня и говорить: это у васъ не отъ водки ли? Отъ

нея, молъ, отъ проклятой: сильно, говорю, страдаю этимъ извѣстнымъ русскимъ недостаткомъ!

— Хо-хо-хо!

— Ну, говорить, полѣчите горло, а потомъ приходите! Это онъ потому, что октавой-то я ему контръ-соль взялъ...

— Смажь чѣмъ ни на есть хайло!

— Дня черезъ два все само воротится!—увѣренно возразилъ Сѣверовостоковъ.

Черезъ два дня голосъ, дѣйствительно, воротился, и обладатель его былъ принятъ въ оперный хоръ на семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ.

Басу позавидовалъ Савоська.

— Э!—квкнулъ онъ:—пойду и я! не допаду ли въ помощники декоратора?

При содѣйствіи Сѣверовостокова взяли и Савоську „по декораторской части“.

Около того же времени Толстый получилъ откуда-то большое письмо: какіе-то далекіе друзья звали его къ себѣ на югъ Россіи.

„Мужественный старикъ“, которому было „все равно“, не захотѣлъ отстать отъ друга, и они рѣшили ѣхать вдвоемъ.

Уговорились „податься на низовье“ всѣ вмѣстѣ, послѣ прощальнаго спектакля, на одномъ пароходѣ съ труппой.

„Фракція“ распадалась.

„Вертепъ Венеры погребальной“ скоро долженъ былъ опустѣть.

Дня за три до прощальнаго спектакля Сѣверовостоковъ досталъ всѣмъ даровые билеты на „Демона“.

Оперная труппа оказалась большая, солидная. „Демона“ пѣлъ знаменитый баритонъ, хоръ былъ огромный, составленный исключительно изъ большихъ, сильныхъ голосовъ.

Огарки болѣе, чѣмъ „демономъ“, заинтересовались

хоромъ: одѣтый въ живописные черкесскіе костюмы, красочный, картинный, хоръ наполнялъ весь театръ густыми волнами красивыхъ аккордовъ.

Сѣверовостоковъ и фігурой и голосомъ выдѣлялся изъ всего хора: въ коричневой черкесскѣ, въ бѣлой папахѣ, плечистый, смуглый, въ своей собственной бородѣ, онъ, какъ шапкой, накрывалъ всѣ голоса громовымъ басомъ и въ сильныхъ мѣстахъ заглушалъ всѣ звуки хора и оркестра.

Публикѣ казалось, что какой-то необыкновенный пѣвецъ скрывается въ хорѣ.

Въ „ноченькѣ“ онъ пѣлъ октавой.

Хоръ красиво полулежалъ въ глубинѣ потемнѣвшей сцены, около декоративныхъ скалъ и электрическихъ „костровъ“, а въ центрѣ всего хора, лежавшаго полукругомъ, виднѣлась богатырская фигура Сѣверовостокова и рокотала, покрывая всѣхъ:

Но-чень-ка... тем-на-я...

Ско-о-ро-ль... пройдетъ... она?

Тихо и стройно звучала толпа голосовъ, и когда хоръ переводилъ дыханіе, густая, чугунная октава, расширяясь, какъ волна, продолжала катиться и снова подхватывала весь хоръ на свой темный, широкій и неясный хребетъ:

За-втра-же... съ зо-рень-кой...

Въ пу-уть намъ... о-пять...

Наканунѣ отъѣзда огарки „рѣзались“ за Волгой.

По разбойничьей дикой рѣкѣ Усѣ, которая, подобно тетивѣ, соединяетъ огромный полукруглый изгибъ Волги, добрались они на лодкѣ до величаваго Молодецкаго кургана, залѣзли на самый верхъ его и „устроили на лужайкѣ дѣтскій крикъ“.

Всѣ шестеро—Толстый, Сѣверовостоковъ, Соколъ, Савоська, Небезызвѣстный и Гаврила сидѣли и полу-

лежали на заросшей зеленым дерном верхушкѣ кургана, подъ тѣнью стараго развѣсистаго дуба, и, выпивая, отдыхали отъ суточного путешествія по Усѣ на лодкѣ. На суку, надъ головой Сѣверовостокова, висѣли, покачиваясь, гусли; струны гусель подъ свѣжимъ теплымъ вѣтромъ издавали по временамъ тихіе, грустные и невнятные аккорды, и подъ эти мелодичные, чуть слышные, звуки Савосьска рассказывалъ товарищамъ свои лѣсныя сказки.

Они слушали или не слушали, но съ наслажденіемъ, почти безъ словъ и безъ движеній, жадно и ненасытно отдавались созерцанію чарующей и приковывающей къ себѣ волжской природы—это было все, что они здѣсь любили.

Они лежали на краю гигантской отвѣсной скалы, высоко надъ водой, почти наравнѣ съ вершинами сосѣднихъ горъ.

Внизу, у подножія Молодецкаго кургана, чуть слышно плескалась Волга и разливалась кругомъ, какъ море: у кургана Уса впадаетъ въ Волгу; Волга, блестящая, глубокая и спокойная, здѣсь такъ широка, что чуть-чуть видна вдали песчаная отмель противоположнаго берега.

Молодецкій курганъ—отвѣсный утесъ, правильный, какъ стѣна крѣпости—грозно стоитъ надъ широкой водной равниной. Онъ встаетъ прямо изъ пучины, неприступный съ Волги, и кажется сложеннымъ циклопами изъ огромныхъ слоистыхъ камней.

Изъ расщелинъ этихъ камней растутъ ели и березы, охватывая своими корнями голые, твердые камни. Внизу клеочуть степные орлы, вьющіе здѣсь свои гнѣзда. Да и самъ Молодецкій курганъ, полукруглый, окаймленный съ двухъ сторонъ лѣсомъ, напоминаетъ собою огромное, разбойничье гнѣздо. Позади кургана еще выше его поднимаются самыя высокія Жигулевскія горы, амфитеатромъ окаймляя устье рѣки Усы. Страшныя

скалы, словно сдвинутыя когда-то давно гигантской рукой, висятъ надъ водой съ вѣчной, неизмѣнной угрозой. Высоко на сосѣдней горѣ виднѣются причудливые камни, похожіе на развалины замка съ зубчатыми стѣнами и острыми башнями, съ неясными сказочными фигурами людей и небывалыхъ звѣрей.

Все здѣсь широко, привольно и романтично, природа словно дышитъ героическимъ настроеніемъ, и кажется, что только при такой декоративной обстановкѣ могли совершаться народные мятежи и разбойничьи подвиги.

Надъ этими горами еще носятся величавыя тѣни далекаго прошлаго, еще бродятъ таинственно-безпріютныя горныя духи, еще живутъ они въ лѣсныхъ дѣбряхъ Жигулевскихъ горъ и въ лунныя весеннія ночи играютъ и акупаются въ горахъ и купаются въ зеркальной Волгѣ подъ серебряными лучами мѣсяца среди таинственной ночной тишины. Хороводъ окружающихъ горъ, шевеля своими кудрявыми лѣсами, шепчетъ все еще прежнія величаво-печальныя исторіи.

Привидѣнія прошлаго стоятъ здѣсь близко-близко, дышать на васъ за вашими плечами и вмѣстѣ съ шопотомъ вѣтра и шелестомъ листьевъ, вмѣстѣ съ ропотомъ волнъ шепчуть и они что-то невѣдомо-грустное...

Чуткая, торжественная тишина охватываетъ дѣвственныя горы и Волгу, и только слышится журчаніе быстро мчащейся воды, да горныя ключи бьютъ изъ камней и, звучно струясь, падаютъ въ рѣку.

Тишина и необъятная ширь.

Надъ серебряной, блестящей на солнцѣ, гладью рѣки опрокинулась голубая чаша неба, и въ ея безграничной вышинѣ мчатся бѣлыя стада облаковъ.

А внизу—мѣрныя волны, неслышно приходя одна за другой, таинственно бормочуть о чемъ-то...

„Гусли-самогуды“, качаясь на деревѣ, отвѣчаютъ что-то невидимкѣ-вѣтру...

Савоська рассказываетъ.

Всѣ огарки лежатъ подъ тѣнью дуба, надъ обрывомъ утеса, въ различныхъ позахъ... Толстый въ фескѣ и коричневыхъ запорожскихъ штанахъ... Сѣверовостокъ въ испанской рубашкѣ и черной широкополой шляпѣ, дѣлающей его похожимъ на опернаго бандита.

Рядомъ пылаетъ костеръ и кипятится въ котелкѣ „уха“.

Около котла хлопочутъ Сокѡль и Небезызвѣстный.

Савоська сидитъ, поджавши подъ себя ножки, лицомъ ко всей компаніи, величественно протягиваетъ передъ собой руку и квакаетъ:

— Э!.. Хорошо быть вальдшнепомъ, хорошо летѣть высоко-высоко въ небѣ и мчаться на легкихъ крыльяхъ въ необъятной небесной пустынѣ, мчаться надъ спящей печальной Россіей все дальше и дальше на югъ, въ далекій теплый край, за теплое море... Э!.. Хорошо!... Харгъ!... Харгъ!...

Звуки земли становятся все тише и глуше, поля, лѣса и рѣки заволакиваются туманомъ, и слышенъ только нѣжно-задумчивый шелестъ... Что это? шелестъ грустныхъ камышей, склонившихся надъ зеркальнымъ озеромъ, или знакомый лѣсъ шелеститъ своими махровыми вѣтвями? вѣтеръ ли въ степи звенитъ высокою, сочной, зеленой травой?.. Харгъ!... Харгъ!...

Савоська растопырилъ обѣ руки, какъ крылья, и, воображая себя летящимъ въ небѣ вальдшнепомъ, продолжалъ вдохновенно:

— Далеко-далеко внизу вьется широкая блестящая лента Волги... Зеленѣютъ горы... Желтѣютъ песчанья косы... Сѣрѣютъ печальныя деревни... Стонетъ пѣсня Волги — „дубинушка“... Дальше... дальше... Харгъ!... Харгъ!...

Широкія зеленыя степи, старыя степныя могилы...

хутора... стройные тополи... бѣлыя хохлацкія хаты, окутанныя вишневыми садами...

Парубки въ сивыхъ шапкахъ и дѣвчата въ яркихъ нарядахъ, съ цвѣтами и лентами въ русыхъ волосахъ, водятъ хороводы и поютъ печальныя пѣсни... Дальше!... все дальше!... Харгъ!... Харгъ!...

Море! вотъ оно, густо-синее, излишне синее южное море!... Солнце!

Яхонтовые струи лѣниво говорятъ что-то на своемъ магометанскомъ языкѣ и со звономъ разливаются по золотистому песку!

Ширь морская въ необъятной дали сливается съ безоблачнымъ небомъ и, слабо дыша, колыхаетъ на своей груди, словно бѣлыхъ птицъ, турецкія парусныя лодки, а южное солнце потоками мягкихъ лучей заливаетъ эту лазурную громаду, играя радужными брызгами... Э!... Хорошо!

Теплый, влажный вѣтеръ, пропитанный запахомъ пряныхъ травъ и соленого моря, страстно шепчется съ рядами стройныхъ кипарисовъ... Смуглые люди... Южныя женщины, еще хранящія въ своихъ чертахъ античные типы... Э!... Хорошо любить жизнь, красоту и море!... Харгъ!... Харгъ!...

Дальше!... все дальше!... море!... все только волны и небо, небо и тучи!... Взволнованная громада глубоко дышитъ крупными тяжелыми волнами, по небу мчатся косматыя, разорванныя тучи, и кажется, что на горизонтѣ онѣ опускаются въ пучину и волны, вздымаясь, касаются тучъ... Какъ чудовища, низко ползутъ онѣ надъ волнами... Волны прыгаютъ и ревуть, какъ бѣлогривые звѣри...

Кажется, что царь морской возненавидѣлъ надводный міръ—такъ гнѣвно дышетъ море своею мощною грудью.

И поетъ море... Поетъ, какъ органъ, могучую торжественную, вѣчную пѣснь... И пѣснь эта—о тайнахъ



мира, о морской глубинѣ, о вѣчности звѣздъ, о торжествѣ всемогущей природы и ничтожествѣ человѣка... Э!... Хорошо быть вальдшнепомъ!... Дальше!... все дальше!... Харгъ! Харгъ!...

Какъ хороша Розовая скала около Сорренто!...

— Хо-хо-хо!—не выдержали огарки:—а ты былъ въ Сорренто?

— Не перебивайте!..—въ отчаяніи возопилъ Савоська отрясая кулаками:—о, черти! все пропало! не могу, больше о вальдшн пѣ! дайте рюмку водки!

Передъ огарками на разостланной буркѣ иждивеніемъ Гаврилы была воздвигнута четвертная бутылъ водки и обильная закуска съ „икрой“. Всему этому они давно уже воздавали подобающую честь.

Савоська „тяпнулъ“ водки и углубился въ себя, вдохновляясь на новую тему.

— Видѣлъ ли ты море-то?—спросили его.

— Никогда!—отвѣчалъ Савоська.

— Расскажи лучше о твоей преступной связи съ аптекаршей!—невозмутимымъ тономъ посовѣтовалъ Толстый:—или о томъ, какъ ты выстроилъ церковь!

Всѣ разсмѣялись.

— Э!—квкнулъ Савоська:—въ церковь, выстроенную мной, я никогда не взойду, а объ аптекаршѣ не стоитъ вспоминать: когда я пришелъ къ ней въ послѣдній разъ—квартира оказалась запертой. Я—въ аптеку, ну и, конечно, наткнулся тамъ на аптекаря. Однако не сморгнулъ глазомъ: гдѣ, спрашиваю, мадамъ такая-то? А аптекаръ мнѣ съ ядомъ: „уѣх-ха-л-ли“, говорить, въ Петербурхъ!.. И такъ это онъ скверно сказалъ, что я тотчасъ же въ тонъ ему отвѣтилъ: „кл-ли-зма“, повернулся, хлопнулъ дверью и ушелъ. Вотъ и все!—печально закончилъ Савоська.

— Хо-хо-хо!—гремѣли огарки.

— По-моему, любовь—это чепуха!—продолжалъ Са-

воська:—это—нѣчто буржуазное! Э!—хлопнулъ онъ себя по лбу:—хотите расскажу вамъ „лягушиную любовь?“

— Жарь!... хо-хо-хо!... запушыривай!

Савоська подобралъ ноги подъ себя, протянулъ передъ собой руку и началъ торжественнымъ голосомъ:

— Тихо было на болотѣ... Солнце закатывалось... На вязкомъ грязномъ берегу отъ лошадиного копыта остался глубокой слѣдъ, наполненный водой. И вотъ туда-то, въ это уединенное мѣсто, скрытое тѣнью колоссальнаго лопуха, и заплыли двѣ зеленыя молодыя лягушки помечтать на закатѣ солнца. Э!... Хорошо мечтается на болотѣ въ колдобоинѣ отъ лошадиного копыта!

Тихо шевеля своими зелеными лапками, двѣ подруги тихонько напѣвали нѣжный лягушиный дуэтъ—шалуньи! онѣ уже знали, что около колдобоины робко плаваютъ головастикъ, безумно влюбленный въ одну изъ нихъ!

Наконецъ, онъ не выдержалъ и тоже появился въ этой уютенькой лужицѣ съ только что пойманнымъ хрущомъ во рту.

Граціозно подплылъ онъ къ подругамъ и положилъ хруща къ ногамъ любимаго существа.

— Это для васъ!—выпуская пузыри, галантно прошепталъ головастикъ:—онъ еще живой-съ! Э!

Огарки разсмѣялись.

— Къ чорту лягушиную любовь!—загалдѣли они:—отхватай лучше стихи...

Соколь, въ красной рубахѣ безъ пояса, въ высокихъ сапогахъ и безъ картуза, стоялъ на краю обрыва и давно уже задумчиво смотрѣлъ на Волгу.

— Никакими ты мнѣ стихами не опишешь того,—съ разстановкой, медленно вымолвилъ онъ,—какъ плыветъ тихая рѣка къ морю.

— Вѣрно!—поддержали его.

— Мнѣ теперь такъ вотъ кажется,—продолжалъ Со-

коль уже патетически,—что вотъ эти всѣ горы, и вотъ эта гора, вонъ-вонъ, что похожа на развалины дворца— все это вовсе не графа какого-то тамъ, а мое, наше, потому что предки наши здѣсь разбойничали, и всѣ эти мѣста имъ принадлежали. Они здѣсь были хозяева! Да!

— Дорогой мой, вы, какъ мнѣ кажется, смотрите на природу съ точки зрѣнія крестьянскаго малоземелья!— прервалъ его Небезызвѣстный.

Всѣ засмѣялись.

— Что жъ!—отважно возразилъ Сокдль:—я говорю о самой истинной справедливости: кажется мнѣ вотъ, да и баста, что воротился я сюда какъ будто бы домой, въ свое владѣнье, къ этимъ развалинамъ дѣдовскимъ, и все это—мое! Но только что, конечно, забыли всѣ настоящаго-то владѣльца, не признаютъ его и въ грошъ не ставятъ, потому что давно уже онъ въ неизвѣстной отлучкѣ, въ бѣдности и униженіи, жизнь ведетъ огарческую, цыганскую, какъ есть—цыганскій баронъ! Вотъ онъ придетъ когда-нибудь и скажетъ: давъ сюды мое графство!

— Держи карманъ!

— Огребай плотву, яко щучину!—прогудѣлъ Сѣверовостоковъ.

— У моего папаши земли тоже цѣлое графство!— пропищалъ Гаврила:— а попробуй-ка сказать ему „давъ“, какъ онъ завизжить!

— Палилъ чортъ свинью: визгу много, а шерсти мало!—отозвался Толстый.

— Хо-хо-хо!

— А все-таки этотъ курганъ—мой!—не унимался Сокдль, сверкая глазами:—и горы—мои и скалы—мои! все здѣсь—мое!

Слегка выпившій, возбужденный и дикій, онъ говорилъ это полусхута, полусерьезно. Черные густые

волосы его стояли дыбомъ, вѣтеръ трепаль красную распоясанную рубаху.

— Я—сынъ моихъ предковъ, промышлявшихъ грабежомъ!—гордо воскликнулъ онъ, принимая торжественную, бессознательно-театральную позу:—они хоть и разбойники были, а все-таки я ихъ люблю и уважаю: они умѣли грѣшить—умѣли и каяться! злодѣйствовали, а потомъ постригались въ монахи, или шли на эшафотъ! въ пустынниковъ и праведниковъ передѣлывались! Я такъ понимаю ихъ, что герои это были, соколы, большіе люди! да! Вотъ здѣсь,—пнулъ Соколъ камень, на который опирался ногой,—вотъ, можетъ быть, на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ каменный стулъ батюшки Степана Тимофеевича, и онъ изволилъ тутъ судъ рядить и слушниковъ казнить: прямо въ Волгу ихъ отсюда сбрасывали! Ого!—радостно крикнулъ онъ.

— Это въ тебѣ разбойничья кровь говорить!—спокойно замѣтилъ Толстый, полулежа на землѣ и наливая себѣ водки въ свинцовую чарку:—истинно говорю тебѣ: долбанешъ ты когда-нибудь какое-либо начальство шкворнемъ по башкѣ!

— Долбану!—согласился Соколъ.

— Пойдите-ка! — вдругъ вскрикнулъ Савоська и, склонивъ голову на бокъ, прислушался:—слышите?... голоса!.. тамъ, внизу—драка!..—рѣшилъ онъ, вставая:—плюньте мнѣ въ морду, если вру: у меня ухо охотничье!..

Всѣ прислушались.

Сквозь шумъ волнъ, дѣйствительно, чудилась человѣческая ругань, крики и чей-то плачь.

Огарки вскочили на ноги.

Черезъ минуту они уже спускались по затылку Молодецкого кургана къ берегу Усы.

Впереди всѣхъ былъ Сѣверовостоковъ. Противъ кургана стояла на Усѣ барка, грузившая камень, а на-

берегу шумѣла толпа бурлаковъ-крючниковъ съ этой барки, человекъ двѣнадцать. Одни изъ нихъ смѣялись, другіе ругались. Плакали и визжали трое деревенскихъ мальчишекъ: крючники поймали ихъ, держали за шиворотъ и за что-то били, поднимая за волосы на воздухъ...

— Москву имъ надо показать! — со смѣхомъ галдѣли крючники.

Вдругъ съ горы загремѣлъ голосъ Сѣверовостокова: — Гей, вы! ухорѣзы! не смѣйте бить дѣтей!..

Крючники задрали головы кверху: въ полугорѣ стояли, выжидая, огарки, а по тропинкѣ спускался съ кургана „баринъ“—человекъ въ широкополой шляпѣ; шляпа возбудила въ крючникахъ ненависть.

Въ отвѣтъ на грозный окрикъ пѣвчаго посыпался градъ вызывающихъ, скверныхъ ругательствъ, такихъ изысканныхъ, какія можно слышать только отъ бурлаковъ на Волгѣ.

— Эй, шляпа!.. убирайся на легкомъ катерѣ къ чортовой матери!.. твою бы отца величать съ конца!.. барскій нищій съ худой голенищей!..

Ругань была рифмованная, художественно-артистическая, перебиравшая всю родословную, полная самыхъ невозможныхъ пожеланій.

Изъ толпы выдѣлился здоровенный парень и принялъ вызывающую позу.

— Потрафъ ему въ морду!—просили его товарищи:— „д-дай“ ему!

Крючники хотѣли воспользоваться случаемъ—поколотить „барина“.

Сѣверовостоковъ преобразился—онъ сразу вспыхнулъ, разсвирѣпѣлъ и пришелъ въ состояніе величайшей ярости: смуглое лицо его покрылось мертвенной блѣдностью, брови грозно сдвинулись, глаза освѣтились огнемъ. Онъ быстро сбросилъ съ себя пиджакъ и шляпу, окинулъ толпу молніеноснымъ взглядомъ,

потомъ оглядѣлся кругомъ, и взгляды его упалъ на разбитый остовъ челнока-душегубки, валявшейся на пескѣ. Это было дно маленькой, черной долбленой лодки, съ расколотою носовою частью. Какъ тигръ, прыгнувъ онъ къ ней, наступилъ ногой на одну половинку, схватилъ другую обѣими руками, съ трескомъ разодралъ челнокъ пополамъ и въ неподражаемо-гордой позѣ замахнулся этой половиной лодки, намѣреваясь ею истребить своихъ враговъ. Онъ былъ удивительно красивъ, живописенъ и страшенъ въ эту минуту, ловкій, гибкій, какъ хищный звѣрь, блѣдный, съ горящими глазами и цѣлою гривой развѣвающихся кудрявыхъ волосъ.

Крючники въ ужасѣ бѣжали отъ него. Сѣверовостоковъ не сталъ ихъ преслѣдовать, но, чтобы разрядить свой гнѣвъ, грянулъ половинкой челнока о большой камень, и она разлетѣлась въ щепки.

Убѣжали и крючники и побитые ими ребятишки.

Издали слышались голоса:

— Это самъ Окаянный!

— Эхъ, паря, на какого чорта наткнулись!

— Они всѣ, должно, такіе!..

— Хо-хо-хо!—ржали огарки, спускаясь къ рѣкѣ: — нашъ ударъ!

— И зачѣмъ ты ихъ распугалъ?—укоризненно сказалъ Сѣверовостокову Соколъ: — какая бы драка-то хорошая была!

Послѣ такой легкой побѣды надъ крючниками, огарки раздѣлились и стали купаться въ зеркально-чистой Усѣ, около своей лодки.

Сѣверовостоковъ бросился въ воду первый и сразу же поплылъ вдаль, мимо кургана, къ Волгѣ. Плавалъ онъ великолѣпно, легко разсѣкая спокойную гладь рѣки своими богатырскими руками и взбивая грудью пѣнистую волну. Огарки долго любовались, какъ послѣ каждаго взмаха руки показывалась надъ водой его

могучая смуглая спина, влажная и блестящая на солнцѣ, вся изъ напряженныхъ мускуловъ.

Наконецъ, онъ пропалъ изъ глазъ.

Прошло съ четверть часа, а Сѣверовостоковъ не возвращался.

Огарки вылѣзли изъ воды, одѣлись, а его все не было.

Тогда они стали беспокоиться.

— Что за чортъ? куда онъ дѣлся? — недоумѣвали огарки:—не утонулъ же въ самомъ дѣлѣ?

И они всѣ хоромъ, разными голосами, надрываясь, начали кричать, издавая протяжные, дикіе звуки:

— Ого-го-го-го!

Но никто не отзывался—только эхо гудѣло въ горахъ.

Тревога ихъ стала возрастать.

— Поѣдемте за нимъ на лодкѣ!—предложилъ Толстый:—заплылъ, должно быть, далеко, чортъ!

Они усѣлись въ лодку, отчалили и направились черезъ Волгу къ ея чуть видному песчаному берегу.

Ѣхали, уныло всплескивая четырьмя веслами, озирались кругомъ, кричали, махали рубахой, привязанной къ багру.

Но кругомъ разстилалась и молчала огромная водная ширь, блестящая подъ лучами солнца.

Молодецкій курганъ остался далеко позади ихъ, сдѣлался маленькимъ, а песчаный берегъ былъ еще далеко: Волга здѣсь разливалась версты на три.

Доплывъ до середины рѣки, они долго кричали, пока не охрипли.

Сѣверовостокова нигдѣ не было.

Огарки бросили весла, умолкли и задумались.

Сокдлъ, снявъ шапку, перекрестился.

— Царство небесное!—сказалъ онъ строго и мрачно.

Тогда и остальные, при всемъ ихъ равнодушіи къ религіи, обнажили головы и тихо прошептали:

- Царство небесное!
- Хорошій былъ огарокъ, а какъ умеръ глупо!
- Главное—молодой еще... жалко!
- Некрологъ напишу!—сказаль Небезызвѣстный.

Они повернули лодку обратно и поплыли опять къ Молодецкому кургану въ глубокомъ, печальномъ безмолвіи.

Но лишь только подѣхали они къ берегу, какъ откуда-то издалека доплылъ до нихъ могучій, знакомый голосъ...

— Это онъ! — радостно закричали огарки, подняли весла и прислушались.

На далекомъ песчаномъ берегу Волги пѣлъ Сѣверовостоковъ, и голосъ его разносился на три версты кругомъ:

Межъ крутыхъ бережковъ  
Волга-рѣчка течеть,  
А за ней по волнамъ  
Легка лодка плыветь...

— Ореть!—радостно закричали огарки:— у, Балбесъ проклятый, сколько людямъ крови испортилъ, подавиться бы тебѣ!... Айда, ребята, скорѣе къ нему!... Хорошо, что хоть хайло-то у него, какъ у влюбленнаго осла!..

И огарки, дружно работая веслами, снова поплыли за три версты.

А Сѣверовостоковъ оралъ все громче и ужаснѣе, забираясь на самыя верхнія ноты:

Въ ней сидѣлъ молодець,  
Волны рѣзалъ весломъ;  
Шапка съ кистью на немъ  
И кафтанъ съ галуномъ.

Это была волжская разбойничья пѣсня. Огарки мчались прямо на голосъ.

А въ боярскомъ дому  
Отворялось окно,



По веревкѣ краса  
Молодца приняла...

Гремѣло по рѣкѣ.

Степка Балбесъ долго пѣлъ еще и кончилъ пѣсню громовой размахистой нотой.

Только черезъ часъ переплыли они Волгу и причалили къ песчаной отмели лугового берега.

Подъ лучами полуденнаго солнца Сѣверовостоковъ давно уже спалъ нагой на пескѣ. Онъ лежалъ внизъ лицомъ, положивши косматую голову на вытянутыя могучія руки; голова его и грудь были на берегу, а все тѣло по поясъ лежало въ водѣ; лѣнивыя волны медленно перекатывались на его спину и снова сбѣгали съ худого, мускулистаго, словно вылитаго изъ бронзы, тѣла. И казался онъ какой-то символической фигурой, страннымъ исчадіемъ Волги, наполовину принадлежащимъ ей и заснувшимъ въ энергичной позѣ стремленія впередъ.

## VII.

Отъѣзжавшихъ огарковъ пришли провожать на конторку парохода Павлиха, Сокдлъ и Гаврила.

Явились еще пѣвчіе—девять басовъ архіерейскаго хора, вся басовая партія, и регентъ Спиридонъ—провождать Сѣверовостокова.

Опять было прелестное весеннее утро. Волга дышала привольемъ, свѣжестью, отрадой.

Огромный двухъэтажный пароходъ, бѣлый, какъ лебедь, пыхтя и выпуская въ воду пары, зашевелилъ могучими лопастями колесъ и сталъ медленно отходить отъ конторки.

На верхней площадкѣ его сгрудилась густая толпа отъѣзжавшихъ, внизу, на конторкѣ, не менѣе густая толпа ихъ родныхъ и знакомыхъ. Слышались восклицанія, привѣтствія, прощальныя пожеланія.

Въ воздухѣ мелькали платки.

На кормѣ стояли Сѣверовостоковъ, Савоська, Толстый и Небезызвѣстный.

На конторкѣ съ растроганными лицами замерли Соколъ и Гаврила. Подлѣ нихъ тихо плакала Павлиха.

Пароходъ пошелъ. Огарки кланялись, махая шляпами и платками.

Когда, наконецъ, пароходъ отошелъ на середину Волги и сталъ круто поворачивать внизъ по теченію, архіерейскіе басы выстроились всѣ врьдъ, регентъ поднесъ къ уху камертонъ, задалъ тонъ и взмахнулъ рукой: басы мощно и стройно, всѣ въ разъ и въ одну ноту заревѣли оглушительными голосами:

— Про-ща-а-ай!

Толпа шарахнулась отъ нихъ.

Сѣверовостоковъ долго не отвѣчалъ имъ. На кормѣ парохода едва можно было различить его картинную фигуру въ широкополой шляпѣ.

Только когда пароходъ совсѣмъ перевалилъ на другую сторону рѣки, оттуда доплылъ густой, круглый и могучій отвѣтъ въ ту же самую ноту:

— Про-ща-а-ай!

Голосъ его, плотный, цѣльный и громадный, дошелъ, какъ волна, издалека и долго катился по рѣкѣ.

И сразу всѣ почувствовали превосходство этого благороднаго, кованаго голоса надъ всѣми девятью архіерейскими басами.

Пароходъ быстро удалялся и скоро исчезъ вдали, за изгибомъ рѣки.

Съ конторки всѣ разбрелись.

— Эхъ, соколы! улетѣли вы!—все еще глядя на блестящій горизонтъ, съ чувствомъ воскликнулъ кузнецъ:—подались наши на новыя мѣста!

— На вольныя земли!—грустно отозвался Гаврила. Павлиха молча вытирала слезы.

— Эхъ, Павлиха-соколиха!—обнялъ старуху Соколъ:—

какъ ты теперь безъ огарковъ жить будешь?... заску-  
чаешь!

— Вотъ! — возразила Павлиха, улыбаясь послѣ слезъ:—мало что ли огарковъ на свѣтѣ?... новыхъ на-  
беру!

— Правда твоя, мать огарческая! — подтвердилъ  
Гаврила:—новыхъ набирай!.. только вотъ ужь я...

Гаврила запнулся, подбородокъ его задрожалъ, на  
глазахъ навернулись слезы.

— ...Я ужь останусь одинъ...—онъ овладѣлъ собой  
и улыбнулся:—какъ собака на заборѣ!

— Д-да! посидимъ пока что, какъ греки подъ бере-  
зой!—толковалъ кузнецъ:—а потомъ и мы... куда-ни-  
будь... улетимъ... въ сіяньи голубого дня...

Такъ шли они домой и говорили словами своего  
атамана.

---

Черезъ недѣлю Гаврила застрѣлился изъ ружья у  
себя на хуторѣ, въ степи...

Огарческій періодъ жизни кончился для огарковъ.  
Разбросанные въ разныя стороны свѣта, они вступили  
въ новый фазисъ своего развитія. Ихъ ждала новая  
жизнь, совершенно отличная отъ жизни огарческой.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда пришла великая рус-  
ская революція, они исполнили свое обѣщаніе: под-  
няли знамя, держали его твердо, шли честно и—нашли  
себѣ поле...

Миръ имъ!

27-го марта 1906 г.



Цѣна.

1. М. Горькій. Пѣсня о соколѣ.—Пѣсня о буревѣтникѣ.— Легенда о Марко . . . . .	2 к.
2. М. Горькій. Человѣкъ . . . . .	2 "
3. М. Горькій. Макарь Чудра . . . . .	3 "
4. М. Горькій. О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ, люби- тель истины . . . . .	2 "
5. М. Горькій. Емельянъ Пиляй . . . . .	3 "
6. М. Горькій. Дѣвъ Архипъ и Ленъка . . . . .	5 "
7. М. Горькій. Челкашъ . . . . .	7 "
8. М. Горькій. Старуха Изергиль . . . . .	5 "
9. М. Горькій. Однажды осенью . . . . .	3 "
10. М. Горькій. Мой спутникъ . . . . .	6 "
11. М. Горькій. Дѣло съ застѣжками . . . . .	3 "
12. М. Горькій. На плотяхъ . . . . .	3 "
13. М. Горькій. Болесь . . . . .	2 "
14. М. Горькій. Тоска . . . . .	10 "
15. М. Горькій. Коноваловъ . . . . .	10 "
16. М. Горькій. Ханъ и его сынъ . . . . .	2 "
17. М. Горькій. Супруги Орловы . . . . .	12 "
18. М. Горькій. Бывшіе люди . . . . .	12 "
19. М. Горькій. Озорникъ . . . . .	5 "
20. М. Горькій. Варенъка Олесова . . . . .	—
21. М. Горькій. Товарищи . . . . .	4 "
22. М. Горькій. Въ степи . . . . .	3 "
23. М. Горькій. Мальва . . . . .	10 "
24. М. Горькій. Ярмарка въ Голтвѣ . . . . .	3 "
25. М. Горькій. Зауборина . . . . .	3 "
26. М. Горькій. Скуки ради . . . . .	5 "
27. М. Горькій. Каинъ и Артемъ . . . . .	6 "
28. М. Горькій. Дружки . . . . .	4 "
29. М. Горькій. Проходимецъ . . . . .	7 "
30. М. Горькій. Кирилка . . . . .	3 "
31. М. Горькій. Васька Красный . . . . .	5 "
32. М. Горькій. Двадцать шесть и одна . . . . .	5 "
33. М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича . . . . .	5 "
34. М. Горькій. Тюрма . . . . .	8 "
35. М. Горькій. Трое . . . . .	—
41. Скиталецъ. Стихотворенія. Книга I . . . . .	5 "
42. Скиталецъ. Стихотворенія. Книга II . . . . .	6 "
43. Скиталецъ. Сквозь строй . . . . .	12 "
44. Скиталецъ. За тюремной стѣной . . . . .	5 "
45. Скиталецъ. Октава . . . . .	12 "
46. Скиталецъ. Ранняя обѣдня . . . . .	3 "
47. Скиталецъ. Полевой судъ . . . . .	5 "
51. Л. Андреевъ. Набатъ . . . . .	2 "
52. Л. Андреевъ. Ангелочекъ . . . . .	3 "
53. Л. Андреевъ. Молчаніе . . . . .	3 "
54. Л. Андреевъ. Валя . . . . .	3 "

**ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»:**

Цѣна.

55. Л. Андреевъ. На рѣкѣ . . . . .	4	к
56. Л. Андреевъ. Въ подвалѣ . . . . .	3	"
57. Л. Андреевъ. Петька на дачѣ . . . . .	3	"
58. Л. Андреевъ. У окна . . . . .	5	"
59. Л. Андреевъ. Жили-были . . . . .	5	"
60. Л. Андреевъ. Въ темную даль . . . . .	4	"
61. С. Гусевъ-Оренбургскій. Омѣтъ . . . . .	3	"
62. С. Гусевъ-Оренбургскій. Конокрадъ . . . . .	2	"
63. С. Гусевъ-Оренбургскій. Миша . . . . .	2	"
64. С. Гусевъ-Оренбургскій. Послѣдній часъ . . . . .	6	"
65. С. Гусевъ-Оренбургскій. На родину . . . . .	4	"
66. С. Гусевъ-Оренбургскій. Сквозь преграды . . . . .	2	"
67. С. Гусевъ-Оренбургскій. Кахетинка . . . . .	3	"
68. С. Гусевъ-Оренбургскій. Бѣдный приходъ . . . . .	2	"
69. С. Гусевъ-Оренбургскій. Злой духъ . . . . .	4	"
70. С. Гусевъ-Оренбургскій. Жалоба . . . . .	5	"
71. А. Серафимовичъ. Въ камышахъ . . . . .	3	"
72. А. Серафимовичъ. Местъ . . . . .	4	"
73. А. Серафимовичъ. На льдинѣ . . . . .	4	"
74. А. Серафимовичъ. Степные люди . . . . .	5	"
75. А. Серафимовичъ. Ночью . . . . .	3	"
76. А. Серафимовичъ. Сдѣшчикъ . . . . .	3	"
77. А. Серафимовичъ. На заводѣ . . . . .	5	"
78. А. Серафимовичъ. Подъ землей . . . . .	6	"
79. А. Серафимовичъ. Подъ уклонъ . . . . .	3	"
81. А. Купринъ. Дознаніе . . . . .	3	"
82. Н. Телешовъ. Пѣснь о трехъ юношахъ . . . . .	3	"
83. Н. Телешовъ. Противъ обычая . . . . .	3	"
84. Н. Телешовъ. Домой . . . . .	3	"
85. Н. Телешовъ. Хлѣбъ-соль . . . . .	3	"
86. С. Елпатьяевскій. Спирька . . . . .	8	"
87. С. Елпатьяевскій. Пожалѣй меня . . . . .	2	"
88. С. Елпатьяевскій. Присяжнымъ засѣдателемъ . . . . .	3	"
89. Ив. Бунинъ. Стихотворенія . . . . .	4	"
90. К. Бальмонтъ. Стихотворенія . . . . .	3	"
91. С. Юшкевичъ. Невинные . . . . .	4	"
92. С. Юшкевичъ. Убійца . . . . .	3	"
93. С. Юшкевичъ. Кабатчикъ Гейманъ . . . . .	7	"
94. С. Юшкевичъ. Ита Гайне . . . . .	—	"
95. С. Юшкевичъ. Человѣкъ . . . . .	—	"
96. С. Юшкевичъ. Евреи . . . . .	—	"
98. А. Черемновъ. Стихотворенія. Книга I . . . . .	—	"
99. А. Черемновъ. Стихотворенія. Книга II . . . . .	—	"
100. В. Чириковъ. Евреи . . . . .	12	"

и другія книги.







PG 3,227  
.527  
V.10

18, VIII



**DO NOT REMOVE  
SLIP FROM POCKET**



DMCO

Digitized by Google



3 0000 093 589 020